A 90 3/15

А20 3/15

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ

РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета

Романомъ Брандтомъ.

Выпускъ I.

ФОНЕТИКА.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Извлечено изъ XVI тома Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета по Историко-Филологическому факультету.

БИБЛИОТЕКА
17725
26/VII

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служитъ литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Гласные звуки.

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ ударéніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тяну́, тену́, или тину́, но 2-е лицо «тя́нешь» показываетъ, что нужно писать я.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впослѣдствіи.

Звукъ а́ не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей [1]. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго ѧ—таковое *а* мы имѣемъ, напримѣръ, въ словахъ ба́ба, са́н. [2]. 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ старославянскомъ языкѣ былъ ѧ [3]; а именно юсу узкому соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью [4]. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ ѧ находимъ просто *а*. ’А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ с̀а́ду, соотвѣтствующемъ старославянскому **садж**; въ существительномъ ма́са, равномъ старославянскому **мясо**. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ ѧ, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримѣръ, существительное жа́ла, основная форма котораго будетъ **жало**; имѣемъ прилагательное ша́ткъй, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ **шатати сѧ**. (Русскій глаголъ шата́ться въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соотвѣтствіе ѧ является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ t͡ш, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

---

[1] О нѣкоторыхъ оттѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

[2] Ударніе русскихъ словъ я, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отвѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, ´и` (акутъ и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

[3] Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со старославянскими, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ старославянскихъ.

[4] Мягкость я буду обозначать апострофомъ.

т + ш̀. При такомъ произношеніи слогъ ꙋѧ находитъ подобное же отраженіе какъ жѧ и шѧ, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. т͡ш̀а̀с̀т̀, равное староцерк. ꙋѧсть. Но не вездѣ одинаково произносятъ *ч*, въ нѣкоторыхъ говорахъ *ч* мягко, т. е. представляетъ т̀+ш̀. При такомъ выговорѣ *ч* не стоитъ уже на ряду съ *ж* и *ш*, а подходитъ подъ общее правило. Сказанное про *ч* относится и къ согласному трифтонгу *щ*, который есть или ш̀т̀ш̀, или же ш̀т̀ш̀, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ ш̀ш̀: па ш̀т̀ш̀а́да, или па ш̀т̀ш̀а́да, или же па ш̀п̀а́да=староцерковному *поштѧда, праславянскому *пощѧда. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда ѧ предшествуетъ j, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово jа́дра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть *а* подъ удареніемъ), соотвѣтствующее староцерковному ꙗдра. Здѣсь звуку *а* предшествуетъ мягкій согласникъ j, но всетаки самому ѧ соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ *а*, потому что j на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское *а* съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ староцерковныхъ формахъ съ ѣ. Такъ, при нашемъ нарѣчіи пр̀а́мо мы находимъ староцерковное прѣмо; русской глагольной формѣ пама́н̀ьт соотвѣтствуетъ староцерковная помѣнеть; русское прилагательное рум'а́нъй соотвѣтствуетъ староцерковному роумѣнъ. Но при глагольной формѣ помѣнеть мы встрѣчаемъ также форму помѧнеть. Староцерковное роумѣнъ по-сербски будетъ ру̀мен, румѐна, -о; а сербское *е*, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное є, или ѧ, но не ѣ: если бы тутъ былъ ѣ, то при формѣ ру̀мен должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности ру̀мjен и -*ин*. Итакъ серб. ру̀мен свидѣтельствуетъ объ основномъ роумѧнъ. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ ѣ: по-польски rumiany, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому ѣ, на мѣстѣ же ѧ было бы 'ą или 'ę: rumiąny или rumięny [1]. Такимъ образомъ праславян-

[1] Почти тожественныя фонемы rumiany и рум'а́нъй представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія ѣм ѣн въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности ѧм, ѧн, и русскія *'ам, 'ан* можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги ja, жа, ша, т͡ша произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ ѧ; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхожденіе. Существуютъ также слова̀ въ родѣ j á г ъ д а, равнаго основному ꙗгода, гдѣ *а* восходитъ къ праславянскому ѧ и къ славяно-литовскому ō—по-литовски это слово будетъ ů̃ga, что̀ предполагаетъ славяно-литовское *ōgā. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ ja, жа, ша, т͡ша, ѧ славянскій и вмѣстѣ съ тѣмъ русское *а* стоитъ очень часто вмѣсто ѣ. Мы имѣемъ, напр., глаголъ боꙗти сѧ, 2-е лицо настоящаго боиши сѧ; глаголъ стоꙗти, 2-е л. стоиши — эти глаголы образованы такъ же, какъ летѣти, имѣющій 2-е л. летиши, но только въ неокончательномъ они послѣ j вмѣсто ѣ представляютъ ѧ. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ ѧ вмѣсто ѣ, напр. лежати, 2-е лицо лежиши—лежати вмѣсто *легѣти. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ *е* у з к о е, предполагающее ē, напр. нашему сѣдѣти въ литовскомъ соотвѣтствуетъ sėdė́ti. Подобное же *а* вмѣсто ѣ является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ жáба, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—ж ă б а (съ *а*: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ ѧ, то Сербы произносили бы ж *е* б а) и въ польскомъ żaba (а не żęba или żąba). Таково же слово ш á л ъ с̀ т̀, находящееся въ связи съ сербскимъ ш á л а шутка (не ш *е* л а), съ польскимъ szalony безумный (не szęlony или szą̨lony); далѣе слово т͡ш á ш а, сербское ч ă ш а и польское czasza. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что указанныя слова представляютъ *а* вмѣсто *ѣ*, но точнѣе говорить, что *а* замѣняетъ тутъ *ē*, которое при другихъ условіяхъ дало бы *ѣ*. Притомъ уже Праславяне послѣ j и шипящихъ употребляли *а* вмѣсто *ē*, и русскіе унаслѣдовали г о т о в о е *а*.

Такъ какъ русскій звукъ *а* съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному ѧ, или ѧ, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное *а*. Замѣтимъ, что въ корняхъ *а* съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. е., за исключеніемъ созвучій ја, жа, ша, t͡ша) происходитъ изъ ѧ, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее *а* съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово з'имла́ соотвѣтствуетъ старославянскому **ꙁемлѧ**.

Замѣна ѧ черезъ *'а*—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ ѧ соотвѣтствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что *ч* можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и *ж, ш*. Такъ, напримѣръ, ж'а́ л а первоначально звучало ж'а́ л о, ш а́ т к ъ й—ш'а́ т к о й. Что ѧ издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы ѧ съ буквами ѧ и ѧ. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «**поухахъ писати**», между тѣмъ какъ нужно было написать «**поухахъ**»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываніи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ ѧ, ѧ и ѧ. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, носовыхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака ѧ, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ѧ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; ѧ преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква *я* гражданскаго письма́ и печати.

Обратимся теперь къ звуку *е*. *Е* есть звукъ средній между *а* и *и*, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно середину между ними, или же приближаться болѣе къ *а*, или болѣе къ *и*. Въ русскомъ языкѣ существуютъ д в а *е*—одно болѣе близкое къ *а*, другое болѣе близкое къ *и*; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще *е* среднее, одинаково далекое какъ отъ *и*, такъ и отъ *а*. Звукъ *е* болѣе близкій къ *а* буду обозначать посредствомъ ä и называть *е* широкимъ. Широкое *е* тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ Aehre (колосъ), и съ французскимъ è, напр. въ словѣ père: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово м̀ ä л. Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ Ehre (честь), французскому é, напр. въ словѣ bonté (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово м̀ є л̀. (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двоякость звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ е, ѣ и э». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный спеціалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, Bulletin historico-philologique, v. IX, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ ä, а гдѣ e, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій j, или, если употребить другой терминъ—*i* неслого́вое (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ й), является e, въ другихъ случаяхъ—ä. Значитъ, ä является не-

редъ твердыми согласными и въ исходѣ [1]. Это можно видѣть уже на приведенныхъ выше примѣрахъ (м̇ä л, м̇є л̇): въ первомъ случаѣ мы передъ твердымъ согласнымъ находимъ ä; во второмъ, передъ мягкимъ—є. Возьмемъ затѣмъ, какъ примѣръ на ä въ изглашеніи, нарѣчіе в д ä [2]. Сопоставимъ еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ при чередованіи согласныхъ твердыхъ и мягкихъ мѣняется звукъ *е*. Произнося въ именительномъ падежѣ д̇ä̇л а, мы въ мѣстномъ говоримъ (в) д̇є́л̇и, далѣе: ана̀ с̇ä̇ла, но ани̇̀ с̇є́л̇и. Подобнымъ же образомъ является звукъ ä въ именительномъ падежѣ слова св̇ä т, а мѣстный будетъ (ф) св̇є́т̇и, точно также уменьшительная форма этого слова будетъ с̇в̇є́т̇ьк. Возьмемъ еще мѣстоименіе «этотъ» въ женскомъ родѣ: напр. ᵘä̇ т а д а́ м а, но во множественномъ числѣ будетъ ᵘє́т̇и д а́ м ы. Въ появленіи є передъ мягкими согласными мы должны видѣть родъ уподобленія: мягкій согласный содержитъ въ себѣ элементъ средненёбный, элементъ j, а согласный j ближайшій родичъ гласнаго *и*; поэтому-то *е* передъ мягкими согласными приближается къ *и*, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ j.

Я приводилъ примѣры на ä и є, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи звука *е*; и дѣйствительно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оно почти безразлично.

Судя по письму, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ исключеній изъ нашего закона, но всѣ они мнимыя. Таково, напр., слово в е р х ъ, гдѣ какъ будто является є передъ твердымъ *р*, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ *р* мягкій, и произносятъ в̇ є р̇ х; иногда правда, слышится и твердый *р*, но тогда говорятъ уже в̇ä р х, съ широкимъ *е*. Впрочемъ, второе произношеніе надо считать провинціализмомъ, или же искусственнымъ примѣненіемъ къ письму. Подобныя же исключенія представляютъ слова въ родѣ м е ч ъ, л е щ ъ, гдѣ твердость обозначается только на письмѣ, а въ произношеніи ея не существуетъ. Мы произносимъ м̇є т̇ш̇ или м̇є т̇ш̇

---

[1] Исходомъ или изглашеніемъ называется послѣдній звукъ въ словѣ.

[2] Въ словѣ г д ѣ слышится своеобразный звукъ г, который я обозначаю черезъ ъ. Это обозначеніе было изобрѣтено Шегре́номъ для Осетинскаго языка и потомъ употреблено Бётлингомъ для Якутскаго, а также, въ вышеупомянутой статьѣ о русской фонетикѣ.

и во всякомъ случаѣ первая часть звука *ч*, непосредственно примыкающая къ звуку *е*,—мягкая (т̓). Слово лещъ мы произносимъ л̓ешт̓ш̓, или л̓ешт̓ш̓, или л̓ешш̓; опять-таки первая часть сложнаго согласнаго мягкая. Подобныя же мнимыя исключенія представляютъ прилагательныя в̓е́ш̓н̓ьй и пр̓е́ж̓н̓ьй, гдѣ *ш* и *ж* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго сами мягки, хотя мягкость на письмѣ не обозначается. Съ другой стороны существуютъ слова̀, въ которыхъ пишется мягкій знакъ, но передъ «мягкою согласною» приходится читать ä: въ этихъ случаяхъ ерь имѣетъ только этимологическое значеніе. Такъ напр. въ словѣ п-л-ѣ-ш-ь, равномъ пл̓äш; въ велительномъ наклоненіи глагола утѣшить—у-т-ѣ-ш-ь=ут̓ä̊ш, или отъ глагола рѣзать—р-ѣ-ж-ь=р̓äш. Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ колебанія, подобныхъ замѣченному въ словѣ верхъ. Таково количественное числительное семь: одни произносятъ с̓äм, другіе—с̓ем̓; таково же порядковое числительное первый: одни говорятъ п̓ä̊рвъй, другіе—п̓е́р̓въй. Подобнымъ же образомъ слышится кан̓ä̊шна, съ твердымъ *ш* и съ *ä*, или же кан̓е́т̓шна (либо кан̓е́т̓шна), съ *ч* и съ *е*. Слово п̓äт, когда къ нему примыкаетъ частица л̓и можетъ сохранять твердое *т*, тогда будетъ п̓ä̊тл̓и; если же *т* уподобляютъ элю и произносятъ его мягко, то *е* будетъ узкое—н̓е́т̓л̓и. Кажется, уподобленіе нерѣдко бываетъ неполное, такъ что *т* примѣняется къ л̓, но не дѣлается собственно мягкимъ, а только среднимъ, въ такомъ случаѣ получается и *е среднее*, не широкое, но и не узкое: н̓е́т̓л̓и.

Звукъ *е* въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть звукъ *умягчительный*. (Выраженіемъ «умягчительный» я хочу сказать, что данному гласному предшествуетъ всегда мягкій согласный). Въ зачинѣ, т. е. будучи первымъ звукомъ слова, *е* имѣетъ передъ собой всегда согласный элементъ—точнѣе говоря, *е* начальнымъ звукомъ никогда не бываетъ. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пишемъ э, слово не начинается съ гласнаго элемента, а съ легкаго j или неслоговаго і, который я буду обозначать маленькою буквою й, напр. ⁿä! ⁿäх! ⁿä̊тът, ⁿе́т̓и, ⁿей! Тоже самое и въ пришлыхъ словахъ, напр. ⁿä̊ха, ⁿä̊ра. Здѣсь, правда, иногда слышится *е* чистое, но только при очевидномъ желаніи произнести по иностранному. Легкій j передъ звукомъ *е* въ началѣ слова, какъ само

собой разумѣется, встрѣчается рѣдко: вѣдь немногія слова на письмѣ начинаются съ буквы э. Происходитъ это оттого, что еще въ праславянской рѣчи зачинное *е* приняло *призвукъ j*, такъ что слова, которыя въ родственныхъ языкахъ начинаются со звука *е*, у Славянъ начинаются съ j: при греческомъ ἐστί мы находимъ славянское **ѥсть**, русское j є с̓ т̓. Призвукъ [1] въ русскомъ языкѣ, также и въ другихъ новославянскихъ языкахъ является и передъ *ѣ*, который, слѣдуетъ думать, въ староцерковномъ и въ основномъ славянскомъ языкѣ призвука не имѣлъ. Мы видимъ по-русски глагольную форму j ä м и при ней инфинитивъ j є с̓ т̓; но предполагаемыя ими праславянскія формы **ѣмь, ѣсти**, должно быть, j не содержали, потому что вмѣсто **ѣ** (изъ праязычнаго ē) послѣ j и другихъ мягкихъ согласныхъ являлся **а**. Да мы, дѣйствительно, и находимъ при **ѣмь, ѣсти** господствующія въ староцерковномъ языкѣ разновидности **ꙗмь, ꙗсти**. Изъ существованія рядомъ такихъ фонемъ, какъ **ꙗмь, ꙗсти** и **ѣмь, ѣсти**, легко объясняются j ä м, j є с̓ т̓: огласовка идетъ изъ однихъ фонемъ, а призвукъ— изъ другихъ. Впрочемъ, если **ѣ**, какъ думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, былъ восходящимъ дифтонгомъ i é, то призвукъ можно объяснять фонетически изъ перваго его элемента.—Какъ исключеніе изъ общаго закона, мы имѣемъ звукъ *е* безъ предшествующей мягкости послѣ шипящихъ *ж, ш* и послѣ согласнаго дифтонга т͡с. Эти звуки передъ *е* бываютъ средними—ни мягкими, ни твердыми, напр. ж̓ є с̓ т̓, ш̓ є с̓ т̓, т͡с̓ є л̓, прилагат. т͡с̓ а̓ л ъ й. Подобнымъ же образомъ произносятъ т͡ш̓ є с̓ т̓ (но также и т̓ ш̓ є с̓ т̓), ш̓т͡ш̓ є л̓ (но также ш̓т̓ш̓є л̓ или ш̓ш̓є л̓). Еще мы находимъ звукъ *е* съ предшествующими средними согласными, когда слово начинающееся съ *е* примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго слова. Такія соединенія являются тогда, когда мѣстоименіе э т о т ъ примыкаетъ къ предлогу съ твердымъ изглашеніемъ, напр. аб̓ а̓ т ъ м, с̓ є̓ т̓ ь м (*б* и *с*, примѣняясь къ *е*, умягчаются, но незначительно); то же самое въ такихъ соединеніяхъ какъ а н а̀ с л ы́-

---

[1] Призвукъ—терминъ Я. К. Грота; обыкновенно говорятъ «придыханіе», но послѣдній терминъ страненъ, да и неудобенъ, такъ какъ мы его употребляемъ въ другомъ смыслѣ.

ш ы т ѧ х а. Вѣроятно слѣдуетъ думать, что, когда развивался такой выговоръ, въ зачинѣ еще не было легкаго j.

Въ нарѣчіи м а л о р у с с к о м ъ звукъ *е неумягчительный*: предшествующій ему согласный довольно твердъ, хотя нѣсколько мягче, чѣмъ передъ *а, о, у*. Малорусская рѣчь не знаетъ также, или знаетъ не въ такомъ явственномъ видѣ, примѣненіе звука *е* къ слѣдующему согласному, напр. слово д є н̀ по-малор. будетъ д е н̀; слово б̀ е р ь к—б̀ е р е в; слово а т̀ ѧ т с—о т̀ є т̀ є. Довольно значительная твердость согласныхъ передъ *е* должна считаться вторичнымъ явленіемъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе сокращенной формы велительнаго наклоненія, гдѣ вмѣсто окончанія *те* является одно *т*, но *мягкое*. Старославянской формѣ **бєрѣте**! соотвѣтствуетъ по-малорусски б̀ е р ѝ т̀ е! и б̀ е р ѝ т̀! Очевидно, основная форма представляла окончаніе *те* не столь твердое, какъ въ настоящее время. Нельзя впрочемъ думать, чтобы мягкость въ основномъ русскомъ передъ *с* была такъ сильна, какъ у современныхъ Великороссовъ и Бѣлоруссовъ.

Обратимся теперь къ происхожденію звуковъ ѧ и є. Эти звуки соотвѣтствуютъ тремъ старославянскимъ звукамъ: **є, ѣ, ь. Ь** въ русскомъ языкѣ или нѣмѣетъ, оставляя по себѣ мягкость, или проясняется въ *е*. Впрочемъ мягкость впослѣдствіи могла иногда утратиться, а *е*—подвергнуться вторичному измѣненію. Полное совпаденіе указанныхъ основныхъ звуковъ имѣетъ мѣсто передъ мягкими согласными: передъ ними **є, ѣ** и **ь** совпали въ одномъ звукѣ є. Что дѣйствительно существуетъ полное совпаденіе, въ этомъ легко убѣдиться на примѣрахъ. Сравнимъ, напр., выраженіе «а лѣнь» съ существительнымъ «олень»—и то и другое звучитъ одинаково: а л̀ є н̀. Подобнымъ же образомъ можно сравнить сочетаніе «а день» съ велительнымъ «одѣнь»!—то и другое въ фонетической транскрипціи будетъ а д̀ є н̀. Передъ согласными твердыми нѣтъ совпаденія трехъ гласныхъ, а совпадаютъ только два—**є** и **ь. Є** и **ь** передъ твердыми согласными разширились въ *о*, причемъ, конечно, мягкость предшествующаго согласнаго сохранилась, т. е. происходитъ, какъ обыкновенно выражаются, «переходъ *е* въ *ё*». Такимъ образомъ основная фонема **теплън** даетъ по-русски т̀ о п л ъ й; основная фонема **пьсъ**—п̀ о с. (Не слѣдуетъ думать, чтобы **ь** *прямо* измѣнялся въ *о*: здѣсь *о* вторичное, изъ *е*). Превративъ передъ

твердыми согласными древніе **є** и **ь** въ *о*, русскій языкъ сохранилъ въ такомъ положеніи **ѣ**: л̇ä с, н̇ä г а, б̇ä л ъ й и т. д., такъ что наше ä, можно сказать, соотвѣтствуетъ основному **ѣ**. Есть однако случаи, гдѣ ä имѣетъ иное происхожденіе: 1) этотъ звукъ встрѣчается въ словахъ пришлыхъ, напр. м̇äтъ, кад̇äт; 2) ä бываетъ на мѣстѣ древняго **є** въ книжныхъ словахъ, подъ вліяніемъ церковнаго языка и правописанія. Такимъ образомъ мы имѣемъ выговоръ п̇ р̇ и д̇ м̇ ä т, по-польски przedmiot, да и по-русски тотъ-же корень въ чисто-русскомъ словѣ п а м̇ о т представляетъ разширеніе; п а д̇ ä ш (грамм. терминъ), но п а д̇ о ш. Книжнымъ приходится считать и произношеніе н̇ ä б а coelum, рядомъ съ н̇ о б а palatum. Можно удивляться, что слово нäба имѣетъ книжный выговоръ; но, вѣроятно, дѣло въ томъ, что въ народѣ и въ просторѣчіи это слово приходится употреблять почти исключительно съ предлогами, т. е. безъ ударенія (н ä н е б о, п о̀ п е б у и т. д.), такъ что книжное вліяніе, на первый взглядъ невѣроятное, все-таки можетъ быть допущено [1]. 3) Мы имѣемъ ä на мѣстѣ исконнаго **є** или **ь** вслѣдствіе вторичнаго отвердѣнія согласныхъ, т. е. въ такихъ словахъ, гдѣ во время разширенія *с* въ *о* за звукомъ *е* слѣдовалъ мягкій согласникъ, отвердѣвшій только позднѣе; впослѣдствіи *с* передъ такою вторичною твердостью также разширилось, но уже не въ *о*, а въ *ä*. Основная фонема **отьць** должна была дать первоначально фонему о т̇ é т̇͡ с̇, по-малорусски дѣйствительно такъ и говорятъ; впослѣдствіи согласный дифтонгъ т͡с отвердѣлъ, а *е* разширилось въ *ä*, и получилось а т̇ ä т͡с. **Окьцо** имѣетъ въ род. над. множ. ч. форму **окець**; опять-таки по-русски сначала было (уцѣлѣвшее у Малороссовъ) о в̇ é т̇͡ с̇, а отсюда вполнѣ понятенъ выговоръ а в̇ ä т͡с. Таково же числительное с̇ ä м (рядомъ съ с̇ є м̇). Сюда же можно отнести такія прилагательныя, какъ у т̇͡ш ä б н ъ й, т͡с ы л̇ ä б н ъ й: суффиксъ здѣсь былъ перво-

[1] Въ народной рѣчи встрѣчается также н ё б о coelum: н ё̄ б о Ол., до н ё б а Вят. Колосов. Обзор. звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 74. Такъ и въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (по сообщенію Евг. Өед. Будде) произносятъ н ё б а.

начально ьнъь и поэтому звукъ *б* долженъ былъ быть мягкимъ, отвердѣніе произошло лишь подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго—основная фонема оуъьбьнъь. Еще 4) не восходитъ къ древнему ѣ ä въ междометіи ⁱⁱâ!, которое употребляется и само по себѣ, и въ сочетаніи съ другими словами, какъ ⁱⁱâ в а! ⁱⁱâ т ъ т. Отсутствіе тутъ разширенія можно легко объяснить тѣмъ, что слитіе такихъ соединеній въ одно цѣлое произошло довольно поздно, послѣ того какъ законъ о разширеніи пересталъ дѣйствовать; въ самомъ же междометіи сохраненіе *е* оправдывается тѣмъ, что за нимъ не слѣдовало твердаго согласнаго. Можно бы, пожалуй, сослаться и на то, что разширяемому *е* всегда предшествуетъ средненебный элементъ (j или мягкій согласникъ), какового здѣсь первоначально не было. Срв. выше, стр. 10.

Мы видѣли, что великорусское ä до извѣстной степени представляетъ слѣдъ древняго ѣ. Малорусская рѣчь еще съ бо́льшей отчетливостью сохранила память о ѣ, именно въ видѣ *умягчительнаго и*, напр. лі́пс, мі́ра (исконное *и* по-малорусски—неумягчительно). Вмѣсто *и* замѣняющаго ѣ существуетъ въ сѣверномъ говорѣ малорусской рѣчи слогъ *је*, а также своеобразный дифтонгъ *ие*, съ удареніемъ на *и*. О звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ Алдр. Афан. Потебни, проф. Харьковскаго Университета. Одна статья, озаглавленная: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» напечатана въ «Филологическихъ Запискахъ» въ 1865 г. Она вышла отдѣльнымъ оттискомъ вмѣстѣ еще съ одной статьей (О полногласіи), подъ общимъ заглавіемъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка». Другая его статья помѣщена въ тѣхъ же Филологическихъ Запискахъ, въ 1870 г. и озаглавлена: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» [1].

---

[1] Отмѣчу здѣсь еще «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П(авла) Житецкаго. Кіевъ 1876 и Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg 1880. Обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ сѣверно-малорусскихъ подрѣчій содержатся въ книгѣ «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва 1885».

Въ виду малорусскаго і на мѣстѣ древняго ѣ естественно думать, что въ общерусскомъ языкѣ *ѣ*, существованіе котораго предположить необходимо, былъ гласный узкій; былъ ли онъ дологъ, это помоему сомнительно. Можно допустить, что древній выговоръ уцѣлѣлъ, какъ областной, въ Олонецкой губерніи, гдѣ, по словамъ Алексѣя Александровича Ша́хматова [1], *ѣ* звучитъ какъ е и передъ твердыми согласными, т. е. не только говорятъ м̀е́р̀ѝт̀, но и м̀е́р а вмѣсто м̀а́р а. При предположеніи, что общерусскій звукъ соотвѣтствовавшій древнему ѣ былъ е, мы можемъ себѣ объяснить, почему ѣ не подвергся разширенію въ *о*. Приходится думать, что напр. праславянская форма **се́ла** (рус. с ё л а) первоначально представляла *е* узкое—с̀е́ла; а причастная форма **сѣла** представляла ѣ, т. е. ä—с̀ӓ л а. Можно предполагать, что форма с̀ е́ л а въ основномъ русскомъ пріобрѣла ä и стала звучать с̀ӓ л а, а отсюда уже великорусское с̀ о́ л а [2]; причастная же форма с̀ӓ л а, обратилась въ с̀е́ла, изъ чего Великороссы сдѣлали с̀ӓ л а. Итакъ основная форма с̀ е́ л а не прямо дала русскую форму с̀ о́ л а; точно также и причастная форма с̀ӓ л а не сохранила праславянскій звукъ ѣ, а вернулась къ нему послѣ нѣкотораго отступленія.

Обратимся теперь къ звуку *и*.

Обыкновенное великорусское *и* есть звукъ острый, можно сказать мягкій. Хотя научной грамматикѣ приходится возставать противъ школьной терминологіи, въ которой являются «мягкія гласныя *я*, *ю*», но звукъ *и* есть ничто иное, какъ гласный j, и можетъ быть мягокъ самъ по себѣ. Понятно, мягкое *и* вмѣстѣ съ тѣмъ *умягчительно*, т. е. предшествующій ему согласный бываетъ всегда мягкимъ: н̀и́ в а, н̀и́ва, л̀ и с т. Подобно тому, какъ слова̀ не начинаются со звука *е*, такъ они не начинаются и со звука *и*: передъ зачиннымъ *и* слышится всегда легкій іотъ, напр.

---

[1] Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886 г.

[2] Какъ переходную ступень отъ ä къ о, мы, вмѣстѣ съ Шахматовымъ (по его литографированнымъ лекціямъ, читаннымъ въ осеннее полугодіе 1890 года), должны предполагать ö.

ⁱⁱи́ва [1]. Также и внутри слова, гдѣ буква *и* стоитъ послѣ гласныхъ, ея звуку предшествуетъ легкій ј, напр. глаголъ поить, произносится паⁱⁱи́т̇. Но звукъ *и* расходится со звукомъ *е* въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко сочетается съ іотомъ явственнымъ; такой ј встрѣчается передъ *и* только въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія 3-го лица: въ формахъ јим (тв. пад. ед. ч.), јих (род. и мѣстн. мн.), јим (дат. мн.), ји́ми (тв. мн.); но и здѣсь иные произносятъ ⁱⁱи. Чаще сочетаніе ји встрѣчается внутри слова, напр. въраб'ји́, у суд̇ји́.

Мягкое *и* самое обыкновенное въ великорусской рѣчи, однако оно не единственное. Существуетъ нѣсколько оттѣнковъ этого звука, которые болѣе или менѣе приближаются къ родственному широкому звуку *ы*. (Болѣе широкій выговоръ я буду обозначать посредствомъ надписанія надъ *и* маленькихъ *ы* — ⁱⁱи). Такой средній выговоръ является въ началѣ слова, когда оно примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго. Напр. произносятъ: аб̇ ⁱи́ви, над̇ ⁱи́с̇т̇ьнъйу, к̇ ⁱи́жыт͡сы. Тотъ же выговоръ является послѣ согласнаго дифтонга т̇͡ш̇ и трифтонга ш̇т̇͡ш̇ въ томъ случаѣ, когда послѣдній элементъ ихъ есть средній (если же произносить послѣдній элементъ мягко, то *и* будетъ узкое), напр. т̇͡шⁱист, ш̇т̇͡ш̇ⁱит. Еще болѣе широкій звукъ, который почти совпадаетъ со звукомъ *ы* и который можно назвать узкими ера́ми, мы встрѣчаемъ послѣ *ж*, *ш*, напр. жⁱⁱр, шⁱⁱт̇. Послѣ т͡с, напр. въ словахъ т͡сы́пка, м̇ьд̇ит͡сы́на слышатся даже настоящіе *ы*.

Существованіе указанныхъ оттѣнковъ можно лучше всего провѣрить посредствомъ рифмы: подобравъ слова, которыя, рифмуясь между собой, представляютъ колебаніе между указанными четырьмя звуками. Слово т̇͡ш̇ⁱиш не рифмуется чисто на слово т̇иш, съ другой стороны не рифмуется и на слово мыш, представляющее чистые ы. Сравнимъ еще существительное ш̇т̇͡ш̇ⁱит съ одной стороны съ существ. гран̇и́т, а съ другой стороны съ существ. быт. Еще

[1] Срв. выше, стр. 8.

сопоставимъ слова т͡сы́пка и ры́пка; шы́ла и мы́ла; мужы́к и бык. На то, что слоги русскаго письма ши, жи, ци, чи, щи не соотвѣтствуютъ произношенію, первый обратилъ вниманіе протоіерей Герасимъ Павскій, въ своихъ Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе (Санктпетербургъ 1841), стр. 127, § 111, хотя онъ впадалъ въ преувеличеніе, когда говорилъ, что во всѣхъ этихъ слогахъ слышатся *ы*. Ошибка Павскаго была исправлена Я. К. Гротомъ [1].

Что касается грамматической роли звуковъ *и* и *ы* въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, то вообще можно сказать, что *и* узкое и широкое равны основному *и*, а *ы*—основнымъ *ы*. Исключенія составляютъ съ одной стороны слоги *ги*, *ки*, *хи*, которые замѣняютъ староцерковные и праславянскіе гы, кы, хы. Съ другой стороны ы соотвѣтствуютъ основному и въ слогахъ ши, жи, напр. теперь мы имѣемъ форму нажы́ съ ы, первоначальная же славянская форма была ножи́; подобнымъ же образомъ п̓ишы́!, а въ праславянскомъ было п̓иши́! Настоящіе *ы* являются на мѣстѣ *и* въ слогѣ т͡сы, напр. ат͡сы́, форма которая въ праславянскомъ звучала о̇тьц̓и́.

Между тѣмъ какъ великорусская рѣчь сохранила, хотя и не безъ отступленій, древнеславянскую двойственность широкаго и узкаго *и*, т. е. звуки *ы* и *и*, малорусское нарѣчіе стерло эту двойственность. Въ малорусскомъ произношеніи *и* и *ы* совпали въ *и* среднемъ между *ы* и *и*, въ *и* твердомъ или широкомъ, это тоже самое *и*, которое мы въ довольно рѣдкихъ случаяхъ видѣли въ великорусскомъ языкѣ, и для котораго я употребляю знакъ *и*. Сравнимъ сущ. м̇и́ло (великорусск. мы́ло, -а) съ прилаг. м̇и́ла (м̓и́лъйа).

Впрочемъ, областная малорусская рѣчь знаетъ различіе между *и* и *ы*; та́къ, въ сѣверной части малорусскаго нарѣчія, напр. у

---

[1] Въ статьѣ «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка». Филол. разысканія, 1 изд., стр. 305—306, во 2-мъ—277—278.

Малороссовъ Гродненской губерніи есть звукъ *ы*, есть онъ и въ западной его части, у Малороссовъ Карпатскихъ. Малорусской рѣчи не чуждо и умягчительное *и*, но оно не равно древнему *и*, каковое соотвѣтствіе встрѣчается лишь какъ весьма рѣдкая мѣстная особенность, обыкновенно же происходитъ изъ **ѣ**, о чемъ я уже упоминалъ. Въ бо́льшей части малорусскихъ говоровъ такое *и* есть постоянная замѣна древняго **ѣ**; мы видимъ, напр. малорус. л̓ и с равное великорусскому л̓ ä с, основному **лѣсъ**. Иногда такое *и* происходитъ также (при особыхъ условіяхъ) изъ основного *е* и рѣже—изъ *о*, о чемъ подробнѣе будетъ говорено впослѣдствіи.

Подобнымъ же образомъ, какъ значительную твердость согласныхъ передъ малорусскимъ *е* мы признали явленіемъ вторичнымъ и предположили, что въ основномъ русскомъ слоги со звукомъ *е* были довольно мягки, и что впослѣдствіи въ великорусскомъ они получили еще бо́льшую мягкость, а въ малорусскомъ поотвердѣли, такъ мы должны видѣть вторичный выговоръ и въ слогахъ со звукомъ *и*. Опять-таки въ малорусской рѣчи можно указать нѣкоторые слѣды мягкости передъ *и*, а именно въ инфинитивѣ, который кончается по-малорусски или на слогъ т̇и (ы), или же на т̇, напр. бра́т̇и (ы) представляетъ среднее, довольно твердое *т*, но при немъ существуетъ разновидность брат̇ съ мягкимъ *т*. Очевидно, основная форма представляла здѣсь довольно мягкое *т*, которое въ одномъ случаѣ стало среднимъ, а въ другомъ—совсѣмъ мягкимъ.

Перехожу теперь къ звуку *о*.

По происхожденію звукъ *о* можетъ соотвѣтствовать 1) основному **о**; 2) основному **ъ**; 3) онъ можетъ быть вторичнымъ измѣненіемъ звука *е* въ великорусской рѣчи; причемъ это *е* можетъ имѣть свое обыкновенное двоякое происхожденіе, т. е. а) равняться исконному *е*, или б) быть прояснившимся *ъ*. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія слова: 1) исконное *о* представляетъ слово д о м, основное **домъ**; 2) *о* изъ **ъ**—сон, основное **сънъ**. Разновидностью этого *о* можно считать *о* вставочное, явившееся по примѣру органически бѣглаго *о*, напр. а г о́ н̓ вм. огн̓ изъ **огн̑ь**. 3) Звукъ *о* какъ плодъ расширенія является послѣ согласныхъ мягкихъ, въ томъ числѣ и j; также и послѣ нѣкоторыхъ соглас-

ныхъ, которые первоначально были мягкими и лишь впослѣдствіи въ бо́льшей или меньшей степени отвердѣли. Мы имѣемъ *о*, какъ разширеніе исконнаго *е*, въ слѣдующихъ словахъ: ј о́ л к а, основное *ѥлъка; м̓ о т, основное **медъ**; т͡ш о́ л к а, первоначальное *ѵелъка; ж̓ о́ н к а—**женъка**. Примѣрами на *е* вторичное могутъ служить слова л̓ о́ н, основное **лънъ**, и ш о́ л, основное **шьлъ**. Объ этомъ разширенномъ *е* я сейчасъ скажу подробнѣе.

Въ статьяхъ по русской фонетикѣ академика Я. К. Грота мы встрѣчаемъ утвержденіе будто звукъ *а* подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *о*. Но приводимые имъ примѣры надо толковать иначе. Мы дѣйствительно, встрѣчаемъ *о* вмѣсто *а* въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр., при 1-мъ лицѣ ј а п л а т͡ш у́, 2-е будетъ т ы п л о́ т̓ ь ш, выговоръ п л а́ т̓ ь ш слышится рѣже. Подобныя же формы встрѣчаются и у другихъ глаголовъ: въ областной рѣчи (иногда впрочемъ и у людей образованныхъ) слышится выговоръ п а с о́ д̓ ь ш, п р̓ и г л о́ с̓ ь ш, п а д о́ р̓ ь ш, в о́ р̓ ь ш и т. п. Эти формы легко и удобно объясняются подражаніемъ тѣмъ многочисленнымъ глаголамъ, гдѣ мы имѣемъ исконное *о*, перешедшее въ 1-мъ лицѣ въ *а*, напр. ј а н а ш у́—т ы н о́ с̓ ь ш. Объясненіе это само собой напрашивается и весьма естественно [1]).

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ р а з ш и р е н і е *е* въ *о*. Это разширеніе происходитъ п о д ъ у д а р е н і е м ъ, п е р е д ъ т в е р д ы м ъ с о г л а с н и к о м ъ. Мы имѣемъ выговоръ с̓ о́ л а при ед. ч. с̓ и л о́ и прилагательномъ с̓ е́ л̓ с к ъ й; подобнымъ же образомъ въ уменьшительномъ словѣ п т͡ш о́ л к а развился *о*, но основное для него п т͡ш̓ и л а́ не имѣетъ *о*, а представляетъ неявственное *и*; производное п т͡ш е́ л̓ н̓ ь к опять таки *о* не имѣетъ. Подобнымъ же образомъ при существительномъ л̓ о́ т стоитъ производное л̓ е́ д̓ н̓ ь к, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ является *е*; основная форма будетъ **ледьникъ**. Мы уже видѣли раньше, что

---

[1]) Печатно оно было высказано Халанскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ I т. Русс. Филол. Вѣстн., и озаглавленной: «Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи».

18

точно такъ же, какъ передъ мягкими согласными, не происходитъ разширенія и передъ дифтонгомъ т͡с, хотя онъ и твердъ; какъ примѣръ на это я приводилъ слово а т̇ а̂ т͡с (не а т̇ о́ т͡с) и объяснилъ его тѣмъ, что въ старинномъ языкѣ т͡с было мягко и это спасло звукъ *е* отъ разширенія, впослѣдствіи же произошло разширеніе въ ä. На ряду съ дифтонгомъ т͡с стоятъ шипящіе *ж* и *ш* — они тоже встарину были мягкими, и мы ожидали бы, что они должны препятствовать разширенію, однако мы видимъ существительныя г р а д̇ о́ ш, п а д̇ о́ ш [1]), j о́ ш. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы имѣемъ также разширеніе передъ окончаніемъ *ш*: ʲи д̇ о́ ш. Это тѣмъ страннѣе, что дифтонгъ т͡с у великороссовъ рѣшительно отвердѣлъ, между тѣмъ какъ мягкіе шипящіе *ж* и *ш* продолжаютъ существовать въ областной рѣчи: естественно думать, что *ж* и *ш* отвердѣли позднѣе, чѣмъ т͡с, и если передъ т͡с разширенія не произошло, то тѣмъ болѣе его не должно бы быть передъ *ж* и *ш*. Въ виду этого я склоненъ считать *о* передъ шипящими не самороднымъ, а подражательнымъ. Что касается глагольныхъ формъ, то ихъ легко признать неорганичными и предположить подражаніе 2-го лица 3-му л. ед. ч. и 1-му мн.: ʲи д̇ о́ т, ʲи д̇ о́ м. Также и для существительныхъ п а д̇ о́ ш, г р а б̇ о́ ш, j о́ ш мнѣ такое объясненіе кажется возможнымъ: колебанія въ родѣ с̀ и л о́ — с̀ о́ л; в̀ и д у́, в̀ и л а́ — в̀ о́ л были настолько привычны, что по ихъ образцу къ косвеннымъ падежамъ г р а б̇ и ж а́, п а д̇ и ж а́, j и ж а́ и т. д. могли образовать новый именительный — г р а б̇ о́ ш, п а д̇ о́ ш, j о́ ш. На это объясненіе нельзя возражать, что при такомъ вторичномъ появленіи *о* мы должны имѣть *о* и на мѣстѣ ѣ: должны бы говорить с м̀ о́ х; потому что тутъ всѣ падежи другъ друга поддерживаютъ, а въ нашихъ существительныхъ только именительный полагаетъ удареніе на *е*. Впрочемъ возраженіемъ можетъ служить слово г р ѣ́ х, имѣющее также наклонное удареніе [2]): г р ѣ́ х а́, г р ѣ́ х у́ и т. д.—

[1]) Грамматическій терминъ п а д̇ а̂ ш представляетъ ä, объясняемое книжнымъ вліяніемъ.

[2]) Наклоннымъ удареніемъ (по Гроту) называется удареніе, падающее на падежныя окончанія, гдѣ они есть.

если къ родит. ј и ж а́ образованъ именит. ј о ш, то почему къ родит. г р̓ и х а́ не образованъ именит. г р̓ о́ х? Но слово г р ѣ х могло находиться подъ охраной церковнаго употребленія. Однако для слова м ъ л а д̓ о́ ш, род.-д̓ о́ ж ы я объясненія не нахожу.

Законъ разширенія звука *е*, или перехода *е* въ *jo*, былъ указанъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ. Въ 1808-мъ году вышла книга Борна «Краткое руководство къ россійской словесности», въ которой Востоковъ помѣстилъ грамматическія замѣчанія о русскомъ языкѣ. Востоковъ выставилъ законъ, что превращеніе *е* въ *о* происходитъ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; и это принято за нимъ повторять. Но мнѣ думается, что въ исходѣ разширенія быть не должно, такъ какъ разширеніе есть слѣдствіе примѣненія къ слѣдующему согласному, а конечному звуку не къ чему примѣняться. Правда, законъ Востокова на первый взглядъ кажется вполнѣ вѣрнымъ: мы имѣемъ цѣлый рядъ существительныхъ на *о* вмѣсто древняго *е*, напр. слова б ы т̓ ј о́, к а п̓ ј о́, к а л̓ т͡с о́ вмѣсто древнихъ **бытіе, копіе, кольце**; такимъ же образомъ мы говоримъ х ъ р а ш о́ вм. х о р о ш е́ и т. д. Однако въ областной рѣчи въ такихъ словахъ иногда встрѣчается *е*, напр. въ новгородскомъ разнорѣчіи сѣверо-великорусскаго говора формы х ъ р а ш о́, к а л̓ т͡с о́ звучатъ х о р о ш е́, к о л ь ц е́ [1]). Эти формы необходимо признать самородными, т. е. произошедшими фонетически— явиться путемъ подражанія онѣ не могли, такъ какъ заимствовать *е* было неоткуда. Съ другой стороны, формы на *о* легко могутъ быть подражательными: онѣ могли заимствовать *о* у словъ твердаго различія, какъ о к н о́, с е л о́, к р а с н о́. Нѣтъ впрочемъ необходимости указанныя явленія считать вполнѣ чуждыми звуковой подкладки. Дѣло въ томъ, что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; въ живой, связной рѣчи исходъ одного слова такъ тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующаго, что никакого исхода нѣтъ. Конечный гласникъ обыкновенно, значитъ, не есть дѣйствительно конечный, а имѣетъ за собой начальный звукъ слѣ-

[1]) Даль. О наречіяхъ велико-русскаго языка. Толковый словарь изд. 2, стр. XLV.

дующаго слова. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ то явленіе, которое я назвалъ неорганичнымъ, признать отчасти органическимъ. Можетъ быть, наше к а л̀ т с о́ развилось фонетически въ выраженіяхъ въ родѣ **кольце моє**, гдѣ *е* имѣетъ за собой твердый согласный; при обратномъ порядкѣ, **моє кольце**, *е* должно было сохраниться, точно такъ же и въ выраженіи **кольце ієго**, гдѣ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный. Такимъ образомъ мы скажемъ, что конечное *е* въ иныхъ случаяхъ фонетически измѣнялось въ *о*, въ другихъ сохранялось, но что подъ вліяніемъ словъ твердаго различія окончаніе *о* в о з о б л а д а л о и вытѣснило *е*. Указанныя соображенія уже изложены мною печатно въ статьѣ «Нѣкоторые вопросы славянской грамматики» (Ж. М. Н. Пр. 1888 года, мартъ), въ первомъ ея отдѣлѣ, написанномъ въ отвѣтъ Алексѣю Ивановичу Соболевскому на его разборъ русской части «Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ» Миклошича въ переводѣ Николая Шлякова, изданномъ подъ моей редакціей.

Отъ нашего звукового закона мы видимъ нѣкоторыя отступленія, которыя нуждаются въ оправданіи. Бываютъ, 1) отступленія, которыя можно объяснять книжнымъ вліяніемъ; таково, напр., слово к р̀ а́ с т, которое должно бы звучать к р̀ о с т, и дѣйствительно въ народной рѣчи мы встрѣчаемъ выговоръ х р̀ о с т [1]). Подобное же *е* представляетъ вполнѣ книжное слово к л̀ и в р̀ а́ т. 2) Въ другихъ словахъ мы сохраненіе звука *е* можемъ объяснять такимъ же образомъ, какъ передъ т͡с, т. е. позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Таково, напр., прилагательное с у д̀ а́ б н ъ й, для котораго основная форма есть **сѫдьбьнъ**; таково прилаг. л̀ а́ с н ъ й, основная форма **льстьнъ**. Таково же прилаг. у т̀ ш а́ б н ъ й, основ-

[1]) Чередованіе *к* и *х* въ этомъ словѣ восходитъ ко временамъ давнишнимъ. Я объясняю его себѣ вліяніемъ съ одной стороны греческаго названія Спасителя—Χριστός, а съ другой—романо-германскаго выговора Kristus вм. Christus. (Слово **крьстъ** выводятъ изъ имени Христа, причемъ переходъ значенія легко можно принять такой: Христосъ, затѣмъ распятіе, а потомъ всякій крестъ).

ная форма **оуҳьбьнъи**. Это слово иногда, однако, приходится слышать въ формѣ у т̑ш̑о́бнъй, причемъ форма у т̑ш̑а̊бнъй— органическая, а у т̑ш̑о́бнъй — вторичная. И существительное у т̑ш̑е́б'н̓ьк надѣляютъ иногда звукомъ *о*, т. е. говорятъ у т̑ш̑о́б'н̓ьк. Подобный же выговоръ, какъ въ словѣ у т̑ш̑о́б'н̓ьк, мы имѣемъ въ прилаг. т̑о́мнъй, основная форма **тьмьнъи**; мы органически ожидали бы здѣсь произношенія т̑а̊мнъй, которое дѣйствительно встрѣчается въ областной рѣчи: мы видимъ такое произношеніе этого прилагательнаго въ онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Въ такомъ соотношеніи, какъ у т̑ш̑а̊бнъй и у т̑ш̑о́бнъй, находится литературный выговоръ с̓м̓а̊ртнъй и простонародный с̓м̓о́ртнъй. Исключенія изъ нашего закона 3) являются еще въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ; мы видимъ такимъ образомъ ӓ, а не *о* въ словахъ н̓а̊друк, н̓а̊мът̑ш̑, н̓а̊дъръс̓ьл̓ [1]). Такимъ же образомъ ӓ является въ предлогѣ б'а̊з, въ б'ӓзна, б'а̊стълът̑ш̑, въ выраженіи б'а̊згъду (напр. безъ году недѣля). Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя могутъ считаться книжными, напр. бездна, недругъ, но едва ли это можно сказать про всѣ, такъ что указанныя слова представляютъ большое затрудненіе. Для нихъ, вѣроятно, слѣдуетъ предполагать вторичное образованіе послѣ того, какъ расширеніе *е* уже совершилось, или же вторичный переносъ ударенія на отрицаніе и предлогъ. Исключенія, совершенно непонятныя, представляютъ существ. ш̓а̊ст и прилаг. ш̑т̓ш̓а̊дръй; отчего не шо́ст и не ш̓т̑ш̑о́дръй? [2]).

Кромѣ дѣйствительныхъ исключеній существуетъ немалое количество мнимыхъ — слова̀, въ которыхъ употребляютъ букву *е*, тогда какъ слѣдовало бы ставить *ѣ*, напр. блескъ, вредъ, членъ, мелкій, запретъ, опека—малор. опі́ка, ноч-

---

[1]) Срв. также нѣсколько ниже, подо мнимыми исключеніями.

[2]) Слово кърал'а̊ва можно, кажется, оправдать тѣмъ, что оно несовсѣмъ народное, и что на него вліяли кърал'в́ие́т̓ш̓ и кърал'а̊вна (*кралѥвьна).

л е г ъ — малор. ночлíг (ночлíв, ночлíва: родит. падежъ я привожу потому, что въ именит. въ закрытомъ слогѣ *і* могло явится и на мѣстѣ нашего *е*), въ Лаврентьевскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи встрѣчается написаніе этого слова черезъ ѣ (Собол., Лекціи, стр. 56, во 2 изд. 64) [1]). Таково же отрицаніе н е въ словахъ: н е к о г д а, н е к о м у, въ составъ которыхъ вошла глагольная форма нѣ, доселѣ употребляемая въ видѣ н ѣ т у, н ѣ т ъ, т. е. **нѣ тоу** (**нѣсть тоу**). Потебня даже и пишетъ эти слова черезъ *ѣ*. Сюда же слѣдуетъ отнести такія выраженія, какъ н̀а̀ был (**нѣсть былъ**), н̀а̀ спал (**нѣсть сълалъ**), н̀а̀мълът (**нѣсть младъ**). Можетъ быть эта же глагольная форма нѣ, смѣшиваемая съ отрицательной частицей н е, вызвала такія слова, какъ нéдругъ, нéмочь: недругъ можетъ быть приводимъ въ связь съ выраженіемъ **нѣсть дроугъ**, немочь—съ выраженіемъ н ѣ т ъ м о ч и.

Какъ съ одной стороны мы видимъ случаи сохраненія звука *е*, гдѣ ожидали бы разширенія, такъ съ другой стороны мы встрѣчаемъ *о*, гдѣ бы должно было сохраняться *е*. Въ этихъ случаяхъ надо видѣть подражаніе родственнымъ формамъ съ органическимъ разширеніемъ. Дѣйствительно, всѣ исключенія этого рода, указанныя Гротомъ, находятъ себѣ подобное объясненіе. Мы говоримъ,: напр. т̀ó т̀ а, т̀ ó т̀ ь н̀ к а, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ слышится *о*, но этотъ выговоръ находитъ оправданіе въ подражаніи формѣ т̀ ó т к а, съ органическимъ разширеніемъ. Р у б л̀ ó в̀ ъ к, вмѣсто ожидаемаго р у б л̀ é в̀ ъ к, очевидно, руководится своимъ первообразнымъ р у б л̀ ó в ъ й. Подобнымъ же образомъ мѣстные падежи—(на) к л̀ ó н̀ и, (на) т̂ ш ъ р н а з̀ ó м̀ и—не имѣютъ фонетическаго права на звукъ *о*, но ничто не мѣшаетъ предположить самородный выговоръ к л̀ é н̀ и, т̂ ш ъ р н а з̀ é м̀ и, и выводить *о* изъ другихъ падежей, гдѣ за нимъ идутъ твердые согласные (к л̀ ó на, -у и т. д.). Подобнымъ же образомъ 2 л. мн. ч. в̀ и д̀ ó т̀ и легко могло заимствовать *о* у другихъ лицъ, напр. у 1-го л. мн. ч., гдѣ форма в̀ и д̀ ó м образована органически. Прилагат. з̀ и л̀ ó н̀ ь н к ъ й

---

[1]) Сюда же относится уменьшительное имя к о л ы б é л о ч к а отъ к о л ы б é л ь, гдѣ наставка есть ѣль.

вмѣсто фонетическаго з'и л'е́н'ь н'къй образовано подъ давленіемъ органической формы з'и л'о́н'ъй. Подобнымъ же образомъ и слово л'о́д'н'ьк (провинціализмъ вм. л'е́д'н'ьк) заимствовало свое *о* отъ органической формы л'о́т. Также существ. къра л'о́т͡ш'ьк руководствовалось формой къра л'о́к. При этомъ становится понятна та двойственность, на которую обратилъ вниманіе Потебня, что передъ звукомъ т͡ш то является разширеніе, то нѣтъ, такъ что рядомъ съ къра л'о́т͡ш'ьк стоитъ уменьшительное отъ ка л'т͡со́—ка л'е́т͡ш'ка: послѣднее сохранило органическій выговоръ, такъ какъ ему неоткуда было заимствовать разширеніе [1]). Подражательнымъ измѣненіемъ слѣдуетъ объяснять и тѣ случаи, въ которыхъ *ё* слышится на мѣстѣ древняго ѣ. Въ грамматикѣ приводятся слѣдующія слова, гдѣ буква *ѣ* должна читаться за *ё*: звѣзды, сѣдла, гнѣзда, цвѣлъ, пріобрѣлъ, надѣванный, позѣвывать. Къ причастію надѣванный можно прибавить однокоренное съ нимъ существ. поддѣвка.

Изъ указанныхъ исключеній нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрно сюда отнесены. Прежде всего слѣдуетъ опустить прошедшее время т͡свол, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ старославянскомъ языкѣ есть **цвѣсти-цвѣтѫ** (съ болѣе слабой огласовкой), и только существ. **цвѣтъ** имѣетъ ѣ; русскій ѣ въ написаніи глагола цвѣсти можетъ объясняться подражаніемъ на письмѣ существ. цвѣтъ. Впрочемъ, въ малорусской рѣчи существуетъ форма цві-ту́. Но, хотя бы инфинитивъ цвѣсти, наст. цвѣту, имѣлъ ѣ (заимствованный въ такомъ случаѣ у существ. цвѣтъ), мы все же можемъ считать произношеніе т͡свол отраженіемъ первоначальнаго **цвѣлъ**.

---

[1]) Затрудненіе представляетъ слово т'о́ш'т'ша. Впрочемъ этому слову слѣдовало бы звучать не т'е́ш'т'ша, а тштша́ (вѣдь мужская форма этого имени, т'е́с'т, встарину имѣла *е* бѣглое): д. б. *о* по акцентнымъ соображеніямъ (по извѣстнымъ образцамъ пчела—пчолы, жена—жоны) прежде всего вставилось во множ. ч., а потомъ уже, для устраненія необычнаго созвучія т'ш'т'ш, вошло и въ единств. (Серб. та̏шта вм. *тшта просто заимствовало *а-ъ* у мужской формы та̑ст, родит. та̑ста).

Нѣсколько иного рода оговорку слѣдуетъ сдѣлать относительно слова с̓о́дла. Слово сѣдло въ староцерковномъ звучало **седьло**; значитъ, корень тутъ представляетъ не ту огласовку, что въ глаголѣ **сѣсти**. Надо однако, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ всетаки можно видѣть исключеніе изъ нашего закона: за звукомъ д слѣдовалъ **ь**, и подъ его вліяніемъ *д* было по-русски мягко и мягкость его должна была помѣшать расширенію звука *е*, и мы всетаки должны бы ожидать фонемы с̓а̂дла. Впрочемъ и польскій языкъ расширяетъ здѣсь *е*, представляя выговоръ siodło. Вѣроятно, намъ утрату звука *ь* и уподобленіе мягкаго *д* твердому *л* слѣдуетъ отнести къ довольно ранней порѣ, такъ что звукъ *д* былъ уже твердымъ въ то время, когда происходило расширеніе [1]).

Вмѣсто двухъ исключенныхъ нами примѣровъ, въ которыхъ мы признали *ѣ* плодомъ ошибочной орѳографіи, мы можемъ прибавить одно слово, къ которомъ надо бы писать *ѣ*, а пишутъ *е*; это— ведро, мн. ч. вёдра (**вѣдро**, по-польски wiadro, а не wiodro).

Что касается объясненія дѣйствительныхъ исключеній указаннаго рода, то, конечно, надо видѣть въ нихъ подражаніе развившемуся въ другихъ словахъ органическому колебанію. Та̀къ, звѣзда развила форму звёзды по примѣру село́—сёла, жена́—жо́ны.

Впрочемъ для слова пріобрѣлъ можно подобрать иное объясненіе; можно думать, что глаголъ пріобрѣсти въ народномъ сознаніи сблизился съ глаголомъ брести-бреду, и, какъ говорятъ «набрёл», «забрёл», такъ стали говорить «пріобрёл».

Изъ указанныхъ словъ иныя въ областной рѣчи (отчасти, и въ употребленіи образованныхъ людей) представляютъ формы органическія: такъ, многіе настаиваютъ на томъ что выговоръ зв̓о́зды есть провинціализмъ, неправильность, а надо говорить зв̓а̂зды.

Къ нашимъ исключеніямъ, существующимъ въ литературной рѣчи, прибавлю еще нѣсколько изъ рѣчи областной.

---

[1]) Малорус. сідло́ я склоненъ выводить изъ седьло, какъ лід изъ ледъ; хотя можно допустить также, что оно представляетъ примѣненіе (въ живой рѣчи, а не только на письмѣ) къ глаголу сідíтц.

Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ можно указать не мало случаевъ, гдѣ вмѣсто *ѣ* употребляется *ё*; на нихъ я останавливаться не буду, отмѣчу только довольно распространенныя въ народѣ прошедшія глаголовъ побѣжать, прибѣжать, которыя соотвѣтствовали бы неокончательному бѣчь, — паб'о́к, пр̓иб'о́к. Иного рода исключеніе, именно исключеніе мнимое, слѣдуетъ видѣть въ народномъ выговорѣ прошедшаго къ глаголу ослѣпнуть — осл̓о́п; по-славянски этотъ глаголъ звучитъ—**осльпнѫти**, элевое причастіе **осльплъ**. Это, значитъ, такое же исключеніе, какъ т͡св̓о́л: *ѣ* внесенъ въ глаголъ изъ прилагат. слѣпой, а народная рѣчь осталась при старинѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ паб'о́к и пр̓иб'о́к, получили *'о* двѣ формы, которыя должны бы имѣть *'а*; это—запр̓о́к и тр̓о́с къ запрячь и трясти. Вмѣсто запр̓а́т͡ш (**ꙁапрѧшти**) мы говоримъ запр̓е́т͡ш; очевидно, изъ большинства формъ, гдѣ, 'а не имѣетъ ударенія, внесли *е* и въ инфинитивъ, а потомъ въ прошедшемъ явилось *'о*—запр̓о́к; точно такъ же вмѣсто тр̓а́с появилось тр̓о́с [1]). Гротъ рядомъ со словами тр̓о́с и запр̓о́к ставитъ также нарѣчіе тр̓ит̓о́въдн̓и вмѣсто третьяго дня; но тутъ мы имѣемъ замѣну *'а* черезъ *'о* только съ точки зрѣнія правописанія: русскимъ окончаніемъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ слѣдуетъ считать ово, а не аво. Это ово, которое ясно слышится въ первой своей части подъ удареніемъ (гн̓идо́ва), слѣдуетъ приписать и прилагательнымъ съ безударнымъ окончаніемъ (до́брава); соотвѣтственно тому, при мягкомъ окончаніи — ево, такъ что нарѣчіе тр̓ит̓о́въдн̓и представляетъ правильное разширеніе *е*, а вовсе не превращеніе *а* въ *о*.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ разширеніе въ сѣверно-великорусской рѣчи, вопросъ трудный. Матеріалы объ этомъ (по большей части заимствованные у Колосова) можно найти у Богородицкаго въ его «Курсѣ грамматики русскаго языка», въ Рус. Фил. Вѣстн. XVII т. Повидимому, сѣверно-великорусская

---

[1]) Таково же д. б. и слово дёсны (см. мой Разборъ Этимологическаго словаря Миклошича. Дополненія, стр. 53=Р. Ф. В., т. XXI, стр. 217, а м. б. и стёганый, застёгивать, застёжка.

рѣчь представляетъ разширеніе *е* передъ твердыми согласниками въ ударяемомъ слогѣ (наравнѣ съ южно-великорусскою и литературною), да еще въ предударномъ, напр. с̇л̇оза́, в̇осна́, с̇остра́, р̇обро́, жона́, гор̇ова́т̇, п̇р̇ин̇осу́, зап̇орла́. Правда, разширеніе весьма нерѣдко и въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ, но въ нихъ его можно чуть ли ни всегда считать подражательнымъ: нпр. по́л̇о вм. по́л̇ä по образцу д̇а́ло, у́тро; бо́т̇ш̇ок по образцу ла́вок, н̇и́ток; бу́д̇от, ска́жот по образцу ⁿид̇о́т, н̇єс̇о́т. Кромѣ того въ связной рѣчи подобные случаи отчасти могутъ быть вызваны положеніемъ передъ ударяемымъ слогомъ слѣдующаго реченія: выраженія по́л̇о бра́тнино, ш̇є́ст̇ бо́т̇ш̇ок во́тк̇и, он бу́д̇от в го́род̇ä представляют тѣ же звуковыя условія, какъ цѣльныя реченія сл̇оза́, гор̇ова́т̇. Склоняясь съ одной стороны ко мнѣнію, что разширеніе происходило лишь въ ударяемомъ и въ предударномъ слогѣ, я съ другой стороны считаю вѣроятнымъ, что первоначально разширеніе зависило исключительно отъ твердости слѣдующаго согласнаго [1], и что только впослѣдствіи появившееся здѣсь *ö* [2] при однихъ акцентныхъ условіяхъ развивалось въ *о*, а при другихъ опять переходило въ *е*: произнести здѣсь рѣшительный судъ трудно.

Въ малорусской рѣчи разширеніе происходитъ гораздо рѣже, чѣмъ въ великорусской: оно имѣетъ мѣсто послѣ шипящихъ. Такимъ образомъ изъ основныхъ шьлкъ, жьрло, жена, чело, человѣкъ выходитъ шовк, жо́втий, жона́, чоло́, чолові́к. Когда мы въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго *е* видимъ *о*, то слѣдуетъ думать, что *о* явилось не фонетически, а вслѣдствіе примѣненія однихъ формъ къ другимъ, напр. јоѕо́ должно быть получило свое *о* отъ формы твердаго окончанія тоѕо́. Такъ же, какъ малорусское јоѕо́, можно толковать и сѣверновеликорусское јово́, хотя въ этомъ нѣтъ надобности.

Разширенное *е*, какъ мы уже видѣли, существуетъ также въ языкѣ польскомъ. Нѣкоторыя польскія явленія могутъ служить

---

[1]) См. выше, стр. 19.

[2]) См. выше, стр. 3.

поучительной параллелью къ явленіямъ русскимъ. Мы отмѣтили, что сущ. к л̀ о́ н нѣкогда въ мѣстномъ падежѣ должно было произноситься (на) к л̀ е́ н̀ ä. Такъ какъ русская азбука первоначально не имѣла буквы ё (которою и теперь рѣдко пользуются), то по написанію памятниковъ трудно провѣрить, гдѣ было *е*, гдѣ *ё*, а кромѣ того форма (н а) к л̀ е́ н̀ ä намъ можетъ показаться странною. Но мы изъ польскаго языка видимъ, что подобныя формы могли существовать. Польскій языкъ встарину при именительныхъ żona и miód (род. miodu) въ мѣстномъ падежѣ имѣлъ żenie и miedzie, и только впослѣдствіи появился новопольскій выговоръ żonie и miodzie.

Польскій языкъ представляетъ также аналогію замѣнѣ ѣ черезъ 'о: ѣ по-польски превращается въ однихъ случаяхъ въ ie, въ другихъ (передъ твердыми зубными: t, d, s, z и ł, да еще передъ r)—въ *ia*; но есть случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго *ia* появляется *io*; напр. къ слову pieśń уменьшительное должно бы звучать piasnka или piasenka, въ дѣйствительности же мы находимъ выговоръ piosnka и piosenka: очевидно, здѣсь такое же подражаніе случаямъ органическаго разширенія *е*, какъ и въ русскомъ.

Окончивши обзоръ ударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, присоединю къ нему еще замѣчанія о нѣкоторыхъ тонкостяхъ произношенія, которыхъ мнѣ казалось неудобнымъ касаться ранѣе.

Какъ мягкость или твердость слѣдующаго согласника отражается на звукѣ *е*, дѣлая его то широкимъ, то узкимъ, такъ она отражается и на другихъ гласникахъ. Наблюденіе это было сдѣлано упомянутымъ выше акад. Бётлингомъ. Правда, Гротъ отвергъ мнѣніе Бётлинга, однако напрасно: хотя оттѣнки произношенія въ этомъ случаѣ гораздо тоньше, чѣмъ при звукѣ *е*, но они все-таки существуютъ. Если сопоставить нарѣчіе р а́ н а съ его сравнительную степенью р а́ н̀ ш ы, то оказывается, что во второмъ случаѣ *а* нѣсколько приближается къ *е*, т. е. что передъ твердымъ согласнымъ мы имѣемъ *а* ш и р о к о е, а передъ мягкимъ—у з к о е. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи существительныхъ х о́ р и х о́ р́ (хорёкъ), оказывается, что *о* во второмъ случаѣ приближается къ *ö*. Точно такъ же мы имѣемъ двоякое *у*: сущ. п у т' отличается отъ сущ. п у́ т (п-у-д-ъ) не только мягкостью звука *т*, но также сравнительною узостью звука *у*, кото-

рый смахиваетъ на й. Мягкость или твердость слѣдующаго согласника естественно должна отражаться также на звукахъ *ы* и *и*: *ы* въ среднемъ родѣ ед. ч. б ы́ л а и во множ. ч. б ы́ л ’и не совсѣмъ одинаковы. Такимъ образомъ мы должны предположить (хотя это слухомъ трудно уловить), что отмѣченные нами четыре оттѣнка, отъ самыхъ широкихъ *ы* до самаго узкаго *и*, каждый могутъ распадаться еще на два оттѣнка, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій согласникъ. Существованіе узкихъ *а, у, о, ы* можно провѣрить, если начать произносить слова и не договаривать ихъ, останавливаясь на наблюдаемомъ звукѣ: вслушиваясь, можно опредѣлить по началу словъ, предполагается ли твердое произношеніе или мягкое. Напр. по первому слогу *ба*- можно узнать, имѣлось ли въ виду сказать б а́ б а, б а́ л о в е н ь, вообще какое-нибудь слово со слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, или же какое-нибудь б а́ н я, б а́ с н я. Подобнымъ же образомъ по слогу д у- можно узнать, собирались ли сказать д у́ - л а, или же д у́ - л ’и.

Суженіе гласнаго *а* въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ (напр. у Ярославцевъ, Вятчанъ, Олончанъ), когда звукъ *а* и сзади и спереди имѣетъ мягкій согласный, идетъ далѣе, такъ что *а* п р е в р а щ а е т с я въ *е*, напр. наше з’а т’ звучитъ з’е т’, п р’а́ н’ь к’и—п р’е́ н’ь к’и, г р’ас’—г р’е с’.

Суженіе есть явленіе весьма извѣстное въ нѣмецкомъ языкѣ: тамъ при ед. ч. Hand мы имѣемъ множ. Hände — старонѣмецкія формы были hant, henti; подобнымъ же образомъ имѣется прилагат. schön, старонѣмецкая форма котораго была skoni; имѣется глаголъ füllen, готская форма—fulljan. Принято говорить о вліяніи послѣдующаго i, j, но такое вліяніе одного звука черезъ другой не можетъ быть допущено, и слѣдуетъ думать, что здѣсь передъ i, j произошло умягченіе (въ извѣстной степени) согласнаго, а затѣмъ суженіе гласнаго передъ мягкимъ согласнымъ. Въ языкѣ русскомъ суженіе не пошло такъ далеко, какъ въ нѣмецкомъ, и *а, о, у* только приблизились къ *ä, ö, ü*, за исключеніемъ сѣверновеликорусскаго говора, въ которомъ мы видѣли полное суженіе *а* въ *е*.

Обратимся теперь къ гласнымъ б е з у д а р н ы м ъ. При отсутствіи ударенія русскіе гласные бываютъ неявственны: *а* и *о* въ

такомъ случаѣ совпадаютъ въ одномъ звукѣ, который болѣе или менѣе подходитъ къ *а*, но иногда бываетъ весьма неявственнымъ и смахиваетъ на *ы*. Совпаденіе звуковъ *а* и *о*, извѣстно подъ именемъ «а к а н ь я» и составляетъ особенность говора южновеликорусскаго и нарѣчія бѣлорусскаго, тогда какъ сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе сохраняютъ безударное *о* [1]. Употребленіе *о* вм. *а* явленіе отнюдь не исконное: нельзя никоимъ образомъ думать, вслѣдъ за Максимовичемъ, чтобы въ этомъ случаѣ южновеликорусская и бѣлорусская рѣчь была архаичнѣй сѣверновеликорусской и малорусской; однако же аканье довольно раннее явленіе—оно не новѣе XIV столѣтія.

Такъ какъ южновеликорусская рѣчь (вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная) превращаетъ безударное *о* въ *а*, то въ ней в о в с е н е д о л ж н о б ы б ы т ь *о* б е з у д а р н а г о; есть однако случаи, въ которыхъ слышится такое *о*, видимо утратившее удареніе лишь въ позднѣйшее время. Это такія слова, которыя въ однихъ случаяхъ имѣютъ до сихъ поръ удареніе на *о*, а въ другихъ становятся прислонками (энклитиками). Таково личное мѣстоименіе о н ъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ о н б ы́ л, д а р а́ з в̀ и т а́ м о н?, в о́ т о н. И средній родъ этого мѣстоименія, а н о́, сохраняетъ свое *о*, когда становится энклитикой, напр. въ выраженіи а н о в ы́ ш л а; таковъ же родительный пад. j и в о́ въ выраженіи «н а j и в о м̀ а́ с т̀ ä». Таковы еще мѣстоименія — указательное т о т, т о и относительныя х т о, ш т о, рядомъ съ которыми стоятъ вопросительныя х т о́ ш т о́, съ полнымъ удареніемъ; ихъ род. падежи: т а в о, к а в о; т̀ ш̀ и в о и мѣстные ф т о м, ф к о м, ф т̀ ш о м. Таковы еще союзы: ш т о б ы, н о, междометіе в о т.

Утверждаютъ, что въ говорѣ сѣверно-великорусскомъ существуетъ явленіе обратное аканью, т. е. не только сохраняется безударное *о*, но даже происходитъ иногда п р е в р а щ е н і е въ *о*

---

[1]) Однако не вездѣ окаютъ одинаково: ярославцы (впрочемъ м. б. не всѣ) произносятъ явственное *о* только въ предударномъ и въ конечномъ слогѣ, въ другихъ же слогахъ безударное *о* чуть-ли не совпадаетъ съ литературнымъ. На этотъ счетъ не сдѣлано еще достаточно точныхъ наблюденій.

безударнаго *а*. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ около тридцати словъ, представляющихъ-де такой переходъ; при томъ онъ замѣчаетъ, что *о* вмѣсто *а* появляется только въ отдѣльныхъ словахъ и нигдѣ не составляетъ правила. Почти постоянно слышится *о* въ одномъ лишь корнѣ р о б вмѣсто р а б, откуда глаголъ р о б и́ т ь (также р о́ б и т ь), сущ. р о б о́ т а; да еще въ предлогѣ р а з -, который почти постоянно является въ формѣ р о з -. (Замѣчу, впрочемъ, насчетъ предлога р а з -, что для архангельскаго разнорѣчія показанія Колосова не подтверждаются показаніями Подвысоцкаго. Въ «Словарѣ областнаго архангельскаго нарѣчія» Подвысоцкаго мы видимъ довольно часто предлогъ раз-, хотя нерѣдко встрѣчаемъ и роз-; также рядомъ съ глаголомъ р о б и́ т ь мы тамъ находимъ р а б о́ т а т ь). Полагаю, что въ такъ называемый с п о р а д и ч е с к і й переходъ звуковъ, т. е. въ фонетическое измѣненіе въ однихъ словахъ, тогда какъ въ другихъ тотъ же звукъ при тѣхъ же условіяхъ остается безъ перемѣны, вообще вѣрить не слѣдуетъ. И «переходъ» безударнаго *а* въ *о* отчасти оказывается мнимымъ. Такъ относительно предлога р о з - слѣдуетъ сказать, что р а з - въ литературномъ языкѣ едвали не есть просто искусственное правописаніе, явившееся подъ вліяніемъ старославянскаго языка; вѣдь мы говоримъ р о́ з ы с к, р о́ з в а л ь н и, р о́ с т е п е л ь и т. д., и раз- подъ удареніемъ представляетъ только сущ. р а́ з у м, которое такъ звучитъ и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ; гдѣ, однако является прилагат. р о з у́ м н о й. Кажется, существ. р а́ з у м нѣтъ надобности считать книжнымъ и предполагать, что настоящій русскій выговоръ его былъ бы р о́ з у м. Можно думать, что это одно слово сохранило предлогъ р а з -, который, какъ разновидность къ р о з -, долженъ былъ существовать еще въ общеславянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне сѣверозападные имѣютъ предлогъ р о з -, а югозападные р а з -; при томъ у Славянъ сѣверозападныхъ встрѣчаются слѣды предлога р а з -, а именно у Словаковъ въ нѣсколькихъ словахъ является raz, напр. rázcesty (распутье: cesta—дорога). Можно думать, что сѣверновеликорусская рѣчь, представляя рядомъ существительное р а́ з у м и прилаг. р о з у́ м н о й, сохранила даже первоначальное соотношеніе этихъ двухъ формъ — р а з - какъ

форму ударяемую, а р о з - какъ безударную. Впослѣдствіи одни славянскіе языки провели вездѣ одну форму, другіе—другую; русскій языкъ предпочелъ р о з, но, какъ остатокъ старины, въ немъ сохранилось сущ. р а́ з у м. Но, какъ бы то ни было, сѣверновеликорусскій безударный предлогъ р о з- не представляетъ п е р е х о д а *а* въ *о*. Точно также нельзя видѣть подобнаго перехода въ глаголѣ р *о* б и́ т ь: и по-малорусски мы имѣемъ глаголъ р *о* б и́ т и, и по-польски мы видимъ robić; въ этомъ случаѣ и южные Славяне произносятъ *о* вмѣсто староцерковнаго ѧ, напр. по-сербски р о б (рабъ, плѣнникъ) [1]. Подобнымъ же образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что слово р а к и т а правильнѣй было бы писать черезъ *о*—р *о* к и т а. Несомнѣнно уже, что слово п а р о м ъ слѣдовало бы писать п *о* р о мъ, потому что оно, какъ видно изъ сербскаго п р а̏м (родъ судна), представляетъ полногласіе. Если мы находимъ вмѣсто литературнаго п а л а т а областное п *о* л а т а, то это можетъ быть подведено подъ извѣстный обычай, распространенный во всѣхъ славянскихъ языкахъ—въ заимствованныхъ словахъ безударное *а* передавать черезъ *о*, напр. **сотона** изъ Σατανᾶς (такъ во всѣхъ старѣйшихъ текстахъ Евангелія); также изъ altare—**олътарь** (вм. чего и **алътарь**), по-польски oltarz. Если мы встрѣчаемъ въ сѣверновеликорусской рѣчи выговоръ н *а л о* г а́ т ь вмѣсто н а л а г а́ т ь, то это конечно выговоръ вторичный: основная и староцерковная форма этого глагола есть **налагати**; **лагати**—многократный видъ къ глаголу **ложити**, въ многократномъ же видѣ коренное **о** усиливается въ **а**, напр. **водити—каждати, мошти—магати**; но легко допустить, что въ глаголѣ н а л о г а́ т ь *о* замѣнило *а* въ угоду формѣ н а л *о* ж и́ т ь. То же самое происходитъ и въ литературномъ языкѣ, гдѣ въ глаголахъ многократнаго вида мы почти постоянно пишемъ *о* вмѣсто древняго *а*; очевидно, на письмѣ мы дѣлаемъ тоже самое, что сѣверные великороссы дѣлаютъ въ живой рѣчи.

---

[1] Извѣстно, что и въ одномъ староцерковномъ памятникѣ (въ Супрасльской рукописи) не разъ пишется р о б ъ вмѣсто р а б ъ; тамъ же нѣсколько разъ встрѣчается предлогъ р о з—однако это д. б. плодъ посторонняго вліянія.

Безударное *е* въ литературномъ произношеніи болѣе или менѣе совпадаетъ съ безударнымъ *и*. Вслѣдствіе этого совпаденія замѣчается колебаніе въ правописаніи: такъ уменьшительный суффиксъ -енька нерѣдко пишется черезъ *и* -инька, напр. Олинька, Катинька, Петинька; и наоборотъ вмѣсто окончанія -инскій иногда пишутъ -енскій, напр. Екатерин*е*нскій (Екатерина — екатерининъ — екатерининскій). Впрочемъ говоръ южновеликорусскій и нарѣчіе бѣлорусское обыкновенно превращаютъ безударное *е* не въ *и*, а въ *а*, понятно, съ сохраненіемъ предшествующей мягкости. Такимъ образомъ вмѣсто литературнаго б'ьр̓игу́ мы встрѣчаемъ б'ир̓абу́ [1]; такимъ же образомъ прилагат. з'ьл̓ина́ является въ видѣ з'ил̓ана́, с̓истра́ въ видѣ с̓астра́. Естественно бы думать, что указанная двойственность—то расширеніе первоначальнаго звука *е* въ *а*, то суженіе его въ *и*,—находится въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, и соотвѣтствуетъ двойственности звука *е* ударяемаго. Однако, какъ выяснено Потебнею, этого не замѣчается: можно указать много случаевъ, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ слышится *и*; та́къ слово человѣ́къ мы имѣемъ въ видѣ т̓ш̑ы*и*лав'а̂к, а не т̓ш̑*а*лав'а̂к; также и н̓*и*ра́дъс̓т̓*и*н, гдѣ мы видимъ даже два случая *и* передъ твердымъ согласнымъ; наоборотъ глагольная форма веселю произносится в̓ис̓ал̓у́; подобнымъ же образомъ встрѣчается выговоръ ут̓е́р̓*а*м̓и съ *а* вмѣсто *и* передъ мягкимъ *м*. Потебня на основаніи этихъ явленій даже отвергаетъ двойственность ударяемаго *е* въ литературной рѣчи, на счетъ которой онъ, конечно, неправъ: существованіе узкаго и широкаго *е* подъ удареніемъ подлежать сомнѣнію не можетъ, но указанное Потебней явленіе южновеликорусской фонетики заставляетъ насъ сомнѣваться въ той связи, въ которую намъ хотѣлось бы поставить чередованіе безударныхъ *и* и *а* съ чередованіемъ ударяемыхъ *е* и *ä*. Нѣкоторыя исключенія, впрочемъ, находятъ себѣ естественное и простое объясненіе. Такъ, для объясненія выговора в̓ис̓*а*л̓у́, легко можно допустить, что само-

---

[1] Въ начальномъ слогѣ здѣсь м. б. и нѣтъ разницы отъ литературнаго произношенія; также и въ приводимомъ черезъ строку з'ил'ана́.

родная форма была бы в и с и л у́, но что *а* идетъ здѣсь изъ прилагательнаго в е́ с а л, ср. р. в е́ с а л а, ж. р. в и с а л а́; выговоръ у т е́ р а м и можно оправдать ссылкой на остальные падежи, гдѣ *е* стояло передъ твердымъ согласнымъ, напр. именит. т е́ р а м. Подобнымъ же образомъ слово н *и* р а́ д а с т и н позволительно объяснять вліяніемъ такихъ словъ, какъ н и р а́ х а, гдѣ отрицаніе примыкаетъ къ мягкому согласному. Есть однако случаи, для которыхъ подобныхъ объясненій указать нельзя, напр. почему т п *и* л а в а́ к, а не т ш *а* л а в а́ к? Кажется, въ виду этихъ случаевъ приходится отказаться отъ сдѣланнаго предположенія.

Занимающій насъ вопросъ, по даннымъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, представленнымъ Х а л а н с к и м ъ (въ I книгѣ Рус. Фил. Вѣстн.), разобранъ Я г и ч е м ъ—въ V томѣ «Архива славянской филологіи» помѣщена статья Ягича, заглавіе которой по-русски можно передать такъ: «О перегласовкѣ гласныхъ *е*, *ъ*, *ѧ* въ славянскихъ языкахъ» [3]. Ягичъ приблизительно подтверждаетъ законъ, указанный самимъ Халанскимъ во вводныхъ замѣчаніяхъ къ щигровскимъ пѣснямъ. Вотъ этотъ законъ: *а* является р я д о м ъ с ъ у д а р я е м ы м ъ с л о г о м ъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно за нимъ слѣдующемъ. Хотя въ подтвержденіе этого закона можно сослаться на отмѣченные уже примѣры, но приведу еще нѣкоторые, которые послужатъ къ нимъ дополненіемъ. Мы имѣемъ прилаг. м а д о́ в а й; существ. б'а р о́ з а, сущ. б'е́ р а х. Примѣромъ на *и*, которое, значитъ, является въ слогахъ, не сосѣдящихъ съ ударяемыми, можетъ служить еще н и л а н а́.

Какая бы, спрашивается, могла быть причина появленія *а* изъ *е* въ слогахъ, сосѣдящихъ съ ударяемымъ? Можно бы предполагать, что тутъ не настоящее *а*, а глухой гласникъ съ предшествующей мягкостью—именно, легко допустить, что слогъ сосѣдній съ удареніемъ станетъ особенно слабымъ, и гласникъ его обратится въ глухой, неявственный. Впрочемъ, можно предположить и обратное—что слоги сосѣдніе съ ударяемымъ также имѣ-

[1] Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den slavischen Sprachen.

ютъ на себѣ нѣкоторое удареніе, отличаются большей силой, чѣмъ другіе, такъ что развитіе *и* въ другихъ слогахъ обусловливается большею глухостью. Первое предположеніе на первый взглядъ гораздо правдоподобнѣй, но мы сейчасъ увидимъ одно соображеніе, говорящее въ пользу второго толкованія, правда, только на половину—по скольку дѣло идетъ о слогѣ предударномъ.

Мы уже отмѣтили, что безударные слоги не всѣ отличаются одинаковой неявственностью. Для южновеликорусскаго говора Потебня старался опредѣлить, при какихъ условіяхъ безударные гласники звучатъ яснѣе, при какихъ глуше. То же самое для литературной рѣчи сдѣлалъ Богородицкій. Богородицкій изложилъ свой взглядъ во «Введеніи въ изученіе русскаго вокализма», помѣщенномъ въ VII томѣ Рус. Фил. Вѣстн., а затѣмъ подробнѣе въ разсужденіи: «Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ», напечатанномъ въ Казанскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1884-й годъ. Выводы Потебни и Богородицкаго, добытые независимо другъ отъ друга, оказываются почти тожественными. Изложу ихъ своими словами. Мы можемъ различать въ безударныхъ слогахъ выговоръ 1) довольно ясный; его мы находимъ въ слогѣ предударномъ, напримѣръ въ словахъ к*р*а*с*а́, р*а*с*а́*. Подобнымъ же образомъ въ глагольной формѣ п*л̓*и*т*у́ мы на мѣстѣ древняго *е* имѣемъ довольно ясный звукъ; также повелит. глагола с̓ е т͡ш (сѣшти)—с̓ *и* к̓и́ представляетъ довольно явственное *и* на мѣстѣ ѣ.

2) Мы находимъ выговоръ довольно глухой. Такой выговоръ свойственъ открытому конечному слогу, т. е. конечному слогу, кончающемуся на гласный звукъ. Значитъ, довольно глухимъ будетъ *а* въ какихъ-нибудь словахъ н̓и́ва, вы́дъ т͡ш̓а; такой же звукъ мы видимъ въ концѣ существ. средняго рода на безударное *о*, напримѣръ т̓ӓла, сло́ва. Подобнымъ же образомъ слышится довольно глухое *е* въ словѣ по̓л̓ä. (Впрочемъ, вмѣсто по́л̓ä чаще говорятъ по́л̓*а*, но такой выговоръ не слѣдуетъ объяснять фонетически, а подражаніемъ мягкаго различія твердому).

3) Существуетъ выговоръ весьма глухой. Выговоръ этотъ свойственъ всѣмъ слогамъ, кромѣ указанныхъ ранѣе—предударныхъ

и конечныхъ открытыхъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ весьма глухой выговоръ въ конечномъ закрытомъ слогѣ: напр. слово л а́ п ъ т̀ представляетъ на мѣстѣ *о* глухой звукъ, который я обозначилъ буквой ъ [1]; точно такой же звукъ на мѣстѣ древняго *а* представляетъ инфинитивъ к а́ п ъ т̀. Глухой звукъ на мѣстѣ *а* мы видимъ также въ словѣ п о́ в ъ р, съ которымъ сопоставимъ созвучное съ нимъ г о́ в ъ р; сопоставимъ еще глагольную форму с п о́ р̓ ь м и существ. въ предложномъ соединеніи — с м о́ р̓ ь м. Теперь возмемъ примѣры на другіе слоги, т. е. на слоги предшествующіе ударяемому, но не прямо. Напр., въ глаголѣ п ъ л̀ у б̓ и́ т̀ предлогъ п о звучитъ п ъ, точно также предлогъ з а въ сущ. зъбытјо́ является въ видѣ з ъ; велительное б̓ ъ р̀ и ґ̀ и́ представляетъ въ первомъ слогѣ вмѣсто *е* глухой узкій — сравнимъ съ нимъ сущ. б̓ ъ т̀ у ґ̀ и́, гдѣ тотъ же звукъ замѣняетъ *и* [2]). Еще нѣсколько примѣровъ: к ъ л ъ к а л́ а́, з ъ с т р ъ х а в а́ т̀, н ъ п ъ х ъ р а н а́ х, н̓ ь р̀ ь в и с̀ т̀ и́, ʰ ь с̀ н̓ ь н̓ и л̀ и́ т̀. Примѣры на слоги, слѣдующіе за ударяемымъ. Мы можемъ повторить здѣсь слово, служившее намъ примѣромъ на открытый конечный слогъ, слово в ы́ д з т̀ ‿ш а, сравнить съ нимъ в ы́ б ъ р ы. Сравнимъ еще глагольныя формы второго лица множ. числа глаголовъ м о л о т ь и д ѣ л и т ь: м̓ е́ л̀ ь т̀ ä (-т и) и д̓ е́ л̀ ь т̓ ä (-т̀ и). Подобнымъ же образомъ произносятъ: з а́ м ъ р ъ с̀ к̀ и, с у́ т ъ л ъ к а, в ы́ г н ъ н ъ й а, с к а́ з ъ н ъ й а, п р а́ в̓ ь д̓ н ь т ‿с а, в ы́ д̓ ь л̀ ь т̀ ä (-т̀ и).

На то́, что не всѣ безударные слоги одинаково слабы, еще до Богородицкаго и Потебни обратилъ вниманіе Г р о т ъ, хотя онъ не разработалъ этого вопроса подробно, а выставилъ только общее положеніе и указалъ нѣкоторые примѣры. Замѣчаніе Грота было сдѣлано имъ въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ ударе́ніи» Кайслера (Kayssler). Гротъ здѣсь говоритъ, что «не всѣ неударяемые слоги равны между собой по степени крат-

[1]) Здѣсь, значитъ, вторичнымъ образомъ приблизительно возстановился праславянскій ъ.

[2]) Однако, по первому пункту: о н п *а* л̓ у́ б̓ ь т, з *а* б ы́ т̓, б̓*и* р̓ е́ т̓ ‿ш, б̓*и* т̓ у́ к.

кости». Это положеніе Гротъ подтверждаетъ примѣрами, представляющими сопоставленіе слоговъ предударныхъ и поударныхъ; онъ подбираетъ случаи, въ которыхъ одинъ и тотъ же слогъ то предшествуетъ ударяемому слогу, то слѣдуетъ за нимъ, и указываетъ на то, что поударный слогъ одного слова не можетъ служить предударнымъ въ другомъ словѣ. Наиболѣе удачный примѣръ—слова мы́шка и камы́ш; слогъ ка въ первомъ реченіи слишкомъ кратокъ, чтобы служить начальнымъ слогомъ реченія камыш. Это то же самое, что высказано Богородицкимъ и Потебней, именно, что слогъ предударный сильнѣй поударнаго. Гротъ предлагаетъ произнести нѣсколько разъ подъ рядъ: мышка — мышь и мышь—камышъ, причемъ должно обнаружиться указанное несоотвѣтствіе слоговъ конечныхъ и начальныхъ: если бы его не было, то оба выраженія должны бы совпасть. Еще такой же опытъ Гротъ предлагаетъ произвести надъ словами ра́но и нора́; тѣ́лка и котёлъ, то́поль и пальто́.

Мы отмѣтили, что предударный слогъ отличается большей силой сравнительно съ другими безударными. Это и есть то соображеніе, которое можно привести въ оправданіе своеобразной его огласовки въ южновеликорусскомъ говорѣ. Значитъ, разсматривая какое-нибудь слово пила́на изъ пелена́ можно сказать, что предударный слогъ потому пріобрѣлъ своеобразную огласовку, что онъ сильнѣе другихъ безударныхъ. Однако для слога поударнаго такого соображенія нѣтъ: онъ стоитъ на ряду со слогами безударными, и въ немъ не должно бы быть своеобразной огласовки. Бо́льшая сила предударнаго слога состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ получаетъ нѣкоторое второстепенное удареніе.

Второстепенное удареніе на предударномъ слогѣ едва ли не слѣдуетъ признать чертой древней, праславянской: въ такомъ случаѣ намъ легче понять то отношеніе, которое существуетъ между акцентовками русской и сербской. Сербскій языкъ представляетъ явленіе, которое я въ своемъ «Начертаніи славянской акцентологіи» назвалъ оттяжкой, т. е. тамъ удареніе оттягивается на одинъ слогъ къ началу; такимъ образомъ русскому слову вода́ по-сербски соотвѣтствуетъ во̀да, русскому копы́то—ко̀пито, русскому трубить—тру́бити. Это весьма странное явленіе становится болѣе понятнымъ, если предположить, что предударный слогъ

издавна имѣлъ уже нѣкоторое удареніе. Въ сербскомъ языкѣ слова̀ оттяжечной акцентовки представляютъ удареніе двухслого́вое, т. е. кромѣ главнаго ударенія еще второстепенное на слѣдующемъ слогѣ, напр. во̀да̏—на первомъ слогѣ удареніе восходящее, на второмъ — нисходящее; подобнымъ же образомъ въ глаголѣ тру́би̏ти первый слогъ имѣетъ удареніе восходящее, второй—нисходящее. Мы, значитъ, можемъ говорить, что въ сербскомъ языкѣ прежнее главное удареніе сдѣлалось второстепеннымъ, а второстепенное стало главнымъ; это измѣненіе болѣе естественно, чѣмъ превращеніе ударяемаго слога въ безударный и пріобрѣтеніе ударенія слогомъ безударнымъ [1].

Не совсѣмъ я согласенъ съ Богородицкимъ насчетъ предударныхъ слоговъ со звукомъ *е*. Богородицкій утверждаетъ, что предударный слогъ настолько силенъ, что въ немъ существуютъ тѣ же оттѣнки, какъ въ слогѣ ударяемомъ, т. е. ä передъ твердыми согласными, и є передъ мягкими; также и Бётлингъ въ числѣ своихъ примѣровъ на двойственность звука *е* помѣщаетъ нѣкоторыя слова, гдѣ *е* стоитъ въ предударномъ слогѣ. Богородицкій глагольной формѣ плету́ приписываетъ ä, а формѣ плети́—є. Тѣмъ болѣе Богородицкій въ этомъ случаѣ видитъ различіе между звуками *е* и *и*. По моему предударное *е* и предударное *и* совпадаютъ, какъ совпадаютъ предударныя *о* и *а*; какъ тѣ являются въ видѣ довольно яснаго *а*, такъ *е* и *и* звучатъ, какъ довольно ясное *и*. Сравнимъ глагольную форму наплету́ и выраженіе на плиту́; сравнимъ существительныя предѣ́лъ и придѣ́лъ; пѣту́хъ и питу́хъ; родит. падежи вѣнца́ и винца́; пѣвца́ и пивца́; развела́сь и развила́сь; мнѣ кажется, что мы въ этихъ случаяхъ говоримъ безразлично: нъпл̓иту́, пр̓ида̂л, питу́х, в̓инт͡са́, п̓ифт͡са́, раз̓в̓ила́с. Можетъ быть, однако, произношеніе колеблется, такъ что иные соблюдаютъ тѣ оттѣнки, которые усматриваетъ при указанныхъ условіяхъ Богородицкій; возможно при этомъ, что тутъ сказывается вліяніе письма. Богородицкій даже самъ въ нѣкоторыхъ

---

[1] О сербской акцентовкѣ говорится нѣсколько подробнѣе ниже, по поводу выставленной однимъ ученымъ (Потебнёй) теоріи полногласія.

случаяхъ подозрѣваетъ себя въ подчиненіи книжному вліянію. Но ужъ положительно не правъ Богородицкій относительно *о* въ предударномъ слогѣ, которое будто бы только приближается къ *а*, но не совпадаетъ съ нимъ: множ. число къ слову в а л ъ— в а л ы́ отличается-де отъ множ. числа къ слову в о л ъ—в а̊ л ы́. Эти слова звучатъ одинаково, и при звуковомъ письмѣ, надо писать въ обоихъ случаяхъ в *а* л ы́. Сравнимъ еще мѣстоименіе с а м а́ съ родит. падежомъ сущ. с о м ъ—с о м а́; множ. число п а р ы́ и род. пад. сущ. пора́—п о р ы́; глаголы п о д р *а* ж а́ т ь и п о д р *о* ж а́ т ь; глагольную форму п о к о л о ч у́ и выраженіе по к а л а ч у́; сущ. о к о́ ш к о и выраженіе а к о́ ш к а [1]).

Кромѣ отмѣченныхъ нами главныхъ оттѣнковъ безударныхъ гласныхъ можно усмотрѣть еще нѣкоторые: иногда являются совсѣмъ неясные гласники, и гласный элементъ бываетъ столь слабъ, что можно говорить о с л о г о в ы х ъ с о г л а с н ы х ъ. По наблюденію Богородицкаго это бываетъ, когда гласный приходится между тожественными, или родственными звуками. Такъ напримѣръ въ указательномъ мѣстоименіи этотъ мы имѣемъ особенно неясный выговоръ ᵘ̈а̊тᵊт (обозначу его маленькимъ ъ); такой же звукъ является въ родительномъ падежѣ прил. н о в ы й— н о́ в ᵊ в а, въ дат. падежѣ множ. ч. существительнаго д а́ м а— д а́ м ᵊ м и въ творительномъ д а́ м ᵊ м̓ и. Совсѣмъ неявственный выговоръ представляютъ также косвенные падежи сущ. х о́ л ъ т— х о́ л ᵊ д а, х о́ л ᵊ д у, х о́ л ᵊ д ъ м, х о́ л ᵊ д̓ и. Подобнымъ же образомъ женское отчество отъ имени Я к о в ъ звучитъ обыкновенно Ј а́ к ᵊ л̓ н а. Богородицкій въ этихъ случаяхъ говоритъ о слоговыхъ согласныхъ, причомъ у него оказывается, что всѣ согласные при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть слоговыми. Сохраняя названіе «слоговые согласные», я считаю нужнымъ оговориться, что слоговыхъ согласныхъ, по моему мнѣнію, не суще-

---

[1]) Послѣдній примѣръ считаю особенно вѣскимъ, т. к. однажды произнесенное мною (безо всякой мысли о какой-либо фонетической теоріи) слово о к о ш к о было принято за два слова. Такое же наблюденіе мнѣ удалось сдѣлать надъ указанной выше фонемою р а з в'и л а́ с: одна дама (москвичка) говорила мнѣ, что ея знакомая развила́сь умственно, а я понялъ, что она развела́сь съ мужемъ.

ствуетъ, а существуютъ согласные, сопровождаемые минимальными гласными.

Иногда неявственность гласныхъ доходитъ еще до большей степени, а именно до полнаго ихъ изчезновенія: въ иныхъ случаяхъ гласные, сохраняясь на письмѣ, въ произношеніи пропадаютъ. Такъ, слово городовóй произносится обыкновенно въ три слога гърдавóй; слово нáбережная обыкновенно представляетъ не пять слоговъ, а только четыре: нáб’ьржньйа. Подобнымъ же образомъ выраженіе въ парикѣ иной разъ можетъ звучать ф̓п̓р̓икáˆ; вмѣсто парикмахеръ говорятъ п̓р̓икмáх̓ьр [1]).

Теперь спрашивается, не примѣняется ли къ изложеннымъ нами особенностямъ безударныхъ слоговъ старинное изреченіе: «нѣтъ правила безъ исключенія»; изреченіе, противъ котораго мы въ настоящее время очень предубѣждены, такъ какъ мы не хотимъ признавать, что есть законы съ исключеніями, ни на чемъ не основанными. Кажется, изъ нашихъ законовъ относительно безударныхъ гласныхъ дѣйствительно нѣтъ настоящихъ исключеній, а замѣчается только то вліяніе книги, то вліяніе областныхъ говоровъ, то самаго способа говоренія: когда мы говоримъ съ разстановкой, то произношеніе будетъ явственнѣе, чѣмъ при скороговоркѣ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ исключеній можно подобрать особое оправданіе. Такъ, мы имѣемъ выраженіе пошелъ!, въ которомъ слышится нерѣдко неявственный гласный, т. е. вмѣсто пашóл! выговариваютъ пъшóл! и даже пшóл!, въ одинъ слогъ; вмѣсто пáй! командуютъ п̓áй! По Богородицкому и Потебнѣ здѣсь въ предударномъ слогѣ *а* должно быть довольно явственно; оправданіемъ же его неявственности служитъ междометный характеръ этихъ словъ. Дѣйствительно, пашóл употребленное какъ прошедшее время представляетъ *а* довольно ясное.

Своеобразному измѣненію подвергается безударное *а*, когда ему предшествуетъ мягкость: оно совпадаетъ со звукомъ *е*, отчасти, значитъ и съ *и*. Возьмемъ напр. прилагательное м̓áвък въ женкомъ родѣ, это будетъ м̓ихкá; съ формой м̓ихкá сравнимъ

[1]) Въ такомъ видѣ («Къ прикмахеру») это слово встрѣчается у Грибоѣдова—Горе отъ ума, Дѣйствіе III, явленіе 2.

женскій родъ прилагательнаго л҃о́въкъ—л҃ичка́; сравнимъ далѣе существительныя јидро́ и в҃идро́; сопоставимъ еще настоящее время глаголовъ прясть и придти, которые совпадаютъ въ одной фонемѣ пр҃иду́; то же самое у глаголовъ списать и спѣшить—сп҃ишу́. Можетъ быть, однако, выговоръ въ этихъ случаяхъ колеблется. Богородицкій въ своихъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ произношеніемъ отмѣчаетъ выговоръ р҃або́й, согласно, значитъ, съ письмомъ; также н҃а т҃и́ отъ н҃а т҃. Самъ врочемъ Богородицкій дѣлаетъ при томъ оговорку, что это чутьли не книжное вліяніе, и что онъ, хотя и произноситъ н҃а т҃й, съ другой стороны отъ числительнаго д҃е́сѣ т҃ образуетъ д҃ьс҃ит҃й. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально принадлежавшихъ къ мягкимъ, въ настоящее время, вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ отвердѣнія, мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, напр. слово, которое пишется жара, произносится жыра́; слово, которое пишется шары, звучитъ шыры́. Послѣ согласнаго дифтонга т͡ш и согласнаго трифтонга ш͡т͡ш гласный звукъ менѣе широкъ, т. е. слышатся не узкія *ы*, а широкое *и*; сравнимъ выраженіе начело́ и глагольную форму начало́, то и другое въ фонетической транскрипціи можно передать такимъ образомъ: нъ҃т͡шило́ или нъ҃т͡шило́.

Одинаковую судьбу съ безударнымъ *а* послѣ мягкости, конечно, должно бы имѣть также безударное *о*; однако сочетанія *о* съ *ј* и другими мягкими согласными русскій языкъ не могъ унаслѣдовать отъ общеславянскаго языка: въ общеславянскомъ *о* въ такомъ положеніи превращалось въ *е*. Рядомъ съ какимъ-нибудь словомъ село возникло копье вмѣсто копьо. Есть, однако, несомнѣнные случаи измѣненія *ё* безударнаго въ словахъ пришлыхъ, въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; такъ мѣсто для водосвятія называется јирда́н҃ [1]). (Конечно, *о* сначала перешло въ *е*, а потомъ уже *е* сблизилось съ *и*). Подобнымъ же

[1]) Слово это, несомнѣнно, происходитъ отъ названія рѣки Іордана. Послѣднее названіе въ непринужденномъ произношеніи само звучитъ не и҃Іорда́н, а Јирда́н.

образомъ имя Иванъ въ своей книжной формѣ Іоаннъ при непринужденномъ выговорѣ превращается въ Јна́н (2 слога вмѣсто 3-хъ); изъ имени Іовъ еще встарину сдѣлали Йекъ, отсюда—фамилія Іевлевъ, фонетическая транскрипція которой будетъ ʲЙйьвʲлʲьф. Въ словахъ туземныхъ, по сказанному ранѣе, мы не должны бы ожидать перехода *о* въ *е*, а далѣе въ *и*; однако, кажется, такой переходъ все-таки имѣетъ мѣсто. Соболевскій въ статьѣ «Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ», помѣщенной въ XII томѣ Русскаго Филолог. Вѣстника, указываетъ нѣкоторыя данныя въ пользу того, что южновеликорусское и бѣлорусское превращеніе безударнаго *е* въ *а* не произошло непосредственно, а что между ними лежала переходная ступень *о*. Оказывается, что не только въ сѣверновеликорусскихъ, но и въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ встрѣчается употребленіе буквы *о* послѣ шипящихъ, т. е. написанія въ родѣ чолобитье, нашому вмѣсто челобитье, нашему, на основаніи которыхъ Соболевскій и утверждаетъ, что какое-нибудь т͡ша́тыр͡и не восходитъ прямо къ четыри, а предполагаетъ переходную ступень чотыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что такъ было и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. что теперешнее с͡ало́ не прямо примыкаетъ къ старѣйшей русской и праславянской фонемѣ с͡а́ло́, но что по-русски с͡а́ло́ сначала дало с͡оло́, ущѣлѣвшее у сѣверныхъ великороссовъ, а уже потомъ явился выговоръ с͡ало́. Если это такъ, то мы въ русскомъ языкѣ и въ туземныхъ словахъ имѣемъ случаи превращенія *о* въ *и* при посредствѣ *е*: с͡а́ло́—с͡оло́—с͡а́ло́—с͡ело́—с͡ило́.

Мы поговорили такимъ образомъ о безударныхъ *а*, *о*, *е*; объ остальныхъ безударныхъ гласникахъ распространяться нечего. Гласника *и* я коснулся въ связи съ *е* и отмѣтилъ, что при отсутствіи ударенія эти два звука совпадаютъ. Прибавлю только, что безударное *и* иногда переходитъ въ легкій іотъ; вмѣсто неиду́ является нейду́ (н̓ийду́), вмѣсто неиме́тъ—нейме́тъ (н̓ийме́т). Особенно часто мы это видимъ у Малороссовъ; тамъ можно, кажется, выставить звуковой законъ, что начинное *и* становится неслоговымъ и потомъ отпадаетъ; вмѣсто иго́лка у Малороссовъ бо́лка; великорусскому игра́ть соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ бра́ти; предлогъ из превращает-

ся въ *з*: при великорусскомъ ⁱ и з̓в̓а̓с н а мы имѣемъ малорусское з в̓и́ с н о; при великорусскомъ ⁱ из д̓е́р̓ь в а стоитъ малорусское з д е́ р е в а. Сюда же я отношу превращеніе *и* въ *й* внутри слова и въ изглашеніи, т. е. такія формы, какъ велительное наклоненіе з н а й, з н а й т е: хотя бы, какъ иные утверждаютъ, тутъ *и* было неслого́вымъ уже въ староцерковномъ языкѣ, но въ праславянскомъ оно едвали было таковымъ.

Превращеніе слогового і въ неслого́вое слѣдуетъ видѣть и въ существительномъ јийт͡со́, основная форма ꙗнцє. Можно бы, однако, подумать, что й тутъ сохранился отъ старины, и произошло выпаденіе звука ь, такъ какъ древнѣйшая праславянская форма была јайьт͡се́ — вѣдь уменьшительный суффиксъ есть ьце [1]), и только впослѣдствіи йь дало й. Но противъ этого рѣшительно говорятъ род. множ. числа ј и й и́ т͡с и уменьшительное (первоначально уменьшительное второй степени) ј и й и́ т̓ш̓ к а: если бы въ основаніи нашего ј и й т͡с о́ лежало ј а й ь ц е́, то мы говорили бы ј а й а̓т͡с и ј а й е́ т̓ш̓ к а. (Такія формы дѣйствительно существуютъ, но только какъ областныя, и ихъ легко признать вторичными: онѣ замѣнили бѣглое *и* обыкновеннымъ бѣглымъ гласнымъ *е*).

У т р а т у безударнаго *и* п о с л ѣ с о г л а с н ы х ъ мы имѣемъ въ инфинитивѣ и въ велительномъ наклоненіи ед. числа, напр. с т а́ ı̓ вмѣсто с т а́ т̓ и, с т а н̓ вмѣсто с т а́ н̓ и. Явленіе это повторяется во всѣхъ ново-славянскихъ языкахъ.

Что касается безударнаго *у* и безударныхъ *ы*, то они мало отличаются отъ ударяемыхъ; они и при отсутствіи ударенія довольно явственны. Впрочемъ, второй изъ нихъ, *ы*, какъ мы уже раньше видѣли, иногда совпадаетъ съ безударными *а* и *о*: *а* и *о* при самомъ глухомъ выговорѣ приближаются къ *ы*.

Къ обзору гласныхъ звуковъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ состояніи, къ которому я присоединилъ только немногочисленныя справки насчетъ ихъ происхожденія, слѣдуетъ прибавить теперь

---

[1]) «Яйцо» первоначально было уменьшительнымъ къ утраченному въ русскомъ языкѣ ꙗѥ.

нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ мы будемъ идти инымъ путемъ: будемъ исходить отъ основныхъ праславянскихъ звуковъ. Прежде всего я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія насчетъ глухихъ гласныхъ.

Я отмѣтилъ уже утрату глухихъ въ русскомъ языкѣ и переходъ ихъ съ одной стороны въ *о* и *е*, которыя, конечно, впослѣдствіи могли подвергнуться вторичнымъ измѣненіямъ; съ другой стороны я отмѣтилъ ихъ выпаденіе, при коемъ *ъ* оставлялъ по себѣ мягкость; далѣе я также отмѣтилъ, что, какъ слѣдъ глухихъ, въ языкѣ сохранилась бѣглость ихъ замѣнителей. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать добавленіе, что въ языкѣ существуетъ также неорганичная, вторичная бѣглость: по образцу бѣглости звуковъ *о* и *е*, развившихся изъ глухихъ, сдѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглыми *о* и *е* исконныя. Такъ мы говоримъ роф, въ родит. рва, основная форма была **ровъ, рова**; говоримъ л̓от, л̓ду (л̓да), основная форма **ледъ, леда**; говоримъ ка́м̓ьн̓, род. ка́м̓н̓а, староцерковная же форма была **камы, камене**, а не **камне**; точно также—ко́р̓ьн̓, ко́р̓н̓а вм. **коря, корене**; къ имен. п̓е́п̓ьл мы образуемъ родит. п̓а́пла, основная же форма была **пепелъ, пепела**. Подобнымъ же образомъ замѣчается бѣглость въ нѣкоторыхъ словахъ, представляющихъ иную огласовку; такъ мы находимъ ее въ словѣ пъталóк, род. пъталка́, гдѣ бѣглое *о* составляетъ часть полногласія: толок есть другой видъ корня толк, равнаго староцерк. **тльк** (**тлькѫ-тлѣшти**—толку́, толóчь) и по староцерковному пъталóк было бы **потлакъ**. Въ двухъ словахъ мы видимъ бѣглость гласнаго, произошедшаго изъ **ѧ**, это слова заяцъ и колодезь, въ фонетической транскрипціи: за́йьт͡с, род. за́йт͡са, кало́д̓ьт͡с, род. кало́т͡тсса [1]), старо-церковныя формы **ꙁаѩць,-ѩца** и **кладѧѕь,-ѧѕа**. Первая изъ этихъ формъ сохранилась въ русскомъ правописаніи—въ начертаніи заяцъ; вторая—въ написаніи колодезь, гдѣ однако вмѣсто *я* ставятъ *е*.

Вторичную бѣглость гласныхъ мы можемъ видѣть и въ словахъ пришлыхъ, по крайней мѣрѣ, есть одно заимствованное слово, которое допускаетъ выпущеніе звука *е*, это—игуменъ, греч. ἡγούμενος: вмѣсто родит. игумена образуютъ также игумна.

---

[1]) Знакомъ т͡тсс я обозначаю усиленный видъ звука т͡с.

Въ случаяхъ неорганичной бѣглости мы нерѣдко въ народной рѣчи встрѣчаемъ формы органическія (самородныя). Такъ, въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ вмѣсто литературнаго р о в ъ, р в а существуетъ р о в, р о́ в а, вмѣсто і̀ о т, і̀ д у мы у Малоруссовъ находимъ і̀ и д, і̀ е́ д у или і̀ о́ д у. Подобнымъ же образомъ слово к а́ м̀ ь н̀, к а́ м̀ н̀ а мы видимъ въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ въ формѣ к а́ м̀ е н̀,-е н̀ а, и по-малорусски подобнымъ же образомъ—к а́ м̀ и н̀, род. к а́ м̀ е н̀ а. Слово п ъ т а л о́ к въ областной рѣчи тоже является съ постояннымъ *о*: въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ употребляется п о т о л о́ к, род. п о т о л о́ к а; это встрѣчается и въ извѣстномъ выраженіи: «руки въ бо́ки, глаза въ потоло́ки», гдѣ рифма спасла органическую форму.

Для нѣкоторыхъ изъ словъ съ подражательной бѣглостью легко указать частную причину ея появленія: въ словѣ п ъ т а л о́ к усмотрѣли суффиксъ *ок*, произшедшій изъ -ъкъ, и какъ говорятъ п а л о́ к-п а л к а́, с а д о́ к-с а т к а́, с а в о́ к-с а ф к а́, такъ стали говорить и п ъ т а л о́ к-п ъ т а л к а́. Очевидно также, что слово з а я ц ъ вмѣсто необычнаго окончанія я ц пріобрѣло ходячій суффиксъ ец, изъ первоначальнаго ьць, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣглость звука *е*. Правописаніе наше въ этомъ случаѣ поступаетъ весьма странно и непослѣдовательно: уже прот. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ» совершенно вѣрно замѣчаетъ, что разъ мы пишемъ въ родит. падежѣ й, то не слѣдовало бы писать въ именит. пад. я: надо бы писать или заяць, заяца или заецъ, зайца. И слово к а л о́ д̀ ь т с͡, представляетъ суффиксъ ец въ замѣну древняг суффикса -ѧsь, т.-е. пріобрѣло вмѣсто рѣдкаго окончанія болѣе обычное. Правописаніе однако не признаётъ этого измѣненія: оно упорно держится стариннаго окончанія, слегка исказивъ его въ е з ъ. Форма к о л о д *е ц* ъ,-*д ц* а рѣшительно господствуетъ въ живой рѣчи (слышится, правда, и к а л о́ д̀ ь с̀, к а л о́ д̀ ь з̀ а, но чуть ли ни подъ вліяніемъ письма [1]). Форму колодецъ можно указать даже въ литературѣ: употребляетъ ее Пушкинъ въ одной изъ своихъ поэмъ, рифмуя слово к о л о д *е ц* ъ на и н о х о д е ц ъ и х о р о в о д е ц ъ («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XIV). Также у

[1]) Впрочемъ, по устному сообщенію одного туляка, такое произношеніе въ Тульской губерніи народное.

Фета, въ стихотвореніи «Я люблю его жарко» встрѣчается выраженіе «Онъ бадья при колодцѣ пустынь». Напротивъ того въ одной народной пѣснѣ (Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа», книга III, Русскія народныя пѣсни, стр. 214) поется: «У коло́дезя, у студёнова». Вторичная бѣглость попадается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Та́къ, наши з а я ц ъ, з а й ц а и к а м е н ь, к а м н я повторяются въ языкѣ Словенскомъ: zajec, zajca; kamen, kamna.

Въ противуположность подражательной бѣглости, въ русскомъ языкѣ встрѣчается также п о д р а ж а т е л ь н а я п о с т о я н н о с т ь: мы видимъ иногда *о* и *е* тамъ, гдѣ прежде были ъ и ь, и гдѣ эти послѣдніе должны были онѣмѣть. Колосовъ изъ сѣверновеликорусской рѣчи приводитъ глаголъ м'естить вмѣсто м с т и т ь, прил. р о ж а н о й, вм. р ж а н о й, л е в ы вмѣсто л ь в ы. Весьма распространено въ народной рѣчи склоненіе р о т, р о́ т а вмѣсто р т а и т. д., напр. «в р о т у́» вмѣсто литературнаго «во р т у́». Уменшительныя же имена р о́ т и к и р о т о́ к даже по литературному представляютъ *о* (*а*) вмѣсто отсутствія гласнаго: органически было бы р т и к и р т о к (род. р о т к а́). Подобное же слово есть п у́ г о в и ц а, которое собственно должно бы звучать п у́ г в и ц а; основная форма его **пжгы, пжгъкє, пжгъквица**. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ областной рѣчи, въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ, въ Архангельской, Вологодской губерніяхъ, ожидаемую фонему п у́ г в и ц а. Очевидно, литературное п у́ г о в и ц а явилось подъ вліяніемъ уменьшительнаго п у́ г о в к а, гдѣ произошло органическое проясненіе: основное **пжгъкъка**. Еще отмѣтимъ постоянность звука *е* въ суффиксѣ ец, когда передъ нимъ стоитъ нѣсколько согласныхъ, напр. ч е р н е́ ц ъ, -е ц а́, м е р т в е́ ц ъ, -е ц а́. Эти слова въ малорусской рѣчи являются въ органической формѣ, облегченныя посредствомъ выпуска согласнаго, напримѣръ, т͡ш е р н е́ т͡с, т͡ш е р т͡с а́ или т͡ш е н т͡с а́; м е р т в е́ т͡с, м е р т͡с а́. Подобнымъ же образомъ Малороссы къ слову в о р н е́ т͡с (горшокъ) образуютъ род. в о р т͡с а́. У словъ на -ец мы имѣемъ еще нѣкоторую неправильность насчетъ проясненія глухихъ: иногда, повидимому, проясняется тотъ глухой, который долженъ былъ онѣмѣть, напр. при именит. ж н е ц ъ, основная форма—**жньць**, имѣется родит.

ж н е ц а, а должно бы быть ж е н ц а, что̀ и видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи: ж н̀ е́ т̀ с̀, ж е н̀ т̀ с̀ а́, также ш̀ в е́ т̀ с̀ (сапожникъ), род. ш е в т̀ с̀ а́, основная форма **шькьць**. Да и областная великорусская рѣчь знаетъ подобныя формы; такъ отмѣченъ выговоръ ж е н е́ ц, ж е н ц а́ — изъ этихъ формъ вторая самородная, а первая заимствовала свое *е* изъ косвенныхъ падежей (ж е н е́ ц вм. ж н е ц). Вообще, всѣ указанныя отступленія отъ правила бѣглости объясняются подражательнымъ измѣненіемъ. Наши родительные ж н е ц а́, ж р е ц а́ и т. д., очевидно, основаны на именительныхъ ж р е ц ъ, ж н е ц ъ и т. п. Какое-нибудь «в р о т у́» вмѣсто «в о р т у́», разумѣется, заимствовало свое *о* у именительно-винит. р о т; прилагательное р о ж а н о й взяло свое *о* у существительнаго р о ж ь; глаголъ м е с т и т ь заимствовалъ *е* у существительнаго м е с т ь (которое и само вторичнымъ образомъ провело *е* по всѣмъ падежамъ — род. долженъ бы быть м с т и); уменьшительное р о т и к исходитъ отъ именительно-винительнаго падежа рот; рото́к могло позаимствоваться у косвенныхъ падежей р о т к а́, р о т к у́ [1]). При этомъ подражательномъ измѣненіи имѣло значеніе неудобство нѣкоторыхъ согласныхъ группъ, напр. зачинныхъ созвучій р т, р ж, м с т, благопріятствовавшее примѣненію къ такимъ формамъ, которыя представляли вполнѣ удобныя созвучія р-о-т, р-о-ж, м-е-с-т.

Остановимся теперь на вопросѣ, давно ли въ русскомъ языкѣ утратились глухіе гласные. Между русскими учеными довольно прочно установился взглядъ, что въ старину въ русскомъ языкѣ с у щ е с т в о в а л и г л у х і е, что они только въ историческое время отчасти перешли въ чистые, отчасти онѣмѣли. Въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Буслаевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, Потебня, Колосовъ. *Срезневскій* въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» утверждаетъ, что утрата глухихъ поздняя. «Еще въ XIV столѣтіи соотвѣтствующія буквы употреблялись-де довольно правильно, хотя и въ XIII встрѣчаются явные слѣды уклоненія отъ нихъ народнаго выговора». Выраженіе это,

[1]) Точно также какъ р о т о́ к образовано и к а ш е л ё к вм. к а ш л ё к отъ к а́ ш е л ь-к а́ ш л я.

какъ часто бываетъ у Срезневскаго, нѣсколько неясно и неопредѣленно, но несомнѣнно, что онъ признавалъ въ русскомъ языкѣ существованіе глухихъ гласныхъ. Взглядъ его повторилъ Петръ Лавровскій въ «Изслѣдованіи о языкѣ сѣверно-великорусскихъ лѣтописей». *Потебня* склоненъ былъ предположить весьма продолжительное существованіе глухихъ. Такъ, онъ даже въ памятникахъ XVI вѣка, а именно южнорусскихъ, волынскихъ, усматриваетъ слѣды глухихъ, но это слѣды очень своеобразные. Слѣдъ глухого Потебня усмотрѣлъ, напримѣръ, въ написаніи чернѣгородцкій; здѣсь ѣ стоитъ на мѣстѣ исконнаго *о*, и это очевидно только архаизующее правописаніе. Еще мѣньшую цѣну имѣетъ другой случай — написаніе **гридоуню** вм. **гридьню**. (**Гридинъ**, **гридница**—производное отъ **гридь**, **гридинъ** слуга, придворный). Писецъ, произнося узкій глухой, похожій на *і, е*, пожалуй еще могъ написать, вмѣсто ь, и, є, или даже ѣ, но чтобы вмѣсто ь можно было употребить оу, это дѣло немыслимое. Впрочемъ, хотя Потебня готовъ вѣрить въ продолжительное сохраненіе внутреннихъ глухихъ, онъ полагаетъ, что конечные глухіе въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ потеряны ранѣе, уже въ XII в., или около того. Напротивъ того, въ сѣверновеликорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ новгородскомъ нарѣчіи, они де еще въ XII вѣкѣ продолжали существовать.

Очень рѣшительно насчетъ существованія въ старорусскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ высказался *Колосовъ*—по его словамъ гласность ъ и ь въ старинномъ русскомъ языкѣ есть прочно установленный научный фактъ.

Утвержденіе, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣкогда особые звуки ъ и ь, мы находимъ также у *Буслаева* въ его «Исторической грамматикѣ». Только онъ нѣсколько иначе представляетъ себѣ самые звуки. Онъ говоритъ, что русскій ъ былъ ничто иное, какъ ŏ, тогда какъ основное *о* было ō; русскій ь равнялся ĕ, а основное *е*—ē. Мнѣніе это основано на невѣрномъ положеніи, будто бы *о* и *е* происходятъ изъ двугласныхъ; извѣстно, что *о* и *е* образовались такимъ образомъ у древнихъ Индусовъ, но славянскіе о и є иного происхожденія и соотвѣтствуютъ греч. ο и ε. Кромѣ того мы, на основаніи славянскихъ языковъ знающихъ количество гласныхъ, можемъ напротивъ того думать, что, если въ общеславянской рѣчи

существовали долгота и краткость, то *о* и *е* были именно краткими. Какъ у Чеховъ, такъ и у Сербовъ *о* и *е* рѣдко бываютъ долгими, если же является долгота, то она явно вторичнаго происхожденія. Мы имѣемъ по-сербски напр., Б о̄ г, но родит. Б о̄ г а; по-чешски Bůh, старочешское Bóh, род. Boha. Подобнымъ же образомъ по-сербски — л е̄ д, но род. л е̏ д а, по-чешски мы видимъ инфинитивъ nésti, но настоящее къ нему nesu, а у Сербовъ нѐсти, нѐсēм съ ѐ. Слова Бо̄г, Bůh, ле̄д представляютъ продленіе въ закрытомъ слогѣ, и долгота здѣсь вторичная.

Утвержденіе, будто *о* и *е* въ славянскомъ восходятъ къ двугласнымъ, было повторено въ послѣднее время *Житецкимъ*, въ его «Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».

Въ противуположность русскимъ ученымъ *Миклошичъ*, къ которому примыкаютъ изъ русскихъ *Билярскій* [1]) и только что упомянутый *Житецкій*, склоненъ отрицать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Также *Соболевскій* (Лекціи, стр. 45, во 2 изд. 48) отрицаетъ существованіе глухихъ въ историческую пору, хотя (на мой взглядъ безъ надобности) предполагаетъ ихъ для болѣе ранняго времени. Впрочемъ, Миклошичъ дѣлаетъ оговорку, что доказать отсутствіе звуковъ ъ и ь въ Русскомъ языкѣ нелегко, вслѣдствіе того, что буквы ъ и ь въ значеніи гласныхъ несомнѣнно употреблялись въ старинномъ языкѣ, хотя употреблялись вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ. По моему, именно такъ и слѣдуетъ думать. Русскимъ писцамъ не трудно было отличать ъ и ь отъ о и є: они могли руководствоваться безсознательно (или даже сознательно), простымъ правиломъ, что посредствомъ ъ и ь изображаются *о* и *е* бѣглые. Исключеній изъ этого правила и въ настоящее время очень немного, а первоначально, вѣроятно, ихъ вовсе не было. Если бы намъ теперь вздумалось возстановить употребленіе ъ и ь въ качествѣ гласныхъ, то, конечно, мы могли бы написать черезъ *о* слово к р о в ь, потому что родит. будетъ к р о в и, хотя этимологія требуетъ написанія **кръвь, кръви**, но первоначально, какъ отмѣчено выше, говорили к р о в ь, к р в и. Подоб-

[1]) О средне-болгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. (Судьбы церковнаго языка I). Санктпетербургъ 1858. Стр. 14.

нымъ же образомъ мы слово честь, чести написали бы черезъ *е*, но въ старинномъ языкѣ родительный, конечно, былъ **ѵсти**. Также и **ь**, онѣмѣвшій, но оставившій по себѣ мягкость, правильно употреблять было не трудно; хотя въ настоящее время мягкость иногда утрачена, но въ старинномъ языкѣ она должна была существовать вездѣ. Теперь мы не догадаемся написать *ь* въ словѣ правда, но въ старину, навѣрное, говорили прав'да; родит. падежъ къ существ. конецъ мы не напишемъ съ *ь*, но первоначально было кон̓ц'а. Въ какомъ-нибудь прилагательномъ съ суффиксомъ **ьнъ**, въ родѣ честный, мы тоже не написали бы *ь*, но первоначально было **ѵьстьнъи** и оттуда т͡ше́стной. Важное значеніе для правильнаго употребленія **ъ** и **ь**, согласно со староцерковнымъ и праславянскимъ выговоромъ, конечно, имѣло также обученіе письму по староцерковнымъ рукописямъ. И такъ, полагаю, смѣло можно сказать, что въ старину на Руси могли употреблять **ъ** и **ь** на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ не существовало въ живой рѣчи. Иногда, впрочемъ, происходили и ошибки: писали о, гдѣ надо бы написать ъ, напр. сотьникъ, день. Встрѣчается, притомъ въ рукописи XI столѣтія, въ словахъ Григорія Богослова [1]), написаніе **поштєниѥ** вм. **поѵьтєниѥ** — очевидно здѣсь еря уже не было, и ѵ успѣло даже перейти въ **ш**. Въ этомъ же смыслѣ можно толковать одно слово въ Послѣсловіи къ Остромирову Евангелію: дьяконъ Григорій обращается къ тому, **иже горазнѣе сего напишє; горазнѣє**, вѣроятно, надо понимать какъ фонетическое написаніе вмѣсто **горазд̓ьнѣє**. Впрочемъ, можетъ быть, по ошибкѣ здѣсь выпущенъ цѣлый слогъ **дь**, хотя это невѣроятно при тщательности письма дьякона Григорія. Возможно и то̀, что указанное прилагат. имѣло болѣе простой суффиксъ **-нъ**, т. е. звучало не **горазд̓ьнъ**, а **горазнъ**. (**Д** передъ **н** должно было выпасть).

Насчетъ случаевъ замѣны буквы **ъ** черезъ **о**, буквы **ь** черезъ **є**, намъ говорятъ Потебня и Колосовъ, что это указываетъ только на близость между звуками **ъ** и **о**, **ь** и **є**; такъ же, понятно, толкуютъ они и обратные случаи. Я полагаю, что такое толкованіе

---

[1]) Изслѣдованіе и изданіе текста сдѣлано Ант. Сем. Будиловичемъ: «XIII словъ Григорія Богослова».

совершенно неосновательно: на письмѣ вовсе не смѣшиваются буквы сходнаго значенія, а смѣшиваются буквы одного произношенія; напр. звуки *ы* и *и* весьма близки другъ къ другу, но невозможно, чтобы великороссъ написалъ б и к ъ вмѣсто б ы к ъ: такъ можетъ написать малороссъ, у котораго эти звуки слились въ одинъ, или иностранецъ. Подобнымъ же образомъ, хотя ä и e представляютъ довольно тонкіе оттѣнки одного и того же звука, но ни одинъ французъ не напишетъ вмѣсто слова été представляющаго e, èt̀e съ ä; нѣмецъ не смѣшаетъ словъ Thür дверь и Thier звѣрь, за исключеніемъ тѣхъ нѣмцевъ, которые смѣшиваютъ соотвѣтственные звуки.

Каковы же, спрашивается, свидѣтельства, которыя будто бы доказываютъ существованіе глухихъ гласныхъ въ сѣверновеликорусской рѣчи XIII столѣтія внутри словъ и даже въ исходѣ? Такіе слѣды намъ указываетъ въ сѣверновеликорусскихъ грамотахъ XII—XIV вв. Изм. Ив. Срезневскій; въ приложеніи къ «Мыслямъ объ исторіи русскаго языка» онъ помѣстилъ нѣсколько памятниковъ такого рода. Такова «Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынскому монастырю»; три «договорныя грамоты Новгорода» XIII в.; «Новгородская купчая» половины XIV в. Особенно же богата свидѣтельствами въ этомъ смыслѣ «Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича [1]) съ Ригою и Готскимъ берегомъ» (т. е. съ островомъ Готландомъ), 1228—1229 гг. Грамота эта существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Срезневскій очень напираетъ на то, что грамоты представляютъ памятники чистонароднаго языка; но по моему здѣсь есть преувеличеніе: конечно, языкъ грамотъ долженъ быть гораздо народнѣе языка священныхъ книгъ или другихъ памятниковъ, переписанныхъ съ южнославянскихъ подлинниковъ, вслѣдствіе чего русскій элементъ проглядываетъ только въ видѣ описокъ; грамоты, конечно, должны быть народнѣе поученій или житій писанныхъ въ Россіи по южнославянскимъ образцамъ; онѣ должны быть народнѣй лѣтописи составленной монахомъ; но все-таки вполнѣ народный языкъ въ

[1]) Мстиславъ Давидовичъ—сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича, праправнукъ Владиміра Мономаха.

нихъ видѣть нельзя: необходимо думать, что въ старину всякій, какъ и теперь, старался писать по книжному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, всякій въ извѣстной степени и умѣлъ такъ писать, потому что при самомъ обученіи грамотѣ познакомился съ книжнымъ, церковнымъ языкомъ. Впрочемъ, если даже признать существованіе свѣтской чисто-русской письменности, правописаніе ея не могло быть русскимъ, а было основано на церковномъ правописаніи и было полуславянскимъ; вѣдь и до сихъ поръ наше правописаніе не есть чисто-русское. Какія же въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются доказательства гласности **ъ** и **ь**? А вотъ какія—выберу нѣсколько примѣровъ изъ грамоты Мстислава Давидовича (1228): **дълго**, гдѣ **о** стоитъ вмѣсто **ъ**—**дългъ**; **женъю** вм. **женою**, гдѣ **ъ** написанъ вм. **о**; **съромъ** вм. **сором**ъ, два раза **ъ** вм. **о**; **вѣдомъ**, какъ форма средняго рода, т. е. вмѣсто **вѣдомо**. Какъ смѣшивали **ъ** и **о**, такъ смѣшивали **ь**, **є** и **ѣ**; мы читаемъ, напр. **берьго** вм. **берегъ**, вмѣсто **боудетъ**—**боудѣте** (тутъ кромѣ того вмѣсто **є** стоитъ **ѣ**); подобнымъ же образомъ въ формѣ **Смольнѣскъ** является **ѣ** вмѣсто **ь**; такимъ же образомъ въ словѣ **дѣютѣ** **ѣ** написанъ вмѣсто **ь**—**дѣють**. Еще мы встрѣчаемъ написанія **мьсто**, **посль**, гдѣ **ь** замѣняетъ **ѣ**—**мѣсто**, **послѣ**. По моему, уже на основаніи высказанныхъ раньше общихъ соображеній, такое смѣшеніе не доказываетъ существованія глухихъ, а напротивъ ихъ совпаденіе въ большей или меньшей степени съ чистыми. Если писецъ могъ написать **є** и **ѣ** вмѣсто **ь**, то, значитъ, онъ произносилъ ихъ одинаково. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что писецъ данной грамоты видимо мудрилъ, хотѣлъ писать похитрѣе. Нѣкоторую искусственность въ правописаніи этого памятника признаётъ и Колосовъ, и признать ее необходимо уже потому, что другіе современные списки [1]) той же грамоты не представляютъ такой путаницы. Нѣсколько затруднять насъ можетъ то обстоятельство, что иногда въ этой грамотѣ является **о** тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ никакого звука, такъ мы имѣемъ написанія **берьго**, **дльго**, гдѣ буква **о** стоитъ на мѣстѣ онѣмѣвшаго **ъ**; но разъ писецъ отожествлялъ буквы **ъ** и **о**, то могъ написать и «нѣмой» **о**. Едва-ли въ этомъ случаѣ слѣдуетъ при-

[1]) Всѣхъ списковъ существуетъ 5, существовало даже 6, но одинъ изъ нихъ пропалъ.

бѣгать къ объясненію окончанія **о** изъ древнѣйшаго окончанія именительнаго падежа -os, д. б. утраченнаго еще въ праславянскомъ языкѣ.—При оцѣнкѣ старинпаго соотношенія между буквами ъ и о, ь и є, ѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что иногда встарину могло происходить проясненіе тамъ, гдѣ впослѣдствіи установилось отсутствіе гласнаго. Выше мы видѣли написаніе **коудѣте** вм. **коудеть**; весьма возможно, что такія формы дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому и конечные ъ и ь въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинакую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе **не ѣ̃ъ ли строите свою тварь** (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ **строите** намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе є вмѣсто ь, и мы вполнѣ можемъ допустить, что ь передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія ѣ или т объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ. Возьмемъ еще подобное выраженіе. Мы не разъ въ грамотахъ встрѣчаемъ формулу: **писець** (или **письць**) **кнажь псалъ**. (Первоначально, конечно, слово **кнажь** представляло ъ—**къпажь**, а **пьсалъ** имѣло ь). Въ этомъ выраженіи должно было произойти проясненіе конечныхъ глухихъ, примыкающихъ къ группѣ слѣдующихъ согласныхъ: вѣроятно когда-то произносили ***пнсеце кнпже псал**. Возможно также допустить, что формы ***пнсеце**, ***кнпже**, развившіяся передъ группами согласныхъ, иногда употреблялись и помимо этихъ группъ.

Я изъ грамоты 1228 г. привелъ только такіе случаи, гдѣ Срезневскій отмѣтилъ смѣшеніе ъ и о, ь и є или ѣ, другіе случаи (смѣшеніе ь и о, ъ и є), яко-бы тоже свидѣтельствующіе о существованіи глухихъ, для нашего вопроса никакого значенія не имѣютъ. Иногда въ этой грамотѣ вмѣсто ь встрѣчается о, напр. **о̃ндето** вм. **о̃ндеть**; эта форма стоитъ въ выраженіи **о̃ндето по кърымьнемь**. **О̃ндето** вм. **о̃ндеть** можно объяснять тѣмъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго произносилось твердое т вмѣсто мягкаго, и писецъ поставилъ о вмѣсто ъ. Что касается употребленіе ь въ

дат. над. **вѣрьмьнемь** вмѣсто **ъ**, то позволительно думать (если это не простая описка), что писецъ не умягчалъ конечныхъ губныхъ. Поясним этo примѣромъ изъ современнаго языка: кто произноситъ въ числит. с е м ь твердый *м*, но знаетъ, что пишется *мь*, тотъ, по этому образцу, можетъ наградить еремъ и сущ. ш л е м ъ. Иначе слѣдуетъ объяснять нѣкоторые случаи, гдѣ является **є** вмѣсто **ъ**. Во «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» мы читаемъ **вдалє Карламс** вм. **вдалъ Карламъ**. Форму **Карламє** можно признать звательнымъ падежомъ въ роли именительнаго, каковое употребленіе встрѣчается въ пѣсняхъ у Малороссовъ и Сербовъ и легко можетъ быть предположено для того періода Великорусской рѣчи, когда звательный сталъ замѣняться именительнымъ, но не былъ еще вовсе забытъ. Что же касается до «**вдалє**», то его естественно толковать, какъ **вдалъ іє**, **вдалъ ѥсть**, а тогда оно не только не свидѣтельствуетъ о гласности **ъ**, но свидѣтельствуетъ противъ нея, такъ какъ писецъ написалъ **вдал** безъ **ъ**. Какъ однако быть со свидѣтельствомъ малорусскаго нарѣчія, на которое особенно напираетъ Потебня? У Малороссовъ въ закрытыхъ слогахъ исконные **о** и **є** перешли въ *і*, замѣнители же глухихъ сохранились въ видѣ *о* и *е*; основное **попъ** звучитъ п і п, но основное **сънъ** будетъ с о н, а не с і н; **псъ**, староцерковное **пешть**, будетъ п і ч, но **дьнь** будетъ д е н ь, а не дінь. Разумѣется невозможно, чтобъ малорусская рѣчь произвела вторичное разграниченіе между **ъ** и **о**, **ь** и **є**, если бы эти звуки совпали въ общерусскомъ. Но всетаки нѣтъ надобности предполагать въ старорусскомъ существованіе глухихъ—надо только допустить, что, какъ слѣдъ этихъ звуковъ, существовала въ закрытыхъ слогахъ разница между древними **ъ** и **о**, **ь** и **є**. Эта разница, судя по языкамъ Чешскому и Сербскому, состояла въ долготѣ, и общерусскія формы были: п о̄ п, п е̄ т͡ш, но с о̆ н, д ӗ н̓. Возможно притомъ, что рано вмѣсто количественнаго различія явилось качественное, т. е. были оттѣнки звуковъ: исконное *о* могло быть ближе къ *у*, нежели вторичное; также исконное *е* могло быть ближе къ *і*, нежели замѣнитель ера. Мое мнѣніе о существованіи въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ о̄ и е̄ въ соотвѣтствіе основнымъ *о*, *е*, и о̆, ӗ въ соотвѣтствіе **ъ** и **ь**, напоминаетъ мнѣніе Буслаева, но далеко не совпадаетъ съ нимъ: по моему именит. по̄п долженъ былъ имѣть

при себѣ родит. пŏпа, сŏн—сна, пе̄т͡ш—пе̄т͡ши, дĕн—днĕ; по Буслаеву же выходитъ пōпŏ, родит. пōпа; сŏнŏ, род. сŏна; пēч, род. пēчи; дĕнĕ, родит. дĕнē.

Итакъ мы видимъ, что незачѣмъ приписывать старинному русскому языку особые звуки ъ и ь; однако въ одномъ случаѣ есть вѣроятность, что такіе звуки существовали—именно въ соединеніи съ р и л. Можно думать, что старинный языкъ имѣлъ фонему въ л к вм. позднѣйшаго в о л к, т ъ р г вм. позднѣйшаго т о р г, в̓ь р̓х вм. позднѣйшаго в̓е р̓х, ж̓ь л̓т вм. позднѣйшаго ж е л т и далѣе ж о л т. Дѣло въ томъ, что при согласныхъ р и л буквы ъ и ь употребляются съ особенной правильностью, причемъ замѣчается еще явная склонность, въ противуположность староцерковному письму, ставить ъ и ь передъ р и л, а не позади, т. е. писать вълкъ, вьрхъ и т. д. Такой порядокъ звуковъ признанъ настоящимъ русскимъ порядкомъ; въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Колосовъ и Потебня. Колосовъ, между прочимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что въ замѣнѣ о и є черезъ ъ и ь замѣчается нѣкоторая постепенность. Онъ отмѣчаетъ, что «Житіе Бориса и Глѣба», въ рукописи XII вѣка, правильно удерживаетъ ъ и ь въ разсматриваемыхъ случаяхъ, тогда какъ другой списокъ, XIV в., замѣняетъ ихъ по новорусскому способу черезъ о и є. Правда, можно допустить, что старинные писцы при употребленіи сочетаній ър, ъл, ьр, ьл руководствовались довольно простымъ правиломъ, что въ созвучіяхъ ор, ол, єр, єл слѣдуетъ передъ согласными буквами изображать *о* и *е* черезъ ъ и ь. (Постановка этихъ знаковъ впереди плавныхъ, конечно, представляла несомнѣнную уступку русскому выговору). Такимъ образомъ возможно, что написанія ър, ъл, ьр, ьл, не вполнѣ выражали произношеніе, но есть одно вѣское соображеніе въ пользу пониманія Колосова. Если (какъ я теперь дѣлаю) приписывать праславянскому языку слоговые r и l, то теперешній русскій выговоръ т о р г восходитъ къ древнѣйшему tr̥gъ, и въ качествѣ переходной ступени между tr̥gъ и т о р г приходится предполагать фонему съ настоящимъ ъ внутри—т ъ р г: неестественно думать, чтобы r̥ прямо развился въ ор. Это соображеніе говоритъ въ пользу того, что когда-то существовали въ русскомъ языкѣ сочетанія ър, ъл. Подобнымъ же образомъ, какъ твердый r̥ долженъ былъ развиться прежде все-

го въ созвучіе ър, такъ мягкій р̓, въ какомъ-нибудь словѣ vr̓hъ, долженъ былъ дать фонему съ ь — в ь р̓ х, а потомъ уже теперешнее в ѐ р̓ х. Изображеніе на письмѣ переходнаго выговора можно видѣть въ старорусскомъ написаніи **вьрьхъ** (рядомъ съ **вьрхъ**, **врьхъ**), гдѣ въ такомъ случаѣ второй ь есть «мягкій знакъ». Правда, такое написаніе можно толковать также, какъ сдѣлку между старорусскимъ и староцерковнымъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ь, и впереди, и позади плавнаго. Въ пользу второго толкованія говорятъ такія написанія какъ **търъгъ** вмѣсто **търгъ** или **тръгъ**, гдѣ второй ъ едвали можно считать «твердымъ знакомъ». Выводя *ер* въ такихъ словахъ, какъ в е р х ъ, изъ р̓, при посредствѣ созвучія ьр̓, мы можемъ понять, почему въ нихъ *р* мягкій. (Гротъ безо всякаго основанія утверждаетъ, что мягкость вызвана предшествующимъ *е*). Мягкость въ такихъ словахъ мы видимъ и въ языкѣ польскомъ, гдѣ слово в'ѐр̓х звучитъ wierzch съ г шепелявымъ, указывающимъ на основное р̓. Гдѣ русскій языкъ вмѣсто древняго р̓ представляетъ созвучія съ твердымъ р, тамъ надо видѣть позднѣйшее отвердѣніе; какое-нибудь прилагательное с̓ м̓ а̂ р т н ъ й замѣнило первоначальное с̓ м̓ е́ р̓ т н ъ й: т̓ уподобилось звуку *н*, р' уподобилось ставшему твердымъ звуку *т*, и узкое *е* передъ твердымъ *р* стало широкимъ. Отмѣтимъ, однако, что есть нѣкоторыя слова, гдѣ вмѣсто р̓ является слогъ ёр, котораго мы совсѣмъ бы не ожидали. Мы имѣемъ глаголъ м̓ о́ р з н у т̓ (староцерковная форма **мрьзнѫти**) — мы ожидали бы выговора м̓ а̂ р з н у т̓, который, правда, существуетъ, но только въ областной рѣчи. Также вмѣсто произношенія т̓ ш̂ о́ р н ъ й должно бы быть т̓ ш̂ а̂ р н ъ й. Впрочемъ соотвѣтственно этому мы и по-польски находимъ *marznąć*, *czarny*, какъ *targ*, т. е. съ замѣною р̓, равною р. Приходится думать, что здѣсь уподобленіе произошло еще до утраты слоговыхъ согласныхъ: р̓ перешолъ въ р твердый, который затѣмъ раздѣлилъ судьбу искони твердаго р.

Сторонники существованія въ старинномъ русскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ приводятъ нѣкоторые слѣды ихъ въ современномъ языкѣ; однако эти слѣды 1) всѣ являются въ соединеніи со звукомъ г, и 2) принадлежатъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы въ основномъ славянскомъ должны предполагать не р и l̥, а слоги ръ и

лъ, **рь** и **ль**. Это такія слова, въ которыхъ при *р* и *л*, въ соотвѣтствіе староцерковнымъ написаніямъ съ глухими **ъ** и **ь**, является въ новославянскихъ языкахъ прояснепіе или выпаденіе глухихъ на общемъ основаніи, причемъ гласный стоитъ позади плавнаго; значитъ, напримѣръ, слово к р о ф', основное **крькь**, п л о т̀—**плъть**, к р е с т—**крьсть**, п л е в а т̀—**плькати** [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ областная рѣчь представляетъ отсутствіе гласнаго, которой имѣется въ обыкновенной рѣчи; та́къ, у Карпатскихъ Малороссовъ являются фонемы—т р с т и́ п а, к р т и́ ц я (к р о т ъ), к р т о в и́ н а, к р с т и́ т и, вмѣсто чего также к с т и́ т и. Въ этихъ случаяхъ, кажется, *р* слога не составляетъ, но есть примѣры на *р* с л о г о в о й (или на *р*, предшествуемый глухимъ гласнымъ); у Галицкихъ малороссовъ мѣстами встрѣчаются фонемы въ родѣ: к ъ р в а́ в ы й, к ъ р т о в и́ н а. Видѣть въ такихъ словахъ остатокъ ̯г и ̯л намъ, конечно, не приходится: думать, чтобъ ̯г вторичнымъ образомъ между двухъ согласныхъ превратился въ неслоговый, нельзя; напротивъ, можно легко допустить, что согласный *р* между двухъ согласныхъ сдѣлался слоговымъ. Такимъ образомъ всѣ эти формы предполагаютъ выпаденіе ъ, послѣ котораго и *р* иногда подвергался выпаденію, какъ к с т и́ т и, а иногда становился слоговымъ. Это явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ. Староцерковному **ръжда**, русскому р ж а, представляющему выпаденіе ъ, по-сербски соотвѣтствуетъ р̀ђа. (Удареніе здѣсь оттянуто—первоначально было р ђ̏а; *р*, ставши слоговымъ, впослѣдствіи получилъ и удареніе).

Итакъ, западно-малорусскія слова, яко-бы представляющія слѣдъ слогового *р*, вовсе не представляютъ такого слѣда: онѣ восходятъ къ фонемамъ со слогомъ **ръ**. Нѣтъ притомъ надобности (какъ хотѣли нѣкоторые ученые) говорить о вліяніи на Карпатскихъ Малороссовъ ихъ сосѣдей, Словаковъ, въ языкѣ которыхъ существуетъ г.

Изъ согласнаго *р* и согласнаго *л*, замѣнившихъ древнѣйшіе слоги **ър** и **ьр**, при посредствѣ ̯г и ̯л слѣдуетъ выводить также слоги ir и il, представляющіе, повидимому, приставочное i. Такое i мы

---

[1]) См. мои «Грамматическія замѣтки»—«О слоговомъ р и л у Славян», стр. 92—94. (Въ 1 изд. 94—95=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196—197).

видимъ, напр., въ малорусскомъ іржáти вм. ржáти, ірвáти вм. рвáти, ільнý вм. льну, Ільвíв вм. Львовъ. Подобныя созвучія существуютъ также въ великорусской областной рѣчи, напр. иржá вм. ржа, ильгóта вм. льгóта, ильстéцъ вмѣсто льстецъ. Слѣдуетъ предполагать, какъ переходную ступень, формы съ р̥ и л̥, гласный элементъ которыхъ затѣмъ прояснился въ і. Это то же самое, что мы видѣли въ сербскомъ словѣ р̥ѣка: и наше іржáти по-сербски р̥зати, ірвáти—р̥вати [1]). Такое же объясненіе, какъ въ только что приведенныхъ словахъ, слѣдуетъ давать для звука і въ бѣлорусскихъ косвенникахъ слова кровь. Кровь побѣлорусски будетъ крóў, род. кр̥в'й. Я полагаю, что первоначальный родительный **кръвн** [2]), съ выпаденіемъ ъ, далъ прежде всего форму крви, т. е. ту же форму, какая доселѣ живетъ у Поляковъ (krwi); подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго *р* сдѣлался мягкимъ — кр̥в'й, потомъ онъ сталъ слоговымъ, и явился выговоръ кр̥в'й, подобнымъ же образомъ, какъ у Сербовъ кр̀ви, и наконецъ превратился въ слогъ *ри* — кр̥и̯в'й. Аналогія съ раньше приведенными случаями неполная: тамъ мы видѣли появленіе гласнаго элемента впереди плавнаго, тутъ онъ появляется позади его.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи въ русскомъ языкѣ *носовыхъ гласныхъ*.

Мы уже отмѣтили, что въ самыхъ раннихъ памятникахъ букву ѫ смѣшивали съ оу, а букву ѧ—съ ѫ и а. Правда, по словамъ Буслаева, русскій языкъ долженъ былъ имѣть нѣкогда юсы, потому что представляетъ чередованіе оу и ѫ съ носовыми согласными, какъ дуть—надменъ, племя—племени; однако это не доказываетъ существованія юсовъ въ русскомъ языкѣ, а только

---

[1]) Что касается несоотвѣтствія въ глаголѣ ржать-рзати звуковъ *ж* и *з*, то его должно объяснять отступленіемъ отъ старины языка русскаго: первоначальною формою надо считать ръzати, наст. ръжеши, глаголъ азово-ітовый, т. е. имѣющій въ инфинитивѣ примѣту а, въ настоящемъ j; русскій языкъ переиначилъ инфинитивъ примѣнительно къ настоящему.

[2]) Что древнѣйшее окончаніе было не ѫ, а є, для насъ теперь безразлично.

существованіе ихъ въ праславянскомъ. Незачѣмъ даже говорить вмѣстѣ со Срезневскимъ, будто *у* и *я*, замѣнившія юсы сохраняли способность превращаться въ *ен* и *ем*: тутъ чередованіе происходитъ лишь по преданію. Иные однако искали въ русскомъ языкѣ остатковъ носовыхъ гласныхъ. Возможность найти такіе остатки по моему надо отвергать уже теоретически: разъ существуетъ звуковой законъ превращенія ѫ въ оу, а ѧ въ ѣ, то всѣ юсы должны были подвергнуться этому измѣненію и изчезнуть. Буслаевъ указываетъ сохраненіе носового произношенія въ словѣ Венгры; но очевидно только по недосмотру, такъ какъ самъ въ другомъ мѣстѣ признаётъ, что это слово заимствовано съ польскаго Węgrzy, гдѣ ę—правильная замѣна ѫ; древняя органическая русская форма была Угре (теперешнее Угры представляетъ намѣренное возвращеніе къ старинѣ). А будто бы сохранился въ глаголѣ бренчáть, при которомъ стоитъ староцерк. форма брѧцати. Однако бренчать надо толковать иначе: въ немъ и звукъ *ч* не соотвѣтствуетъ староцерк. ц; бренчать, очевидно, въ староперк. было бы брьнькати, предполагающее какое-нибудь сущ. въ родѣ *брьнькь, которое съ брѧцати имѣетъ общій корень брьн. Еще усматриваютъ сохраненіе носового элемента въ малорусск. н̓а, которое является иногда вм. *'а* послѣ губныхъ. Существуетъ напр. малорус. выговоръ мн̓áсо вм. обыкновеннаго мjáсо изъ основного мясо; однако *н* въ этой формѣ нельзя считать остаткомъ пригнуски: вѣдь онъ не слѣдуетъ за гласнымъ элементомъ и не сопровождаетъ его, а предшествуетъ ему. Кромѣ того фонема мн̓áсо представляетъ правильную замѣну ѧ черезъ *'а*, а *н* въ ней самъ по себѣ. Надо думать, что въ такихъ созвучіяхъ развился прежде всего j, изъ м̓áсо вышло мjáсо, далѣе j, уподобившись предшествующему посовому согласному, перешелъ въ носовой же мягкій согласный—*н*. Такія же слова, какъ мн̓áсо, т. е. представляющія слогъ мн̓а вм. м̓а изъ древняго мѧ, суть: румня́ный, мня́кий, мня́та, по́ломня, і́мня (імня́), сі́мня, пле́мня. Мы такимъ образомъ видимъ, что слѣды носовыхъ гласныхъ, усматриваемые въ русскомъ языкѣ, суть мнимые. Однако въ пользу существованія юсовъ въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ можно, вслѣдъ за *Соболевскимъ*, сослаться на нѣкоторыя слова, заимствованныя у Германцемъ. Таково народное названіе Варяг (произ-

носимое въ старину, вѣроятно, съ ударенiемъ на начальномъ слогѣ). Основная герм. форма этого слова была varing; передача герм. in черезъ русское *'а* весьма странна, и для объясненiя ея удобно предположить, что первоначально Русскiе изъ in сдѣлали ѧ, который затѣмъ уже перешелъ въ *я*. Если это такъ, то надо приписать старѣйшему русскому языку носовые гласные. Но возможно, что слово в а р я г и ему подобныя заимствованы не прямо отъ Норманновъ, а при посредствѣ какихъ-нибудь Славянъ, знавшихъ носовые гласные. Можетъ быть также, что это слово взято у Византiйцевъ, гдѣ оно звучало βάραγγος; греч. га со среднимъ согласнымъ, Русскiе могли передать не только черезъ *ра* но и черезъ *ря*. Вмѣстѣ съ тѣмъ опущенiе носового элемента, который передъ согласнымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ не встрѣчался, вполнѣ понятно; это подобно просторѣчному выговору а́ г л и ц к i й вм. а́*н*г л i й с к i й. Такимъ образомъ замѣна герм. in по-рус. черезъ *я* говоритъ отчасти въ пользу существованiя въ русск. языкѣ ѧ. Но не имѣютъ никакой силы тѣ случаи, гдѣ по-русски является оу вм. сканд. un; слово **соудъ** заливъ, изъ герм. sund, конечно, можно объяснять просто опущенiемъ звука *п*. Такимъ образомъ, по-моему, мнѣнiя Соболевскаго, что въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ существовали юсы, нельзя принимать прямо и рѣшительно.

Обратимся теперь къ одному звуковому явленiю, которое помѣщается въ числѣ отличительныхъ примѣтъ русской рѣчи, такъ какъ имъ русскiй языкъ довольно рѣзко отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ. Это—появленiе з а ч и н н а г о *о* вм. инославянскаго *jе*, т. е. та особенность, какую представляютъ, напр., слово о л е́ н ь при староцерк. **ѥлень**, серб. j ѐ л е н, словен. jêlen (съ *е* широкимъ; широкiй выговоръ обозначается иногда циркумфлексомъ), по-чеш. jelen, по-поль. jeleń, также и по-лужиц. jeleń. Такимъ же образомъ слово о́ з е р о въ староцерк. формѣ будетъ **ѥзеро**, по-серб. jѐзеро, по-словен. jézero, по-болг. ézero [1]), по-чеш. jezero, по-поль. jezioro, по-верхнелуж. jězor, по нижнелуж. jazor (у Лужичанъ это слово муж. рода; кромѣ того у Нижнихъ Луж.

[1]) Произносятъ jезеро и эзеро. По-болг. вообще зачинное *е* колеблется между выговоромъ съ j и безъ j.

произошло вторичное расширеніе звука *е* въ *а*). То же явленіе представляетъ слово о́сень, староц. **ієсень**, серб. је̏сēн, по-словен. jesén, по-болг. е́сень, по-поль. jesień, по-словац. jesen. (Чехи, а также и Лужичане имѣютъ другое слово). Таково еще слово осётр, которое въ староц. формѣ будетъ **ієсетръ**, по-серб. јѐсетра (жен. рода). Къ отмѣченнымъ нами словамъ на рус. *о* при инослав. *je* можно прибавить еще нѣкоторыя: мы видимъ старинное **одва**, которое имѣетъ другой обычный видъ — едва. Надо полагать, что вторая форма—книжная, во всякомъ случаѣ въ областной рѣчи существуетъ одва́. Еще сюда относятъ старинный союзъ **оже** что, если, отожествляя его со среднимъ родомъ относительнаго мѣстоим. **иже—іеже** (ж. р. **иже**); но это **оже** можно, вслѣдъ за Соболевскимъ, въ его статьѣ посвященной разсматриваемому нами вопросу [1]), толковать иначе. Соболевскій сопоставляетъ **оже** съ другими старинными союзами: **оть** (при которомъ существуетъ равносильное ему **ать**) чтобы, **оли** даже и **ото**, **осе**, **оно** вотъ. Такимъ образомъ онъ усматриваетъ въ первой части союза **оже** особое мѣстоименіе *о*, которое входитъ въ составъ всѣхъ этихъ словъ, соединяясь съ другими мѣстоименіями; по этому толкованію **оже** и **іеже** сходны только во второй части, а первая часть различна.

Что-же, спрашивается, древнѣе, русское ли зачинное *о* или инославянское *je*?—На этотъ вопросъ ученые довольно согласно отвѣчаютъ, что *о* вторично. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» видитъ здѣсь «одинъ изъ случаевъ замѣны мягкихъ гласныхъ церковнославянскихъ твердыми». Срезневскій въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» говоритъ о «перемѣнѣ коренного є въ **о** въ началѣ словъ». Ни тотъ, ни другой, впрочемъ, подробно вопроса не разсматриваетъ; дольше на немъ останавливался Колосовъ. Колосовъ во введеніи къ своему «Очерку исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» [2]) высказывается въ такомъ смыслѣ, что инославянская огласовка древнѣе русской, что однако *j*,

---

[1]) Статья Соболевскаго напечатана въ Р. Ф. В., томъ VIII; озаглавлена она: «Русское начальное о=ц.-слав. **іе**».

[2]) Изложу здѣсь колосовскую теорію; возраженія же противъ нея приведу ниже, при изложеніи воззрѣній Ягича и Потебни.

вѣроятно, вторичный, а первоначально было просто *е*, изъ котораго можно-де выводить съ одной стороны *о*, а съ другой *je*. Доказательства въ пользу такого взгляда слѣдующія: 1) звукъ *е* является также у Литовцевъ: при рус. о л е́ н ь, староцерк. **ѥлень**, стоитъ лит. élnis; при о́ з е р о, **ѥзеро**—ẽžeras прудъ. (Этимъ примѣромъ замѣняю неудачный Колосовскій примѣръ, который намъ встрѣтится ниже); 2) всѣ остальные славян. языки согласуются со староц., а не съ рус.; 3) самъ рус. языкъ представляетъ свидѣтельство о вторичности звука *о* въ собственныхъ именахъ заимствованныхъ съ греч., какъ О л е н а изъ Ἑλένη, О в д о т ь я изъ Εὐδοκία. Примѣры мой — у Колосова приводится неудобный примѣръ **олѣи** вм. **ѥлень**, произошедшее-де изъ греч. ἔλαιον [1]). За бо́льшую древность звука *е* рѣшительно высказывается также Я г и ч ъ въ упомянутой уже раньше статьѣ о разширеніи узкихъ гласныхъ («О перегласовкѣ звуковъ е, ê, ę»). Ягичъ думаетъ, что основное jelenь могло дать сначала jolenь, а потомъ olenь съ утратой *j*. Конечно, это толкованіе весьма неудобно: 1) приходится допустить разширеніе *е* не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ, 2) приходится предположить утрату зачиннаго *j*—также явленіе необычное для рус. языка. Одно изъ затрудненій мы могли бы отчасти устранить, исходя отъ Колосовской безпризвучной формы elenь; но почему тогда произошло разширеніе, которое происходитъ передъ твердыми согласными *послѣ мягкихъ*? Позволительно ли предполагать, что зачинное *е* имѣло ту же судьбу, какъ *е* послѣ мягкихъ? Противъ этого говоритъ междометіе *э* (срв. стран. 12), но не особенно рѣшительно, т. к. оно, именно какъ междометіе, могло быть на особомъ положеніи. Да и построеніе безпризвучной формы elenь нѣсколько неудобно, потому что всѣ славян. языки единогласно указываютъ на *j* (только въ болг. языкѣ мы здѣсь, какъ отмѣчено выше, замѣчаемъ колебаніе). По поводу Колосовскаго «Очерка» разсматриваемый вопросъ былъ опять поднятъ

[1]) Слово это является въ такомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: въ староцерк. **олѣи** (хотя тамъ встрѣчается и **ѥлень**), въ словен., чеш., поль.—olej, у Нижнихъ Луж.—volej, у Верхнихъ Луж.—volij, по-серб. олај; поэтому естественно думать, что оно взято не съ греческаго, а съ латинскаго (oleum).

Потебнею въ «Замѣткахъ по исторической грамматикѣ русскаго языка» [1]). Потебня здѣсь высказывается въ пользу того, что ни *е* не происходитъ изъ *о*, ни наоборотъ, а что оба восходятъ къ одному древнѣйшему *а*. Лит. *е*, на которое ссылается Колосовъ, можно де признать вторичнымъ варьянтомъ *а*—лит. рѣчь рядомъ съ *е* представляетъ также и *а*: существуетъ колебаніе между erẽlis и arẽlis орелъ, между elkúnė и alkúnė локоть, между esmì и asmì. Примѣры эти не особенно удачны: они не представляютъ такихъ словъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ произносятъ arẽlis, alkúnė, asmì, могутъ произнести и *álnis вм. élnis. Насчетъ доказательности лит. словъ со звукомъ *е* для нашего вопроса Потебня, разумѣется, неправъ: если говорить, что какое-нибудь crẽlis есть вторичное лит. измѣненіе основного arẽlis, то этимъ предполагается, что въ славянолит. языкѣ не существовало еще звука *е*, а было, вмѣсто позднѣйшаго *о* и *е*, одно *а*. Больше,—Потебнѣ при его взглядѣ на занимающій насъ вопросъ даже праславянскому приходится приписать вмѣсто *о* и *е* одинъ звукъ *а*; между тѣмъ и по теоріи Гримма, Боппа и Шлейхера, хотя въ праязыкѣ было одно *а* вмѣсто «позднѣйшихъ» *а*, *е*, *о*, но существованіе звука *е* всетаки признавалось для общеславянскаго и уже для славяно-литовскаго. Поэтому выговоръ arẽlis, alkúnė, asmì слѣдуетъ считать вторичнымъ: *е* въ областной рѣчи перешло въ *а*. Кромѣ того эти слова, кажется, представляютъ неточность правописанія: въ нихъ чуть-ли не слышится всетаки *е*, только весьма широкое, близкое къ *а*. Надо такимъ образомъ признать, что литовское *е* говоритъ-таки въ пользу древности инославянской огласовки и противъ русской. Кромѣ того этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ языкахъ. Такъ можно сослаться на греч. ἔλαφος, равное основному el̥bhos, которое первыми тремя звуками совпадаетъ съ лит. élnis; при ἔλαφος по-греч. мы имѣемъ еще ἐλλός (изъ *ἔλνός) молодой олень; также старонѣм. elah лось своимъ первымъ слогомъ совпадаетъ съ греч. и лит. фор-

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. въ 1873—74 г.; въ 75-мъ г. онѣ вновь появились въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ въ Фил. Зап., а также отдѣльнымъ оттискомъ. Онѣ составляютъ первую часть сборника статей «Къ исторіи звуковъ русскаго языка»).

мой и говоритъ въ пользу *е*. Подобнымъ же образомъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ германскихъ языкахъ слово **ѣльха**, рус. ольха: нынѣшнее нѣмецкое названіе Eller, въ старонѣм. было elira, для котораго можно построить основную форму elisā, совпадающую съ основной формой для слав. **ѣльха**. Теорія Потебни возобновлена Миклошичемъ. Миклошичъ во второмъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», въ 1879-мъ г., также возводитъ русское *о* и инославян. *je* къ одному древнѣйшему *a*. И еще позднѣе, въ 82-мъ г., Соболевскій въ упомянутой выше статьѣ выставляетъ тоже ученіе. Однако, если Потебнѣ въ 74-мъ г. (при господствѣ старой теоріи праязычнаго вокализма) было позволительно дѣлать подобное предположеніе, то Миклошичъ и Соболевскій, повторяя его, поступили весьма странно и неосновательно.—Потебня кромѣ уже указаннаго дѣлаетъ также другое возраженіе Колосову. Онъ указываетъ на существованіе начальнаго *о* вм. *je* у другихъ Славянъ. Такъ, у Словенцевъ есть слово omela (рус. омёла), въ словацкомъ нарѣчіи чеш. языка—omelie (сущ. собирательное), тогда какъ поль. языкъ представляетъ jemiel или, съ окончаніемъ сходнымъ съ рус. и словен.,—jemioła; въ чеш.—jemela, у Верхнихъ Лужичанъ—jemelina, у Нижнихъ Луж.—также jemelina или hemelina. Слово это мы находимъ также со звукомъ i: въ староц. отмѣчена форма **имѣла**, въ болг. является имéла, въ серб. — имела (или мѐла, съ безгласнымъ корнемъ), въ чеш. имѣется собирательное сущ. jmělí, которое, возведенное къ старослав. звукамъ, будетъ **имѣлиѥ**. Формы въ родѣ сербскихъ видимо объясняются сближеніемъ этого слова съ глаголами имати (хватать, ловить) и мести. Далѣе Потебня указываетъ на существ. ольха. *Е* въ этомъ словѣ представляютъ только южнослав. языки, причомъ одинъ изъ нихъ колеблется между *е* и *о*: мы видимъ болг. елхá, серб. јóха [1]), а по-словенски jelša, olša и jolša. (Jolša естественно считать плодомъ сдѣлки между первыми двумя форма-

[1]) У Сербовъ мы видимъ *о*, но это *о* не слѣдуетъ отожествлять съ рус. *о*: јóха есть стяженная форма: јелхà дало ближайшимъ образомъ јелхà; *л* по серб. фонетикѣ, имѣя передъ собой гласный и не имѣя его за собой, превращается въ *о*, такъ что изъ јелхѣ̀ вышло јеохѣ̀, затѣмъ съ переносомъ ударенія—јеòха, и наконецъ со стяженіемъ—јóха.

ми). Нѣчто похожее на jolša знаетъ и рус. областная рѣчь: какъ владим. и вят. отмѣчено j о л х а вм. о л ь х а, какъ нижегород. отмѣчено j е л ó х а; эти рус. формы, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего объяснять сближеніемъ со словомъ j ó л к а. Сѣверозап. славяне въ словѣ о л ь х а имѣютъ *о*, какъ Русскіе: Поляки говорятъ olcha и olsza; остальные сѣверозап. славяне употребляютъ съ обыкновенными измѣненіями вторую изъ этихъ формъ: у Чеховъ—olše, у Лужичанъ—volša, въ языкѣ вымершихъ Полабскихъ славянъ—vülsa. Подобное же слово, какъ о л ь х а и о м ё л а, есть словенская множи́нница olita кишки; при немъ стоитъ серб. jѐлито; это слово существуетъ также у Нижнихъ Лужич.—jelito сычугъ (одинъ изъ желудковъ жвачныхъ). Еще Потебня указываетъ на словен. odvaj едва. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ появленіе звука *о* у западныхъ Славянъ мнѣ казалось бы возможнымъ объяснить сближеніемъ начальнаго слога съ предлогомъ *о*,—замѣною не имѣющаго никакого значенія *е* знаменательнымъ *о*: какое-ниб. *edvaj легко было переиначить въ odvaj, усмотрѣвъ въ первой части предлогъ, а во второй числительное; *elita могло разложиться въ народномъ сознаніи на *е*, корень li и суффиксъ ta, послѣ чего *е* могли замѣнить предлогомъ *о*. Какое-ниб. словен. olša, кажется, можно сопоставить съ сущ. lišej лишай, такъ что о л ь х а въ такомъ случаѣ стала бы пониматься, какъ покрытая лишаями. Позволительно такимъ же образомъ объяснять и рус. *о* на мѣстѣ инославян. *е*: можетъ быть, въ какомъ-ниб. словѣ е л е н ь въ первомъ слогѣ усмотрѣли предлогъ и возстановили его въ видѣ *о*. Въ пользу такого нефонетическаго объясненія говоритъ то обстоятельство, что рус. языкъ въ иныхъ словахъ знаетъ зачинное сочетаніе je, въ чистомъ видѣ, или со вторичнымъ измѣненіемъ. Вѣдь существуютъ же слова j е л̓, j ó л к а, j о ш, j и ш̓т̓ш̓ó, косвенные падежи къ мѣстоименью он, она: j и м ý, j и й ó, j é й у, не переходя въ о л̓, ó л к а и т. д. Одно изъ этихъ словъ впрочемъ встарину, какъ будто, подвергалось такому измѣненію: слово ё ж ъ въ спискѣ Даніила Заточника, XV ст., является въ начертаніи **ѡжъ** (Колосовъ приводитъ его въ примѣръ на рус. *о* при инослав. и литов. *е*—**ѥжь** и ežỹs); но мы, вслѣдъ за Потебней, лучше будемъ толковать это **ѡжъ**, какъ попытку изобразить созвучіе jo: писецъ, не желая писать *е* вм. *о*, вѣрно изобразилъ гласный элементъ,

пренебрегши согласнымъ [1]). Относительно словъ ель, ёлка и т. д. я могъ бы сказать, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть предлога, и оттого они остались непереиначенными. Впрочемъ надо признаться, что одно изъ этихъ словъ легко могло бы примѣниться къ предлогу—это нарѣчіе ещё, которое могло быть понято, какъ о что; и дѣйствительно существуетъ областная (олонецкая) форма ощё. Но съ другой стороны, кажется, можно допустить, что нарѣчіе ещё чувствовалось въ связи съ глагольною формою есть, и что такая связь могла сохранить его отъ переиначенья.

Противъ третьяго довода Колосова въ пользу первенства звука *е* Потебня не выставилъ возраженій, но противъ этого пункта споритъ Соболевскій, въ упомянутой статьѣ. Соболевскій хочетъ выдѣлить изъ числа занимающихъ насъ случаевъ слова пришлыя. Онъ указываетъ нѣкоторые примѣры появленія начальнаго *о* вмѣсто *е* въ памятникахъ болгарской редакціи. Таково слово **оѳоплѣнинъ** (Эѳіопъ—Αἰθίοψ) и собственное имя **Орьмини** (описка вм. **Орьмиони**), греч. Ἑρμιόνη. Вмѣстѣ съ тѣмъ [2]) Соболевскій ссылается на мѣстный греческій выговоръ, представляющій *о* вм. начальнаго *е*: существуютъ областныя греч. формы охтро́с и о́рвон вм. ἐχθρός и ἔργον. Однако весьма сомнительно, вправѣ ли мы приводить русскія измѣненія такихъ именъ, какъ Олена, и единичные болгарскіе случаи въ связь съ греч. областнымъ явленіемъ. Еслибы Соболевскій указалъ намъ греческія имена Олени, Овдокіа, тогда, конечно, надо бы принять его взглядъ, но ихъ не встрѣчается. Въ отдѣльныхъ болгар. случаяхъ можно видѣть или описки, или руссизмы, или такое же осмысленье начальнаго *е* въ предлогъ, какое я предположилъ раньше. Впрочемъ насчетъ того, что собственныя имена, въ родѣ Олёна, слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, чуть ли не должно согласиться съ Соболевскимъ. Замѣна зачиннаго *е* или *je* черезъ *о* произошла еще въ доисторическое время, и врядъ ли Русскіе, заимствуя такія имена въ IX—X ст., могли передѣлать ихъ фонетически. Приходится кажет-

---

[1]) Впрочемъ въ пользу существованія, рядомъ съ фонемою ёж, разновидности ож можно сослаться на малорусское ожи́на ежевика.

[2]) Въ той же статьѣ и въ дополнительной замѣткѣ «Къ вопросу о русск. начальномъ *о*=ц.-слав. ѥ.» Р. Ф. В., т. XIII, стр. 140—141.

ся допустить, что выговоръ Олена возникъ по образцу колебанія между формами книжными и народными: употребляя простор҃чное олень при книжномъ јелень, можно было и вмѣсто собственнаго имени **Ꙗлена** произнести на русскій ладъ Олена.

Высказавъ, по поводу возраженій сдѣланныхъ Потебнею Колосову, что начальное *о* при инославянскомъ *je* могло появиться путемъ осмысленія, считаю нужнымъ оговорить, что такое объясненіе удобно далеко не во всѣхъ словахъ, и что едвали не слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять объясненіе Потебни, Миклошича и Соболевскаго, а именно признать, что *е* и *о* одинаково древни. Конечно, мы не станемъ ихъ возводить къ одному *a*, развившемуся на славянской почвѣ безо всякой причины то въ *е*, то въ *о*, а должны будемъ предположить, что здѣсь сохранилось весьма древнее (праязычное) колебаніе—подобное же колебаніе, какое представляетъ глагольная форма **керж** при сущ. **нꙋ-коръ**, греч. φέρω и φόρος, лат. tĕgo и tŏga. На существованіе подобнаго колебанія повидимому указываетъ сущ. **лан҃н** оленица, стоящее рядомъ съ **ꙗлень**. Такъ какъ при слав. словѣ **лакъть**, стоитъ лит. alkúnė, при слав. **лакати** (имѣющемъ, впрочемъ, побочную форму **алъкати**)—álkti, то и **лан҃н**, возведенное къ основнымъ звукамъ, будетъ olnī. Образованіе это такое же, какъ санскр. vr̥kī́ волчица, при vŕ̥kas волкъ. Основѣ **ꙗлен** въ словѣ **лан҃н** противуполагается, значитъ, oln. Колебаніе въ основѣ слѣдуетъ предположить и для самаго слова **ꙗлень**; оно ужъ и было предположено Лескинымъ, въ статьѣ, помѣщенной въ III т. Архива Славянской филологіи—«Слѣды разноступеннаго склоненія въ славянскомъ и въ литовскомъ: Spuren der stammabstufenden Declination im slavischen und litauischen». Отъ слова **ꙗлень** встрѣчаются нѣкоторыя формы, указывающія на согласную основу; мы имѣемъ, напр., род. **ꙗлене**; въ виду этого можно думать, что основа кончалась первоначально на **н**, и что имен. пад. былъ ***ꙗлы**, какъ **камы**. Корень тутъ, значитъ, **ꙗл-** и суффиксъ **-ен-**, но суффиксъ **-ен-**, какъ видно изъ языка греч. и санскр., есть суффиксъ разновидный, т. е. онъ принимаетъ разный видъ, смотря по падежамъ, по-греч. мы имѣемъ напр. слово λιμήν, въ имен. η, въ род. ε—λιμένος, производное же сущ. λίμνη представляетъ одинъ только ν. Подобнымъ же образомъ санскр. основа rā́džan царь образуетъ имен. rā́džā, вин. rā́džānam,

зват. rā́džan, род. rā́džn̓as (вм. an здѣсь просто n, мягкій, въ примѣненіи къ предшествующему dž). Подобное же колебаніе огласовки встрѣчается и въ другихъ суффиксахъ; такъ, извѣстно колебаніе между ēr, ĕr, и r, какое мы имѣемъ въ греч. πατήρ, πατέρα, πατρός и въ санскр. формахъ pitā́, вин. pitáram, дат. pitré. Такія колебанія слѣдуетъ предположить уже въ праязыкѣ, т. е. праязыку слѣдуетъ приписать у нѣкоторыхъ словъ оттѣненіе или разноступенность основы (по-нѣм. Stammabstufung). Итакъ слово **ѥлень** представляетъ основу на другой ступени, чѣмъ литов. élnis: основа слав. **ѥлень** такая же, какъ въ санскр. зват. rā́džan, а въ лит. élnis такая, какъ въ род. rā́džn̓as. Славянолитовское склоненіе слова **ѥлень** было élō, род. elnós, им. мн. elénes; послѣ Литовцы по всѣмъ падежамъ провели слабую основу eln, Славяне же—сильную elen. Разноступенность намъ приходится предполагать не только въ такихъ случаяхъ, когда имѣется настоящая тема, но и въ такихъ, гдѣ корень служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ темой—она, значитъ, можетъ состоять и въ различной огласовкѣ корня: такое колебаніе было свойственно основной формѣ лат. pēs, pĕdis и греч. ποῦς, ποδός (при πεζός); очевидно въ праязыкѣ было въ однихъ падежахъ *e*, въ другихъ *o* (примѣрно: *pōs, pedós, pódm); Римляне провели по всѣмъ падежамъ *e*, а Греки—*o*. Такое же колебаніе м. б. позволительно предположить и для слова **ѥлень**, которое тогда содержало не только измѣнчивую наставку, но и измѣнчивый корень, и представляло формы olō, elnos, olenes или elenes, подравненіе которыхъ въ разныхъ направленіяхъ породило и русское олень, и инослав. јелень. У нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ словъ, дѣйствительно можно указать въ родственныхъ языкахъ широкую огласовку корня. Таково слово осень, **ѥсень**, которое существуетъ въ готскомъ языкѣ въ значеніи жатвы и звучитъ asans, род. asanais (т. е. это основа на i=слав. ь); также въ старопрусскомъ мы находимъ assanis осень. Опять мы, значитъ, можемъ построить древнѣйшее склоненіе **осы, есне**, им. мн. **ѥсене** или **осене**. Также и лат. alnus, можетъ быть, позволительно выводить изъ древняго *olnos, въ какомъ случаѣ оно представляетъ въ видѣ ol тотъ же корень, который по-слав. колеблется между *о* и *е* (ольха и **ѥльха**), а въ нѣм. Eller (elira) имѣетъ e. Къ только что изложенному объясненію зачиннаго *о* вм. *je* пришелъ и Богородицкій,

который впрочемъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ. Мнѣ удалось привести вамъ нѣкоторые доводы, но я всетаки не настаиваю рѣшительно на этомъ объясненіи. Можетъ быть, лучше всего сохранить рядомъ съ нимъ и другое, предложенное мною ранѣе, т. е. въ однихъ словахъ выводитъ нашу двойственность изъ праязычнаго колебанія, въ другихъ объяснять ее переиначеніемъ.

Перейдемъ теперь къ звуковому явленію, особенно характерному для русскаго языка, помѣщаемому съ полнымъ правомъ въ число отличительныхъ примѣтъ его—къ *полногласію*. Полногласіе есть терминъ, пущенный въ оборотъ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, въ 30-хъ гг. Это названіе основано на невѣрномъ пониманіи самаго явленія: Максимовичъ усматривалъ въ русскомъ языкѣ сравнительно съ другими славянскими языками особенное обиліе гласныхъ, такъ что у него подъ понятіе полногласія подходили и такія слова, какъ волк при чеш. vlk. Въ этомъ смыслѣ онъ видѣлъ полногласіе и въ санскритскомъ языкѣ. Но отказываться отъ термина «полногласіе» незачѣмъ, потому что онъ успѣлъ получить условное, точное значеніе. Передавая своими словами формулировку, данную уже Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, я опредѣляю полногласіе слѣдующимъ образомъ: полногласіе есть своеобразная огласовка плавно-чистыхъ созвучій—появленіе двухъ *о* или двухъ *е* по сторонамъ плавнаго (*р* или *л*), который въ другихъ славян. языкахъ слѣдуетъ за согласнымъ и имѣетъ за собой звуки *а* или *ъ*, либо *о* или *е*. То, что въ другихъ славян. языкахъ рус. полногласію соотвѣтствуетъ сочетаніе плавнаго съ *а* или *ъ*, слѣдуетъ понимать не буквально: звука *ъ* ни въ одномъ славян. языкѣ, кромѣ староцерк. и праслав., не существуетъ, а существуетъ лишь его отраженіе въ томъ или другомъ видѣ, такъ что новославян. языки, представляющіе *ъ* вм. двухъ русскихъ *е*, имѣютъ собственно не *ъ*, а его замѣну. Наконечная огласовка плавно-чистыхъ созвучій, притомъ съ *а* и съ *ѣ*, свойственна, какъ извѣстно, языку старославянскому, кромѣ того мы ее видимъ въ языкахъ южнославян. — въ болгарскомъ сербскомъ и словенскомъ, и въ одномъ сѣверозападномъ языкѣ—въ чешскомъ. Такимъ образомъ вмѣсто рус. борода́ является староцерк. брада, болг. брада́, серб. бра́да, словен. bráda, чеш. brada. Русскому голова́ соотвѣтствуетъ староцерк. глава,

болг. г л а в á, серб. г л á в а, словен. gláva, чеш. hlava. Русской формѣ м е р ё ж а (сѣть) соотвѣтствуетъ староцерк. мрѣжа, болг. м р é ж а, серб. м р ѐ ж а, словен. mréža, чеш. mříže. Этотъ примѣръ впрочемъ представляетъ то неудобство, что въ болг. и серб. языкахъ является такое измѣненіе *ѣ*, въ которомъ его нельзя отличить отъ *е*. Въ дополненіе возьмемъ еще рус. б é р е г, староцерк. брѣгъ, болг. б р ѣ г ъ (выговар. б р я к), серб. б р ѐ ј е г, словен. brég. (Чеш. břeh могло бы произойти также изъ б р е г ъ). Языки польскій и лужицкій въ обоихъ своихъ нарѣчіяхъ представляютъ *o* вмѣсто староцерк. *л*. Мы вм. брада имѣемъ broda, вм. глава—głowa—такъ по-поль. и по-нижнелужиц., по-верхнелуж. будетъ разница въ согласныхъ—hłowa (произносится ǔóva). Вмѣсто ѣ польскій языкъ представляетъ *е*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, можно бы усмотрѣть и ѣ, но въ другихъ совершенно ясно, что основной звукъ для польскаго языка есть *е*. Если мы возьмемъ слово brzeg, то не видно, что̀ лежитъ въ основаніи, но въ соотвѣтствіе русскому б е р ё з а мы находимъ поль. brzoza, гдѣ очевидно имѣется основное *е*, потому что изъ ѣ вышло бы *а*—*brzaza. (Передъ t, d, n, s, z, ł и г є и ѣ подверглись разширенію—первый въ *о*, второй—въ *а*). У Лужичанъ повидимому замѣчается колебаніе: иныя слова указываютъ на є, другіе на ѣ: брѣгъ по-верхнелуж. будетъ brjóh, по-нижнелуж.—brjog (jo указываетъ на *е*); съ другой стороны мы имѣемъ верхнелуж. bŕěza (ě этимологически есть ѣ; произносится въ родѣ i) [1]), въ нижнелуж. находимъ bŕaza: это bŕaza, скорѣе предполагаетъ є, нежели ѣ [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда славянскіе языки представляютъ колебаніе между двойной (полногласной) и двумя видами наконечной огласовки, родственные языки полагаютъ гласный в п е р е д и п л а в н а г о: въ нихъ, позволю себѣ такъ выразиться, является огласовка *срединная*. Такъ одинъ изъ нашихъ примѣровъ—слово г о л о в á существуетъ у ближайшихъ родичей Славянъ, у Литов-

---

[1]) Это е у Верхнихъ лужичанъ (по наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова: Archiv für slavische Philologie, IV, 576) является тамъ, гдѣ у Чеховъ д о л г о т а. Срв. ниже, стр. 72.

[2]) Впрочемъ считаютъ возможнымъ возводить луж. ě также къ основному *е*, чѣмъ устраняются указанія на основной ѣ.

цевъ: по-лит. — galvà; въ лит. же языкѣ мы находимъ и слово б е р ё з а въ видѣ bérźas (слово это по-лит. муж. рода). Въ лит. языкѣ имѣется и слово г о́ р о д — garˇdas (значитъ овчарня); это же слово существуетъ въ языкѣ готскомъ, гдѣ звучитъ gards (домъ) [1]).

Противополагая обыкновенно въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ конечной огласовкѣ старославянскаго языка свое полногласіе, русскій языкъ однако въ иныхъ случаяхъ и самъ представляетъ конечную огласовку. Мы говоримъ напр. б р а т, с л а б, какъ въ старослав., а не б о р о т, с о л о б, какъ можно бы ожидать. Въ такихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки между собой согласны. Что у южныхъ Славянъ и у Чеховъ является *а*, разумѣется само собой, но мы находимъ *а* и у Поляковъ и у Лужичанъ: brat, и не brot; słaby, а не słoby. Сверхъ того и родственные языки сходятся со славянскими въ постановкѣ гласнаго: онъ и тамъ стоитъ позади плавнаго. Вспомнимъ извѣстныя параллели къ слову **братъ, братръ**: frater, φράτωρ, готское brothar, литовское brólis, санскритское bhrátar. Слово **слакъ** сродни нѣм. schlaff вялый, безсильный и глаголу schlafen спать, готская форма—slēpan.

Полногласіе есть черта общерусская, одинаково свойственная всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, только въ литературномъ языкѣ она значительно ограничена книжнымъ вліяніемъ; впрочемъ и на народную, особенно на пѣсенную рѣчь приходится допустить книжное вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ полногласіе есть явленіе древнее, исконно-русское—уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности мы находимъ слѣды его. Въ послѣсловіи къ Остромирову Евангелію дьяконъ Григорій упоминаетъ о князѣ **Володимирѣ** и о **Новѣгородѣ**; въ календарѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: **нцн ꙁади перегънжкъ листа дъка.** (Въ томъ же словѣ, гдѣ написанъ ъ на

---

[1]) Основное значеніе, очевидно, самое общее: «нѣчто огороженное»— вѣдь г о р о д ъ первоначально былъ «укрѣпленное мѣсто», «крѣпость», поэтому вполнѣ понятно и то́, что это слово у другихъ Славянъ имѣетъ значеніе за́мка: поль. gród, чеш. hrad значатъ за́мокъ, такъ же и словен. grad; серб. гра̑д, хотя получаетъ иногда значеніе города, но обыкновенно значитъ за́мокъ; съ Русскими насчотъ значенія этого слова вполнѣ сходятся только Болгары.

своемъ мѣстѣ, гдѣ употребленъ правильно ѫ, онъ написалъ **пере-** вмѣсто староцерк. **прѣ-**!).

Въ случаѣ разногласія русскаго языка со староцерковнымъ мы всегда будемъ склонны предполагать отступленіе со стороны Русскихъ. Въ такомъ смыслѣ и понималъ полногласіе Добровскій, который въ своихъ «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» выводитъ оро и ро изъ **ра**, не вдаваясь, впрочемъ, въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе вопроса. Объясненіе русскаго полногласія предложено имъ, хотя также безъ подробной мотивировки, въ другомъ трудѣ, въ «Наброскѣ славянскаго корнеслова» (Entwurf zu einem Etymologikon der slavischen Sprachen). Въ этой книгѣ Добровскій утверждаетъ (приведу его слова въ точномъ переводѣ), что «русское смягченіе вовсе нежосткихъ созвучій, въ родѣ **прѣ-** въ **пере-**, указываетъ на смѣшеніе ихъ съ Финнами». Значитъ, Добровскій объясняетъ тутъ полногласіе вліяніемъ Финскаго племени. Конечно, легко допустить, что русская рѣчь могла подвергнуться финскому вліянію; однако же Финны могли бы навязать русскимъ славянамъ только то, что было у нихъ самихъ. Финскіе языки, также и тюркскіе, никогда не представляютъ двухъ зачинныхъ согласныхъ. Соотвѣтственно этому у нихъ измѣняются слова пришлыя; такъ, въ финскій языкъ вошло шведское слово klockare звонарь, пономарь (отъ klocka, равнаго нѣмец. Glocke колоколъ), причемъ стало прозноситься lukkari. Подобнымъ же образомъ Финны заимствовали слово крест и сдѣлали изъ него risti. Впрочемъ у Мадьяръ въ заимствованныхъ словахъ встрѣчаемъ вставочные гласные: такъ слово **крьстъ** звучитъ kereszt, изъ **блѫдъ** сдѣлали bolond. На основаніи мадьярскихъ формъ, которыя м. б., имѣлъ въ виду и Добровскій, можно бы объяснить полногласіе финскимъ вліяніемъ; но въ такомъ случаѣ русскій языкъ вообще не долженъ бы представлять двухъ согласныхъ въ началѣ словъ: зачѣмъ изъ **братъ** не сдѣлано борот, изъ **слѣзьнь**—солобой? Зачѣмъ вообще, и помимо плавныхъ созвучій, не устранены зачинныя группы согласныхъ: отчего напр. сохранились глаголы стоять, гнать, не обратившись въ тоять, нать или въ сотоять, гонать? Очевидно, объясненіе Добровскаго надо признать неудовлетворительнымъ.

Къ тому же взгляду на полногласіе, какъ Добровскій, т. е. къ признанію его вторичнымъ измѣненіемъ староцерковной огласовки, склонялся Востоковъ. Не усматривая возможности финскаго вліянія, Востоковъ причину полногласія искалъ въ общихъ русскому народу съ финскимъ климатическихъ условіяхъ, во вліяніи сѣвернаго климата. Мысль эта высказана въ извѣстномъ «Разсужденіи о словенскомъ языкѣ». Однако и взглядъ Востокова, какъ замѣтилъ уже Максимовичъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ полногласіе существуетъ не въ меньшей степени и на югѣ Россіи. Притомъ такая общая ссылка на климатическія условія цѣны не имѣетъ, да и самъ Востоковъ, должно быть, не придавалъ ей большого значенія.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и у Каткова, въ его магистерской диссертаціи «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», вышедшей въ 1845 году. Катковъ несовсѣмъ ясно и точно изложилъ свой взглядъ на полногласіе, но изъ сказаннаго имъ можно вывести, какъ его мнѣніе, что основныя славянскія формы сходствовали со староцерковными, т. е. было напр. градъ, изъ чего вышло сначала гродъ, а потомъ городъ. Какъ на доказательство вторичности полногласія Катковъ ссылается на существующее въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и русской акцентовкой. Катковъ отмѣчаетъ, что 1) русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ чешская долгота, напр. корóва по-чеш. будетъ kráva, солóма—sláma, берéза—bříza, молóть (староцерк. млѣти)—mlíti. Когда же 2) удареніе приходится на первую часть полногласія, или вовсе на падаетъ на полногласіе, тогда у Чеховъ, по указанію Каткова, является краткость: гóрод по-чешски будетъ hrad, мóлот — mlat, бéрег—břeh, дéрево—dřevo, жóлоб žlab; точно также 3) бородá, слово, гдѣ удареніе приходится не на полногласіе, будетъ brada, головá—hlava, сторонá—strana. Впрочемъ изъ третьей части катковскаго правила, т. е. изъ утвержденія, что русскому безударному оро по-чешски соотвѣтствуетъ ră, столько исключеній, что слѣдуетъ отрицать самый законъ. Напр. мы имѣемъ по-чешски brázda при русск. бороздá,

dláto при долото́, vlákno при волокно́ [1]). Законъ Каткова въ нѣсколько иномъ видѣ былъ уже раньше указанъ чехомъ Антономъ Ярославомъ Пухмайеромъ (Puchmayer или Puchmír), въ грамматикѣ русскаго языка, изданной въ 1820-мъ г. (Lehrgebäude der russischen Sprache). Пухмайеръ воспользовался этимъ наблюденіемъ для облегченія Чехамъ произношенія русскихъ словъ: онъ даетъ правило, что въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ чехъ по своему количеству можетъ опредѣлить мѣсто русскаго ударенія — зная свое слово hrad, онъ безошибочно можетъ рѣшить, что по-русски будетъ г о́ р о д, а не г о р о́ д; зная свои kráva, bříza, онъ можетъ сообразить, что по-русски говорится коро́ва, а не ко́рова или к о р о в а́, б е р ѣ з а, а не б е́ р е з а или б е р е з а́. Катковъ изъ указаннаго звукового соотвѣтствія выводитъ, какъ я уже сказалъ, первенство староцерковной огласовки передъ русской. Доказательство этого первенства онъ усмотрѣлъ въ томъ, что русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ долгота. Долгота свидѣтельствуетъ де о первичности ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о первичности носящаго его гласнаго: напр. изъ того, что чехъ говоритъ kráva съ ā, слѣдуетъ, что въ русскомъ к о р о́ в а первичный звукъ есть второе *о*, а первое представляетъ позднѣйшую вставку. Въ связи съ утвержденіемъ, будто чеш. долгота въ соотвѣтствіе русскому ударенію доказываетъ его первичность, находимъ у Каткова цѣлое ученіе о томъ, что рус. удареніе вообще, или, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ первоначальную долготу—ученіе весьма неосновательное.

Въ первенство староцерк. огласовки плавно-чистыхъ созвучій вѣрилъ также С р е з н е в с к і й; онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, не входя однако ни въ какія подробности, въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

Къ тому же мнѣнію видимо склонялся и М и к л о ш и ч ъ, въ 1-мъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», хотя онъ также не вдавался въ подробное разсмотрѣніе вопроса [2]). Миклошичъ

---

[1]) Мимоходомъ сдѣлаю замѣчаніе насчотъ русскаго слова воро́та-ворота́: чешскій языкъ говоритъ за большую исконность второй акцентовки, такъ какъ нашему воро́та соотвѣтствовало бы *vráta.

[2]) Впослѣдствіи онъ посвятилъ полногласію особую монографію, о которой рѣчь будетъ ниже, т. к. въ ней проводится совсѣмъ иной взглядъ.

дѣлаетъ однако въ этой книгѣ дополненіе къ закону Каткова и Пухмайера, дополненіе, которое вполнѣ опровергаетъ взглядъ Каткова, устраняя и тотъ невполнѣ убѣдительный доводъ, которымъ Катковъ подкрѣпилъ свою теорію полногласія. Оказывается, что чешская долгота въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ не можетъ быть признана прямо праславянской, какъ дѣлалъ Катковъ. Миклошичъ отмѣтилъ, что насчотъ количества плавно-чистыхъ созвучій въ постоянномъ противорѣчіи съ чешскимъ языкомъ находится языкъ сербскій: гдѣ по-чешски долгота, тамъ по-сербски краткость, и, наоборотъ, гдѣ—краткость, тамъ—долгота.

Прежде чѣмъ приводить сербскіе примѣры, необходимо сказать два слова о сербскомъ удареніи. Въ сербскомъ языкѣ существуетъ удареніе односло́говое и двусло́говое, т. е. или удареніе приходится цѣликомъ на одинъ слогъ, или же въ немъ участвуетъ также слѣдующій слогъ. Односло́говое удареніе, когда оно сопряжено съ краткостью гласнаго, обозначается двойнымъ грависомъ, напр. сла̀ва; это односло́говое удареніе краткостное иначе можно назвать рѣзкимъ. Односложовое удареніе долготное обозначается округленнымъ циркумфлексомъ; это удареніе есть нисходящее, т. е. первая часть гласнаго по тону выше второй. Тоже самое существуетъ и при рѣзкомъ удареніи, только тамъ, вслѣдствіе краткости гласнаго, это менѣе замѣтно. Односложовое долготное удареніе представляетъ напр. слово пра̑вда. Двусложовое удареніе также бываетъ краткостнымъ и долготнымъ. Знакъ краткостнаго двусложоваго ударенія, которое я называю въ своей акцентологіи слабымъ, есть грависъ; удареніе это мы можемъ видѣть въ какомъ-нибудь словѣ мà гла (мгла). Двусложовое долготное удареніе, обозначаемое акутомъ, можетъ быть названо восходящимъ, потому что вторая часть гласнаго въ музыкальномъ отношеніи выше первой, напр. ша́ла шутка. И слабое удареніе есть восходящее, но при краткости восходящее движеніе голоса менѣе замѣтно. Срв. сказанное о рѣзкомъ удареніи [1]). Двусложовость удареній ‹слаба-

[1]) Сербское употребленіе акута и грависа главнымъ образомъ побуждаетъ меня избѣгать этихъ знаковъ въ русскомъ языкѣ и замѣнять ихъ (что сдѣлано въ моемъ Начертаніи славянской акцентологіи) новымъ знакомъ—отвѣсомъ. Срв. стр. 2, пр. 2.

го» и «восходящаго» состоитъ въ томъ, что кромѣ главнаго восходящаго ударенія есть еще весьма сильное второстепенное удареніе на слѣдующемъ слогѣ; удареніе это нисходящее. Какое-нибудь слово м а̀ г л а имѣетъ, значитъ, на начальномъ слогѣ удареніе восходящее краткостное, а на конечномъ слогѣ удареніе рѣзкое, т. е. краткостное нисходящее. Такимъ же образомъ слово ш а́ л а представляетъ на начальномъ слогѣ удареніе восходящее долготное, на конечномъ — нисходящее краткостное. Возьмемъ далѣе такое слово, гдѣ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ будетъ долгій, напр. j ў н а̂ к. Здѣсь слогъ j ў представляетъ удареніе восходящее краткостное, а н а̂ к—нисходящее долготное [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній отмѣтимъ соотношеніе сербскаго количества съ русской акцентовкой въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ, противорѣчащаго, какъ уже сказано, количеству чешскому. При русскомъ удареніи на второй части, которому у Чеховъ соотвѣтствуетъ долгота, у Сербовъ является удареніе рѣзкое, т. е. нисходящее краткостное: к о р о́ в а по-сербски будетъ к р а̑ в а, с о л о́ м а—с л а̑ м а, б е р ѐ з а—б р ѐ з а, м о л о́ т ь—м љ ѐ т и [2]). Напротивъ того русскому ударенію на первой части полногласія, которое у Чеховъ находитъ соотвѣтствіе въ краткости, у Сербовъ соотвѣтствуетъ удареніе нисходящее долготное: г р а̑ д, х л а̑ д, б р ѐ̑ г (или, съ разложеніемъ *ъ* на два слога, —б р ѐ̆ j е г). Русск. безударному о р о, мы видѣли, по закону Каткова у Чеховъ соотвѣтствуетъ краткость, въ дѣйствительности то краткость, то долгота; у Сербовъ мы тутъ постоянно видимъ удареніе восходящее, т. е. долготу: г л а́ в а, б р а́ д а, в р а́ т а [3]).

Итакъ чеш. долготу мы не можемъ признать праславянскою въ виду ея противорѣчія съ сербскою, и она отнюдь не свидѣтельствуетъ о первичности второго элемента въ полногласіи. Петръ

---

[1]) См. у Леонарда Мазинга: Leonhard Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XXIII. № 5. St.-Pétersbourg 1876.

[2]) Знакъ *љ* обозначаетъ *л* м я г к і й.

[3]) Такимъ образомъ сербское восходящее удареніе, подобно чешской краткости (см. выше, стр. 73, пр. 1), говоритъ за первенство произношенія ворота́ передъ произношеніемъ ворóта.

Алексѣевичъ Лавровскій, взглядъ котораго на полногласіе намъ придется разсматривать впослѣдствіи, пытался, въ статьѣ по этому предмету, отстоять ученіе Каткова противъ Миклошича и устранить противорѣчіе между количествомъ чешскимъ и сербскимъ. Онъ высказывалъ догадку, что Сербы при опредѣленіи своихъ удареній смѣшали долготу и удареніе; но это предположеніе совершенно неосновательно: нѣтъ сомнѣнія, что написанію съ грависомъ (простымъ или двойнымъ) соотвѣтствуетъ краткость, а циркумфлексу и акуту—долгота, и что противорѣчіе между чешскимъ и сербскимъ языкомъ дѣйствительно существуетъ.

За первенство староцерковной огласовки высказался также Потебня [1]), въ своей монографіи «О полногласіи». Эта монографія, напечатанная въ Филологическихъ запискахъ за 1864 годъ, въ оттискѣ составляетъ первую часть «Двухъ изслѣдованій о звукахъ русскаго языка» [2]). Потебня въ доказательство вторичности полногласія приводитъ аналогію изъ языка сербскаго. Сербскій языкъ, въ югозападномъ своемъ говорѣ, представляетъ явленіе, на которое мы уже видѣли одинъ примѣръ—слово бри̏јег, при другомъ выговорѣ брêг, въ восточномъ нарѣчіи (въ сѣверозападномъ—бри̑г). Потебня говоритъ: какъ ē разлагается на ије, такъ, слѣдуетъ думать, и древнее ра разложилось по-рус. на оро, ла—на оло, рѣ—на ере, лѣ—на еле. Что тутъ дѣйствительно есть ближайшая связь, это подтверждается-де соотвѣтствіемъ акцентовки между словами полногласными и словами съ разложившимся ятемъ. По этому поводу Потебня вкратцѣ изложилъ особенности сербской акцентовки. Намъ, чтобы понять сопоставленія Потебни, необходимо отмѣтить, что сербское нисходящее удареніе (какъ краткостное, такъ и долготное) есть удареніе исконное и соотвѣтствуетъ русскому ударенію на томъ же слогѣ: слава—сла́ва, пра̑вда—пра́вда. Съ другой стороны, удареніе восходящее (краткостное и долготное) есть удареніе оттянутое, приближенное на одинъ слогъ къ началу слова. Какъ остатокъ древняго ударенія, сохраненнаго въ русскомъ языкѣ, является удареніе второ-

---

[1]) Впослѣдствіи измѣнившій свой взглядъ на этотъ вопросъ.

[2]) См. выше, стр. 12.

степенное нисходящее: русскимъ м г л а́, п и л а́ соотвѣтствуютъ серб. м а̀ г л а̂, п и́ л а̂. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что м а̀ г л а есть вторичное измѣненіе древняго м а г л а̂, п и́ л а—древняго п ӣ л а̂: такая акцентовка употребляется у приморскихъ Хорватовъ—Хорватовъ-чакавцевъ, прозванныхъ такъ отъ мѣстоименія ч а (=* ъь), вм. котораго у настоящихъ Сербовъ—ш т о [1]). Принимая въ соображеніе вторичность восходящаго ударенія, Потебня указываетъ на стройное соотвѣтствіе между акцентованіемъ сербскаго разложившагося *ъ* и русскаго полногласія. Оказывается, что русское г о́ р о д: сербскому г р а̂ д= югозап. (герцеговин.) с н и̏ j е г: восточ. с н е̂ г; рус. б о р о д а́: серб. б р а́ д а, т. е. первоначальному б р а̄ д а̂ = югозап. б и j ѐ д а, первоначальное б и j е д а̂: восточ. б е́ д а, первоначальн. б е̄ д а̂. А такъ какъ ије есть вторичное измѣненіе, плодъ разложенія, то и аналогичное ему по акцентовкѣ полногласіе должно считаться плодомъ разложенія. Впрочемъ аналогія между полногласіемъ и разложеніемъ *ъ*, какъ отмѣтилъ уже самъ Потебня, неполная; именно, разложеніе *ъ* происходитъ только тогда, когда э́кающіе и и́кающіе говоры представляютъ долготу, а при краткости разложенія не бываетъ, полногласіе же является и тогда, когда у Сербовъ произносится краткій звукъ. Такъ, восточно-сербскія в е̏ р а, д е̏ д по югозап. выговору будутъ в j е̏ р а, д j е̏ д (или со вторичнымъ измѣненіемъ ѣ ȅ д)—разложенія нѣтъ, и только вм. простого *е* слышится *je*. Съ другой стороны сербскому в р а̏ н а соотвѣтствуетъ рус. в о р о́ н а, серб. с л а̏ м а—с о л о́ м а, серб. б р е̏ з а—б е р е̂ з а. Противъ толкованія Потебни, кромѣ его собственной оговорки, можно привести еще одно соображеніе, которое его вовсе опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что соотвѣтствіе между акцентовкой рус. и серб., на которое напиралъ Потебня, есть (какъ было извѣстно и самому Потебнѣ) только частное проявленіе общаго соотвѣтствія въ акцентовкѣ, проходящаго по всему серб. и рус. языку. За немногими исключеніями русскій можетъ безошибочно опредѣлить мѣсто сербскаго

[1]) Впрочемъ въ настоящее время мы склонны предполагать, что предударный слогъ издавна имѣлъ нѣкоторое удареніе. См. выше, стр. 37.

ударенія—оно будетъ всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ по-рус.; напр. по-рус. к а л а́ ч, к а л а ч а́—по-сербски к о̀ л а̑ ч, к о л а́ ч а; по-рус. д о б р о т а́—по-серб. д о б р о̀ т а; по-рус. ш и р и н а́—по-серб. ш и р и̏ н а. Притомъ это оттянутое ударепіе бываетъ двуслого́вымъ, т. е. слабымъ, или же восходящимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Когда же ударенію, падавшему на начальный слогъ, некуда было идти, тогда оно и по-серб. оставалось на мѣстѣ, но въ видѣ односло́гваго, т. е. рѣзкаго, или нисходящаго въ тѣсномъ смыслѣ, напр. рус. в ѣ р а по-серб. звучитъ в ј ѐ р а, п и́ ш е ш ь—п и̑ ш ē ш. Такимъ образомъ совершенно естественно, что между акцентовкой плавно-чистыхъ созвучій и слоговъ съ *ъ* имѣется соотвѣтствіе, и это соотвѣтствіе вовсе не доказываетъ аналогичности полногласія и разложенія *ъ*. Ничто намъ не мѣшаетъ выставить положеніе обратное Потебнинскому. Тогда какъ Потебня говоритъ, что фонема г р а̑ д съ нисходящимъ удареніемъ, разлагаясь, давала фонему г о́ р о д съ удареніемъ на первой части, мы смѣло могли бы сказать, что основное г о́ р о д подверглось стяженію, и изъ о́ р о явилось р а̑; также изъ первоначальнаго б о р о д а́ по-сербски могло бы выдти б о р о̀ д а, а потомъ со стяженіемъ—б р а́ д а [1]). Я вовсе не предлагаю держаться такого толкованія, но привожу его какъ возможное: въ доказательство, что объясненіе, предложенное Потебнею (оставленное впослѣдствіи и имъ самимъ) не заслуживаетъ признанія.

За первенство староцерковной огласовки стоитъ также и Я г и ч ъ. Ягичъ останавливался на этомъ вопросѣ по поводу работы Лавровскаго, въ критическихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ XIV т. Загребскаго журнала «Труды Югославянской Академіи» (Rad Jugoslavenske Akademije). Потомъ онъ возвращался къ нему въ разборѣ одного нѣмецкаго изслѣдованія о полногласіи, о коемъ рѣчь будетъ ниже. Вторая статья напечатана въ Архивѣ Славянской филологіи, и озаглавлена «О нѣкоторыхъ явленіяхъ славянскаго вокализма» [2]).

---

[1]) Правда в р а̏ н а вм. в о р о́ н а, съ краткостью, несмотря не стяженіе, непонятно; но вѣдь в о р о́ н а и в ј е̏ р а тоже не ладятъ.

[2]) Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Arch. f. slav. Phil., B. I. S. 397–411.

Къ тому же взгляду склоненъ и Лескинъ, соображенія котораго, такъ же, какъ и соображенія Ягича, приведу впослѣдствіи.

Тогда какъ перечисленные изслѣдователи считали полногласіе явленіемъ вторичнымъ, другіе напротивъ—признавали его древней общеславянской чертой, уцѣлѣвшей въ русскомъ яз.; одинъ даже желалъ возвести его къ самому праязыку. Въ такомъ смыслѣ высказался Максимовичъ, котораго я называлъ уже ранѣе, какъ изобрѣтателя термина «полногласіе». Рядомъ съ именемъ Максимовича можно поставить имя чешско-хорватскаго ученаго (чеха по происхожденію, хорвата по дѣятельности въ Загребскомъ университетѣ)—Гейтлера. Затѣмъ слѣдуетъ назвать во второй разъ Потебню, котораго мы раньше видѣли какъ представителя другого взгляда; и также профессора Берлинскаго университета, противъ котораго полемизировалъ Ягичъ, въ только что названной статьѣ,—Іоганна Шмидта.

Максимовичъ въ этомъ ряду первый. Онъ коснулся вопроса о полногласіи въ своей «Исторіи русской словесности», вышедшей въ 1839 г., а потомъ въ «Начаткахъ русской филологіи» (1848). Я уже говорилъ, что Максимовичъ подъ полногласіемъ понималъ вообще обиліе гласныхъ въ языкѣ, что онъ поэтому видѣлъ полногласіе также въ языкѣ санскр., который по сравненію съ новѣйшими языками дѣйствительно представляетъ избытокъ гласныхъ. Если мы однако сравнимъ количественное отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ староцерк. и санскр., или въ санскр. и греч., то сравненіе выходитъ не въ пользу санскр. Такимъ образомъ въ Санскритѣ нѣтъ полногласія въ смыслѣ Максимовича; нѣтъ въ немъ также полногласія и въ нашемъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, хотя Максимовичъ пытался доказать его существованіе нѣсколькими сравненіями. Сравненія эти не выдерживаютъ научной критики, и приводить ихъ почти не стоитъ; указаніе и разборъ ихъ можно найти въ «Замѣткѣ о полногласіи» П. А. Лавровскаго въ VIII т. Извѣстій 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Максимовичъ между прочимъ утверждаетъ, что рус. сорóка равняется санскр. sāráṅga. Sāráṅga значитъ пестрый, пѣгій [1]), такъ что значеніе не особенно близкое; кромѣ того *о* и *an*, *к* и *g* другъ другу не со-

[1]) Служитъ также названіемъ одной антилопы, одной птицы и т. д.

отвѣтствуютъ: sāráṅga въ переложеніи на слав. звуки было бы **сaржга**, по-рус. с а р у г а; или пожалуй (т. к. санскритскому ā въ открытомъ слогѣ м. б. иногда соотвѣтствуетъ слав. о)—**соржга**, с о р у г а [1]). Другія сопоставленія еще менѣе удачны; такъ напр. слово п т и ц а Максимовичъ сближаетъ съ санскр. pataga; тутъ дѣйствительно есть сродство — корень pat̀ летѣть, д. б., заключается и въ славян. **пътица**, но этимъ сходство и ограничивается: санскр. слово состоитъ изъ patá-s полетъ и ga идти. Еще Максимовичъ кромѣ санскр. яз. ссылается на языкъ мадьярскій, гдѣ онъ указываетъ слова, заимствованныя у Славянъ и представляющія полногласіе, напр. kalasz колосъ, что̀ якобы доказываетъ, что въ періодъ заимствованія такихъ словъ полногласіе существовало также внѣ рус. языка—однако Мадьяры [2]) и изъ **класъ** могли дѣлать kalasz. Еще Максимовичъ приводитъ два-три слова, сохраняющія будто полногласіе у другихъ Славянъ. Таково поль. слово dereń кизильникъ—но это слово надо считать заимствованнымъ у Малороссовъ: настоящимъ польскимъ словомъ оно быть не можетъ, такъ какъ тогда оно звучало бы *dzierzeń.

Взглядъ на полногласіе Максимовича, въ измѣненномъ, болѣе научномъ видѣ, былъ возобновленъ Г е й т л е р о м ъ. Гейтлеръ въ своей «Староболгарской фонологіи» (Starobulharská fonologie, V Praze, 1873) подобно Максимовичу выводитъ наконечную огласовку изъ двойной, причомъ однако, въ виду показаній другихъ европейскихъ яз., считаетъ полногласіе не праязычнымъ явленіемъ, а только п р а с л а в я н с к и м ъ. Слово **жрѣкла**, по этой теоріи, первоначально звучало **жерькла**, изъ этого вышла прежде всего общеслав., уцѣлѣвшая въ рус. языкѣ, полногласная фонема **жерекла**; староцерк. и нѣкоторые другіе славян. языки произвели стяженіе **-ере-** въ **-рѣ-**, и такимъ образомъ возникло **жрѣкла**. Самое присутствіе ѣ, по мнѣнію Гейтлера, свидѣтельствуетъ о стяженіи: вѣдь ѣ возникаетъ изъ звуковъ долгихъ, долгота же тутъ вполнѣ понятна, если исходить изъ фонемы съ двумя гласными. Подобнымъ же образомъ Гейтлеръ предполагаетъ древнѣйшую фонему **голка**, изъ чего по-

---

[1]) Что sāráṅga, какъ существ., муж. р., разумѣется, неважно.

[2]) По причинамъ, указаннымъ выше, стр. 71.

праславянски вышло **голока**, сохраненное русскимъ языкомъ и превращенное старо церковнымъ въ **глава**, причомъ а опять-таки указываетъ на долготу и вмѣстѣ съ тѣмъ на стяженіе. Гейтлеръ нѣсколько затруднялся появленіемъ вмѣсто двухъ *о* звука *а*, тогда какъ можно бы ожидать *долгаго о*, но оправдывалъ это тѣмъ, что Славяне вообще не знаютъ $\bar{o}$, а имѣютъ на мѣстѣ его *а*. Мы теперь могли бы, если принять теорію Гейтлера, представить дѣло такъ, что olo дало сначала l$\bar{o}$, а это $\bar{o}$, какъ и наслѣдственное $\bar{o}$, перешло въ *а*.

По поводу разсужденія Гейтлера вернулся къ вопросу о полногласіи А. Аѳ. Потебня, въ первой части своего труда «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Потебня отчасти согласился съ Гейтлеромъ, но затруднялся выводить la изъ olo, находя, что olo должно бы дать lo, и предположилъ поэтому, что стяженіе произошло въ такой періодъ, когда не было еще *о*, а было *ă*, т е. онъ строилъ полногласную фонему г*ă*л*ă*в а, откуда со стяженіемъ—гл*ā*в а, а затѣмъ уже **глава**. Поправка лишняя и неудачная: при современномъ взглядѣ на индоевропейскій вокализмъ мы не вправѣ предполагать фонему г*ă*л*ă*в а, а должны предположить г о л о в а [1]).

Еще разъ ученіе Максимовича было возобновлено въ измѣненномъ видѣ Іоганномъ Шмидтомъ, который не зналъ о мнѣніяхъ Гейтлера и Максимовича, и самъ пришелъ къ подобному же взгляду. Іоганнъ Шмидтъ посвятилъ вопросу о полногласіи и сходныхъ съ нимъ явленіяхъ въ другихъ языкахъ 2-ю часть своего изслѣдованія «Къ исторіи индоевропейскаго вокализма» [2]). Полногласіе у Шмидта является подъ санскритскимъ названіемъ svarabhakti. Слово svarabhakti значитъ «частичный гласный» (svara звукъ, гласный; bhakti дѣленіе, отъ корня bhag′ дѣлить). Этимъ

---

[1]) Нѣкоторымъ словамъ, правда, надо приписать дославянское *а*, напр. основная форма къ прилагат. со́лон, какъ показываетъ сравненіе съ иностранными языками, будетъ *salnos съ *а*, но древнѣйшая праславянская всетаки *solnos.

[2]) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Zweite Abtheilung. Weimar 1875.

именемъ индійскіе грамматисты назвали гласный, который, по ихъ мнѣнію, вторичнаго образованія, а именно возникъ послѣ r и l, имѣющихъ за собой согласные. Такимъ образомъ Шмидтъ подобно Гейтлеру объясняетъ вторую часть полногласія: первая унаслѣдована отъ древности, а вторая есть вторичный звукъ, развившійся изъ нѣкотораго гласнаго пазвука, свойственнаго звукамъ r и l. Полногласныя формы по Шмидту, какъ и по Гейтлеру, возникли въ общеславян. языкѣ. Какъ и Гейтлеръ, Шмидтъ строитъ праслав. źerebę. Широкой огласовкѣ плавночистыхъ созвучій онъ придаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ Гейтлеръ—у него является звукъ *a*, склонный къ *o*—gâlâva, изъ этого средняго звука съ одной стороны могъ-де развиться *a*, а съ другой *o*. Послѣдочная огласовка у Шмидта, какъ и у Гейтлера, происходитъ путемъ стяженія, только онъ пытается оправдать странность такого измѣненія, хотя эта попытка цѣны не имѣетъ и похожа больше не поэтическій оборотъ, чѣмъ на серьёзный доводъ: онъ говоритъ, что первый гласный какъ бы просачивается сквозь полувокальные r и l. Предположивъ, какъ и Гейтлеръ, праславянское происхожденіе полногласія, Шмидтъ сталъ искать слѣдовъ его помимо рус. языка. Указанные имъ слѣды полногласія однако не заслуживаютъ такого названія.

Разсужденіе Шмидта вызвало цитованный уже на стр. 78 разборъ Я г и ч а. Ягичъ высказывается въ пользу первичности послѣдочной огласовки у Славянъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ д о к а з а л ъ вѣрность этого взгляда: онъ только привелъ рядъ соображеній противъ Шмидта, съ которыми слѣдуетъ согласиться—съ одними вполнѣ, съ другими—отчасти. Не лишено значенія во первыхъ то обстоятельство, что полногласіе встрѣчается только въ о д н о м ъ славянскомъ языкѣ, во всѣхъ другихъ, въ томъ или иномъ видѣ, является послѣдочная огласовка. Даже и самъ русскій языкъ знаетъ полногласіе только внутри словъ, а тамъ, гдѣ сочетанія *р* и *л* со слѣдующимъ согласнымъ имѣютъ передъ собой всего одинъ гласный, который составляетъ зачинъ слова, и рус. языкъ ставитъ согласный позади плавнаго. Литовскому alkúnė порус. соотвѣтствуетъ *лок*оть, а не *олок*оть; санскр. корню ardh (ṛdhnóti удаваться, преуспѣвать) соотвѣтствуетъ *ро*сти, а не *оро*сти. Далѣе Ягичъ указываетъ на то, что мы должны бы ожидать слѣдовъ полногласія особенно въ вымершемъ языкѣ Полабскихъ

славянъ, который представляетъ двоякую огласовку плавночистыхъ созвучій: въ однихъ случаяхъ (при l)—послѣдочную, а въ другихъ (при r)—передовую. Мы видимъ напр. х л а̊ д, в л а̊ с (какой здѣсь былъ гласный, мы не знаемъ, по мнѣнію Шлейхера—широкое *o*, или *a*, смахивавшее на *o*), а съ другой стороны мы находимъ г о р д, с т о р н а. Именно въ такомъ языкѣ естественно бы ожидать и полногласія, но его не оказывается. Правда, Шмидтъ привелъ одинъ или два примѣра полабскаго полногласія, однако они не годятся: какое-нибудь dülan вм. **длань** не можетъ быть названо полногласнымъ, потому что гласные въ немъ неодинаковы, существенная же черта полногласія—одинаковость гласныхъ. Еще Ягичъ указываетъ на своеобразное передвиженіе акцента въ русскихъ полногласныхъ словахъ, свидѣтельствующее о вторичности полногласія. Обыкновенно при колебаніи ударенія мы видимъ переходъ его съ сосѣдняго слога на сосѣдній, переходовъ черезъ слогъ почти не бываетъ, между тѣмъ въ полногласныхъ словахъ ударе́ніе скачетъ и черезъ слогъ—при им. пад. б о р о д а́ стоитъ вин. б о́ р о д у, при им. г о л о в а́—вин. г о́ л о в у. Послѣдній доводъ впрочемъ надо признать слабымъ, или даже совершенно бездоказательнымъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ въ пользу того, что полногласныя слова содержали прежде однимъ слогомъ меньше, чѣмъ впослѣдствіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что было когда-то б р а д а́—б р а́ д ж, мы можемъ сказать, что было б о р д а́ — б о́ р д ж. Вѣскимъ соображеніемъ въ пользу вторичности полногласія можно считать одно отдѣльное слово, на которое не даромъ напираетъ Ягичъ; это—слово с т о́ р о ж. С т о́ р о ж несомнѣнно сродни лит. sargas, корень sorg, значитъ основная форма будетъ sorg̊os, откуда въ старо-церк. ***сражь** и съ развитіемъ **т** между **с** и **р**, какъ переходнаго звука—**стражь**. Поэтому если с т о́ р о ж вышло изъ древнѣйшаго **стражь**, то **т** въ немъ совершенно понятно, если же основное ***соржь** прежде всего дало полногласную фонему, то должны бы говорить с о р о ж. Что касается полногласныхъ словъ указываемыхъ Шмидтомъ въ общеславянскомъ языкѣ (какія это слова, мы сейчасъ увидимъ), то Ягичъ призналъ ихъ существованіе, но указалъ совершенно справедливо, что они говорятъ не въ пользу Шмидтовской теоріи, а противъ нея: если одни полногласныя слова остались полногласными у всѣхъ славянъ, отчего бы

другія, если были таковыми, подверглись измѣненіямъ? По моему однако общеслав. полногласія не существуетъ ни въ одномъ словѣ. Полногласіе будто бы представляетъ слово **желѣзо**. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ иноязычныя формы съ передовой огласовкой: литовскую gelžìs, латышскую dzelze, старопрусскую gelso; въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать русской формы ж е л ё з о, въ дѣйствительности же рус. языкъ представляетъ *ъ* на второмъ мѣстѣ, и *ъ* является во всѣхъ славянскихъ языкахъ; значитъ, это не есть полногласіе. Огласовка этого слова впрочемъ вообще представляетъ затрудненія: лит. языкъ имѣетъ еще форму geležìs съ двумя *e*; съ этимъ словомъ роднятъ также, и д. б. основательно, греч. χαλκός, хотя его κ не ладитъ со слав. *ž*. Мы можемъ, правда, предположить древнѣйшую греч. форму *χαλχός съ двумя придыхательными, изъ которыхъ затѣмъ одинъ утратилъ свое придыханіе, но это не выведетъ насъ изъ затрудненія, п. ч. придыханіе долженъ потерять первый согласный—вышло бы *καλχός, а не χαλκός, какъ изъ *φεύθομαι—πεύθομαι, а не *φεύτομαι. Впрочемъ окончаніе χος могли просто замѣнить обычнымъ суффиксомъ -κος. (Еще до дѣйствія закона о придыхательныхъ въ сосѣднихъ слогахъ.) Полногласіе Шмидтъ усматриваетъ также въ прилаг. **сверѣпъıн**, которое въ словенскомъ языкѣ существуетъ въ видѣ srêp (вм. svrêp). Опять таки мы имѣемъ **-ерѣ-** а не **-ере-**, значитъ, и это не есть настоящее полногласіе. Дѣйствительно полногласное созвучіе **-еле-** представляетъ другое прилаг. **пелесъ** темный, сѣрый; однако рядомъ съ **пелесъ** является и **пелѣсъ** съ **ѣ**. Слово это сопоставляютъ съ лит. pálszas блѣдный, желтоватый. Сюда же относится и лит. названіе мыши — pelẽ. Легко, кажется, можно допустить, что наше прилагат. звучало первоначально **плѣсъ**, и что *e* перенято имъ у какой-нибудь другой однокоренной формы, въ родѣ лит. pelė. Далѣе у Шмидта фигурируетъ слово **ıелень**, а которомъ мы уже отмѣтили, что оно должно было имѣть нѣкогда разноступенное склоненіе: въ однихъ падежахъ была основа elen, въ другихъ—eln; elen, значитъ, не есть полногласіе, а есть сильный видъ основы, и не произошло изъ eln черезъ Шмидтовскую svarabhakti, а наоборотъ eln развилось изъ elen. Сравнивая съ разнотемностью, проявляющейся у этого слова, санскр. разнотемность какого-ниб. слова radžan—им. rā́dža, род. rā́dźńas, вин.

rȁdžānam, мы легко могли бы предположить, что слав. **ѥлень** имѣло также нѣкоторыя формы съ **ѣ** на второмъ мѣстѣ. Вотъ къ подобнымъ формамъ можетъ восходить затрудняющая насъ огласовка слова **желѣзо**. **Желѣзо** въ такомъ случаѣ предполагаетъ огласовку ghelēǵh, лит. geležìs—gheleǵh, другая лит. форма gelžìs—ghelǵh, греч. χαλκός—gh̥lǵh.—Наибольшее сходство со словомъ **ѥлень** имѣетъ, приводимое также у Іог. Шмидта, слово **пелена**, которое является въ такомъ видѣ въ староцерк., серб., болгар., хотя въ староцерк. отмѣчена и форма **плѣны** (мн. ч.); мы по-серб. видимъ п е л ѐ н а, по-болг. п е л е н á; у Словенцевъ однако plenà, уменьшительное pleníca. Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить для него древнѣйшее склоненіе съ согласной основой; т. е. какой-нибудь имен. pélō, род. pelnós, вин. pelénm̥, при чемъ, значитъ, изъ однихъ падежей идетъ ele, изъ другихъ el, которое по староцерковной фонетикѣ дало **лѣ**.

Возвращаясь къ возраженіямъ Ягича противъ Шмидта, я долженъ отмѣтить еще одинъ изъ доводовъ послѣдняго, который ему представлялся особенно вѣскимъ. По мнѣнію Шмидта въ нѣкоторыхъ словахъ староцерковная огласовка развивается такъ сказать на нашихъ глазахъ изъ полногласія. Онъ видитъ такое явленіе въ словѣ **пладьне**: **пладьне** произошло-де изъ **полодьне**. Однако формы **полодьне** не встрѣчается, и предполагать ее вовсе не слѣдуетъ. Вѣдь **полъ** половина есть слово уковаго склоненія — **полъ**, род. **полоу**; значитъ, оно, хотя и могло явиться въ составѣ сложенія въ видѣ **поло** (такъ какъ по-славянски *о* сдѣлалось обыкновеннымъ «соединительнымъ» гласнымъ), но нѣтъ никакой надобности въ этомъ; органическая же форма была бы **полъдьне**. Однако и этой формы не встрѣчается. Для объясненія нашего **пладьне** удобнѣй всего предполагать, что основа была первоначально согласная, а въ такомъ случаѣ **плад-** вм. **полд-** представляетъ обыкновенныя условія появленія **ла** вм. **ол**: какъ ***голва** дало **глава**, такъ и ***полдьне** дало **пладьне**. Подобнымъ же образомъ можно толковать, и притомъ рѣшительнѣе, слово **четврѣдьневьнъ** (эпитетъ Лазаря). Шмидтъ выводитъ **-рѣ-** изъ **-ере-**, но совершенно произвольно. По замѣчанію Ягича написаніе **-ере-** почти не встрѣчается (мнѣ кажется, что оно даже совсѣмъ не встрѣчается), но является колебаніе между **-еро-**, **-еръ-**, **ерѣ-** и даже **-ѣрѣ-**. Можно думать, что окончаніе пер-

вой части было непонятно для писца; но съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, думается мнѣ, эту форму слѣдуетъ считать совершенно ясной, а толковать ее можно такъ же какъ **пладьне**, т. е. видѣть въ первой части согласную основу **четвер-**, которая представляла при соединеніи съ д тѣ условія, при которыхъ въ староцерк. возникаетъ вм. **ер—рѣ**. Меньше еще вѣсу, чѣмъ указанные примѣры, имѣетъ **скралоупа** рядомъ со **скорлоупа**. [1]) Нѣкоторымъ словамъ, приводимымъ Шмидтомъ, нельзя впрочемъ отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности: таково заимствованное народное названіе σαραχηνός, которое по-слав. является въ формѣ **срацинъ**; тутъ дѣйствительно, греч. -αρα- замѣнено черезъ -ра-. Можно однако допустить, что изъ греч. σαραχηνός русскіе сдѣлали сороцинъ, а потомъ эту форму, которая могла показаться полногласной т. е. руссизмомъ, передѣлали на церковный ладъ. Еще Шмидтъ сопоставляетъ τέρεμνον со слав. **трѣмъ**, считая **трѣмъ** заимствованнымъ изъ греческаго, въ чемъ можно и сомнѣваться; но, конечно, и при общемъ происхожденіи этихъ словъ τέρεμνον представляетъ нѣкоторый доводъ въ пользу первенства полногласія.—Возраженія Ягича вызвали отвѣтъ Шмидта, напечатанный въ XXIII т. Журнала Сравнительнаго языкознанія. Излагать эти возраженія, хотя иныя изъ нихъ и не лишены значенія, нѣтъ надобности, такъ какъ я къ доводамъ Ягича уже присоединилъ нѣкоторыя оговорки, отчасти взятыя у Шмидта.

Соображенія, высказанныя въ пользу послѣдочной огласовки Лескинымъ, я приведу ниже, теперь же перейду къ третьей группѣ взглядовъ на полногласіе, по которымъ разныя славянскія огласовки одинаково древни и не происходятъ одна изъ другой. Представителемъ этого взгляда является Миклошичъ, который раньше склоненъ былъ исходить отъ староцерковной огласовки, но измѣнилъ свои воззрѣнія въ посвященной этому вопросу монографіи: «О происхожденіи словъ старословенской формы trêt и trat», 1878 г. Trêt и trat—это формулы, въ которыхъ r служитъ общимъ знакомъ для обоихъ плавныхъ (r и l), а t—для другихъ согласныхъ. Пользуясь этой формулой, Миклошичъ для обозначенія

---

[1]) Срв. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, стр. 147 =Р. Ф. В., т. XXIV, стр. 175, пр. 2. **Скоролоупа**, конечно, руссизмъ.

полногласія пишетъ teret и torot, а соотвѣтственную польско-лужицкую огласовку обозначаетъ посредствомъ tret и trot. Миклошичъ въ указанной монографіи строитъ праславянскія формы съ передовой огласовкой (tert и tort) и изъ нихъ выводитъ троякую огласовку отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Праславянскій выговоръ былъ, по этой теоріи, bergъ, откуда вышло съ одной стороны брѣгъ, съ другой—берегъ, съ третьей—брегъ. Такимъ же образомъ существовало-де праславян. golva, которое породило съ одной стороны глава, съ другой—голова, съ третьей—глова. Какъ и почему произошло такое измѣненіе, Миклошичъ не говоритъ: онъ довольствуется утвержденіемъ, что Славяне не терпѣли плавныхъ *р* и *л* передъ слѣдующимъ согласнымъ и такъ или иначе старались избавиться отъ подобныхъ созвучій. Миклошичъ, значитъ, только высказалъ свой взглядъ, но отнюдь не доказалъ его.

Непосредственную связь между полногласіемъ и инославян. огласовкой отрицалъ также Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ статьѣ «О русскомъ полногласіи», помѣщенной въ Извѣст. 2-го отдѣл. Имп. Ак. Н. въ V т., въ «Матеріалахъ для сравнительнаго словаря и грамматики русскаго языка и славянскихъ нарѣчій». Толкованіе полногласія у Лавровскаго довольно странное, но я приведу его для полноты нашего обзора. Лавровскій исходитъ изъ предположенія, что въ праязыкѣ были корни со слоговыми r и l, которые обладали способностью къ подъему; путемъ подъема и получался первый звукъ полногласія, т. е. подобнымъ образомъ, какъ корень tvr̥ въ существит. затворъ является въ видѣ твор, корень stl̥ въ существ. столъ—въ видѣ стол, такъ произошелъ подъемъ и въ какихъ-нибудь корняхъ gr̥d, gl̥v, при чемъ появилось первое *о* въ словахъ городъ и голова, звучавшихъ первоначально гордъ и голва. Чехи и Южные славяне утратили, сохраненную русскими, способность къ подъему—у нихъ напр. въ словахъ trh, plný слышны слоговые r и l, которые порусски путемъ подъема переходятъ въ ор и ол: торг, полный. Утративъ способность къ подъему, Чехи и Южные славяне восполнили ее прибавленіемъ къ r и l другихъ гласныхъ—*а* и *ъ*: вм. голва у нихъ явилось глава, вм. борда—брада, подобнымъ же образомъ брѣгъ вм. бергъ. Вліяніемъ этихъ инославянскихъ формъ Лавровскій объясняетъ появленіе въ русскомъ

языкѣ второго гласнаго.—Въ этомъ объясненіи есть цѣлый рядъ странностей. Во первыхъ такъ называемый подъемъ (употребленіе корня въ болѣе сильномъ видѣ) зависитъ отъ строенія слова: словамъ при извѣстныхъ окончаніяхъ свойствена болѣе сильная, или болѣе слабая огласовка корня; значитъ подъемъ является при возникновеніи новыхъ словъ. Рус. волк рядомъ съ чеш. vlk, огласовка котораго совпадаетъ съ праславянскою, не представляетъ подъема, а переходъ l̥ (или замѣнившаго его ьл, ъл) въ ol; рус. языкъ вѣдь не унаслѣдовалъ корня vlk и не образовалъ отъ него вновь существ. в о л к. Точно также у Праславянъ существовало, съ той или другой огласовкой, существ. г о л о в а — Русскіе не вновь образовали это слово, и о подъемѣ на русской почвѣ говорить невозможно. Что до второго гласнаго, то замѣна черезъ а и ѣ утраченнаго подъема есть предположеніе странное; странно также заимствованіе этихъ гласныхъ: мы, правда, на каждомъ шагу видимъ заимствованіе словъ, но не звуковыхъ особенностей. Если даже допустить заимствованіе, предположивъ нпр. для его оправданія смѣшеніе Русскихъ съ другими славянскими племенами, то это вліяніе вѣроятно породило бы фонемы г о л а в а, б о р а д а и б е р ѣ г съ ятемъ, а не извѣстныя намъ полногласныя фонемы съ двумя *о* или съ двумя *е* [1]. Странной представляется также одна подробность въ теоріи Лавровскаго. Лавровскій говоритъ, что слоги er и el, замѣненные у Югозападныхъ славянъ черезъ *рь* и *ль*, представляютъ подъемъ r и l слоговыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе восходятъ къ слогамъ ri и li. Ri, li, конечно, могли бы чередоваться съ рѣ, лѣ, еслибы *ь* тутъ былъ дифтонговый, однако чередоваться со слогами er, el они никакъ не могутъ. Это ученіе Лавровскій взялъ, повидимому, изъ санскритской грамматики, съ которой вѣроятно былъ мало знакомъ. Д. б., ему представлялись такіе случаи какъ t̥rt̥ĭya третій отъ корня tri. При теоріи Лавровскаго оказывается также необъясненнымъ, почему развилась послѣдочная огласовка у Поляковъ и Лужичанъ, что̀ онъ и самъ отмѣтилъ. Поляки и Лужичане сохраняютъ «подъемъ»: Поляки не говорятъ напр. trg, а targ, между

[1]) Впрочемъ есть всетаки возможность выводить г *о* л *о* в а изъ параллельныхъ фонемъ г о л в а и г л *а* в а, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

тѣмъ у нихъ является выговоръ broda. Хотя такимъ образомъ объясненіе полногласія у Лавровскаго оказывается весьма неудачнымъ, но статья его вполнѣ заслуживаетъ упоминанья потому, что Лавровскій далъ подробное сопоставленіе славянскихъ словъ между собой и со словами родственныхъ языковъ—отмѣтивъ, какія явленія соотвѣтствуютъ полногласію въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ. Кромѣ того, кажется, и въ самомъ объясненіи есть таки доля правды. Мнѣ представляется невозможнымъ объяснять разнообразныя огласовки плавно-чистыхъ созвучій исключительно звуковымъ путемъ, и я склоненъ допустить здѣсь, въ томъ или иномъ видѣ, подражательное измѣненіе словъ.

Изслѣдователи нашего вопроса, по моему, прекрасно опровергаютъ другъ друга, но ни одинъ самъ не выставилъ убѣдительной теоріи. Весьма странно, какъ мы уже отмѣтили, перестановка, или же прохожденіе гласнаго сквозь плавный, каковыя приходится предполагать при любомъ изъ предложенныхъ объясненій. Одинаково, говорю я, непонятно, какъ форма городъ могла дать гроодъ, изъ чего потомъ гр$\bar{о}$дъ и градъ, и какъ градъ или гр$\bar{о}$дъ могло разложиться въ гроодъ, откуда потомъ городъ. Непонятно также, почему глава въ такомъ случаѣ разложилось въ голова, а прилаг. слабъ сохранилось безъ разложенія. Для послѣдняго затрудненія указана однако возможность оправданія Лескинымъ. Лескинъ въ III т. Архива Славянской филологіи помѣстилъ «Замѣчанія къ вопросу о полногласіи» (Bemerkungen zur Svarabhaktifrage). Лескинъ обратилъ вниманіе на аналогію, представляемую однимъ явленіемъ Нижнелужицкаго языка, явленіемъ, которое на первый взглядъ можно бы истолковать въ пользу первенства полногласія, но которое требуетъ иного объясненія. Явленіе это слѣдующее. У Нижнихъ лужичанъ звукъ r, слѣдуя за безголоснымъ смычнымъ согласникомъ, т. е. за звуками k, t, p, превращается въ š: основному **просити**, русск. просить, но-нижнелуж. соотвѣтствуетъ pšosyś; основному **просо**—pšoso, основному **трохa** малость—tšocha, основному **кротъ**, русск. крот,—kšet, инфинитиву **трасти**, русск. трясти, соотвѣтствуетъ tśeść (ś—знакъ мягкаго *и*). Въ противуположность указаннымъ случаямъ, въ которыхъ r во всѣхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ за k, t, p, тѣ случаи, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, сохраняютъ звукъ

r, напр. **прасѧ**, рус. поросёнокъ не будетъ pšose, а prose; староц. **страна**, рус. с т о р о н а не будетъ stšona, а strona, глаголъ **прѣти**, рус. п е р е т ь не будетъ pśeś, а pŕeś. Это вотъ явленіе можно бы, какъ замѣчаетъ Лескинъ, обратить въ пользу полногласія— сказавъ, что, очевидно, въ то время, когда у Нижнихъ лужичанъ совершался переходъ созвучій kr, tr, pr въ kš, tš, pš, такія слова какъ **прасѧ** не представляли еще соприкосновенія звуковъ k, t, p съ r, а представляли полногласіе, только впослѣдствіи измѣненное, т. е. когда вм. proso стали произносить pšoso, говорили еще porose, и лишь позднѣе совершилось выпаденіе перваго *o*, и тогда уже превращенія r не произошло. Однако такое толкованіе было бы ошибочно, потому что можно указать письменный памятникъ XVI столѣтія, гдѣ нѣтъ еще превращенія r послѣ указанныхъ согласныхъ, т. е. пишется prosyś, но уже существуетъ послѣдочная огласовка. Значитъ, объяснять отмѣченную двойственность какъ слѣдъ полногласія не приходится. Лескинъ предлагаетъ видѣть въ разсматриваемыхъ случаяхъ двоякій выговоръ r. Дѣйствительно, можно предполагать, что звукъ r, имѣвшій предъ собой согласные k, t, p, издавна пріобрѣлъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ не было такого соприкосновенія. Можно, такимъ образомъ, думать, что разсматриваемое явленіе восходитъ къ двоякости праславянскаго r: r въ какомънибудь словѣ **трава**, гдѣ r издавна стоялъ послѣ t, могъ отличаться отъ r въ словѣ **страна**, восходящемъ къ дославянскому *storna. Вотъ на этой двоякости, м. б., и основывается та двойственность, которая насъ затрудняетъ въ русскомъ языкѣ: т р а в а, но с т о р о н а и т. п. Конечно, вопросъ о полногласіи и этимъ не рѣшается вполнѣ: мы, правда, поймемъ, что своеобразный r могъ выдѣлить изъ себя новый гласникъ, такъ что какая-нибудь фонема б о р *а* д а была бы понятна, но зачѣмъ же б о р *о* д а: зачѣмъ звукъ *a* измѣнился въ *o*? Непонятна также польская и лужицкая огласовка: зачѣмъ тамъ вмѣсто *a* появляется *o*, вм. *ѣ*—*e*?

Въ виду всего выше изложеннаго, мнѣ казалось бы нужнымъ предположить въ праславянскомъ языкѣ двоякую огласовку занимающихъ насъ созвучій. Это указано въ одномъ примѣчаніи къ первой таблицѣ моего «Начертанія славянской акцентологіи» (стр. 233). Въ виду господствующей во всѣхъ неславянскихъ язы-

кахъ передовой огласовки, древнѣйшему славянскому языку, кажется, приходится вмѣстѣ съ Миклошичемъ приписать такую же огласовку, т. е. предположить фонемы **борда, голка, бергъ, мелко.** Съ другой стороны, однако, согласіе Южныхъ славянъ съ Чехами, языкъ которыхъ вообще довольно далекъ отъ языка Южныхъ славянъ, говоритъ въ пользу того, что и послѣдочная огласовка есть явленіе праславянское, т. е. что кромѣ фонемъ **борда, голка, бергъ, мелко** существовали **брада, глава, брѣгъ, млѣко.** Изъ указанныхъ дублетовъ съ удобствомъ можно объяснять существующее разнообразіе—иные Славяне просто сохранили одни изъ дублетовъ (**брада, глава** и т. д.); у Поляковъ же и Лужичанъ можно предположить сдѣлку между фонемами **борда** и **брада, бергъ** и **брѣгъ,** породившую сумѣски broda и breg, въ которыхъ постановка гласнаго идетъ изъ одной фонемы, качество—изъ другой. Русскій языкъ, по моему мнѣнію, произвелъ прежде всего ту же сдѣлку, какъ польскій и лужицкій, а потомъ слилъ получившіяся фонемы въ одну, сохранивъ огласовку обѣихъ, такъ, что изъ **борда** и **брода** вышло полногласное б *о р о* д а. Но ка́къ, спрашивается, понять двойственность **брада** и **борда**? Не отстрочиваемъ ли мы только этимъ объясненіемъ наши затрудненія? Вѣдь всетаки формамъ послѣдочной огласовки, не появляющимся внѣ славянскихъ языковъ, приходится приписать вторичное возникновеніе въ общеславянскомъ языкѣ. Однако существуетъ теорія, которая, если справедлива, можетъ насъ вывести изъ затрудненія. Именно, выставлено предположеніе (К р у ш е в с к и м ъ, въ V т. Рус. Фил. Вѣстн., въ работѣ «Къ вопросу о гунѣ»), что славянскія *ра, ла, ръ, лъ* соотвѣтствуютъ иногда долгимъ слоговикамъ праязыка, т. е. r̄ и l̄. Пришлось бы, значитъ, предположить въ данныхъ корняхъ колебаніе между огласовкой черезъ *о* и *е* и черезъ долгіе слоговики: построить праязычное склоненіе bhórdhā, родит. bhr̥dhás, изъ чего по-славянски развилось бо́рда, брады́—съ колебаніемъ огласовки по падежамъ, впослѣдствіи устраненнымъ черезъ примѣненіе ихъ другъ къ другу.

При моемъ толкованіи полногласія падаетъ также нѣкоторый свѣтъ на одно весьма загадочное явленіе, которое, впрочемъ, и такъ не вполнѣ выясняется. Я разумѣю то обстоятельство, что староцерковному созвучію **лѣ** по-русски соотвѣтствуетъ не только *еле,* но и *оло. Еле* мы видимъ въ словѣ ж е л е з а́, словенская

форма котораго есть žléza или žlézda, сербская жлијѐзда; видимъ также въ словѣ селезёнка, при которомъ стоитъ старославянское слѣзена (встрѣчается, впрочемъ, также написаніе слезена), и въ словенскомъ мы находимъ slezena, и въ сербскомъ слезѝна (окончаніе -ена по-сербски замѣнено обычнымъ суффиксомъ -ина). Въ большинствѣ случаевъ мы однако видимъ не *еле*, а *оло*: при старославянск. млѣко стоитъ рус. молокó. Млѣко проходитъ по другимъ славянскимъ языкамъ съ обычной варьяціей. Подобнымъ же образомъ мы имѣемъ форму молóзиво (первое молоко посотёлу), вмѣсто старославянск. млѣзиво съ ѣ; глаг. полóть въ старославянск. формѣ будетъ плѣти; старославянск. длѣто (оно не встрѣчается, но можетъ быть предположено на основаніи серб. длијѐто и словен. dléto), по-русски произносится долотó [1]). Подобное же явленіе какъ русское *оло* вм. лѣ, замѣчается и у сѣверозападныхъ Славянъ—у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ. Такъ, слово долотó находитъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ языкѣ чешскомъ, гдѣ оно звучитъ dláto; въ польскомъ является фонетически не совсѣмъ ясное—dłuto, уменьшительное dłutko. По-польски и нерѣдко происходитъ изъ *o* при извѣстныхъ условіяхъ, которыя отчасти существуютъ въ уменьшительномъ dłutko, поэтому можно думать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что dłutko есть неэтимологичное написаніе, и что слѣдовало бы писать, вм. u, ó; въ форму же dłuto u могло зайти изъ уменьшительнаго. Впрочемъ, можно также думать, что слово это заимствовало огласовку черезъ u отъ однокореннаго глагола dłubać долбить, что въ переложеніи на старославянск. звуки будетъ длѣбати. Но, какъ бы то ни было, едвали подлежитъ сомнѣнію, что польское dłuto замѣнило первоначальное dłoto, равное чеш. dláto, рус. долотó. Далѣе мы въ соотвѣтствіе рус. молокó по-поль., рядомъ съ mleko, находимъ другое существ.

---

[1]) Въ старославянск. памятникахъ, правда, употребляется это слово въ видѣ длато, но длато можетъ быть просто неправильнымъ измѣненіемъ русской формы на старославянскій ладъ: при томъ согласіи, которое вообще существуетъ относительно огласовки плавно-чистыхъ созвучій между старославянскимъ и другими южно-славянскими языками, едвали можно сомнѣваться, что по-старославянскому было длѣто, а не длато.

młokos молокососъ [1]). Еще мы въ польскомъ видимъ твердый согласный и широкую огласовку въ соотвѣтствіе рус. м о л о́ з и в о, а именно говорятъ młodziwo. Młodziwo представляетъ явное переиначеніе: dź вм. ź идетъ изъ прилаг. młody, но едвали оттуда же заимствована огласовка: еслибы по-польски основная фонема была mleziwo, то ее не стали бы примѣнять къ мало-похожему прилаг. młody: вѣроятно, было młoziwo. Далѣе мы видимъ въ соотвѣтствіе рус. ж о́ л о б (при староцерк. **жлѣбъ**, серб. ж л и̏ ј е б, слов. žléb), чешск. žlab, поль. żłób, род. żłobu; также у Лужичанъ (у Верхнихъ, какъ у Нижнихъ)—żłob. И слово ж е л е з а́, которое въ рус. языкѣ представляетъ узкую огласовку, встрѣчается съ огласовкой широкой, рядомъ съ узкою, у Чеховъ; это слово у Чеховъ имѣетъ троякій выговоръ: hlíza, hláza и žláza.

Основная форма въ указанныхъ словахъ, повидимому, представляла *e*; объ этомъ можно заключить уже по такимъ случаямъ, какъ **жлѣбъ**, ж о́ л о б, гдѣ произошло смягченіе, указывающее на соприкосновеніе согласнаго съ узкимъ гласнымъ. Можно сослаться также на родственные языки: при глаголѣ в о л о́ ч ь, староцерк. **влѣшти**, стоитъ литов. velkù съ *e*. Въ третьихъ въ этомъ же смыслѣ говоритъ явно заимствованное слово ш е л о м, ш л е м, равное готскому hilms, нѣмецкому Helm. Но, конечно, существованіе передовой огласовки черезъ *e* не мѣшаетъ предположенію, что рядомъ съ нею могли существовать другія формы съ огласовкой послѣдочной.

Для объясненія славянскаго колебанія при звукѣ l между широкимъ и узкимъ гласникомъ I о г. Ш м и д т ъ ссылается на вліяніе твердаго ł. У нѣкоторыхъ Славянъ развился-де твердый ł, и подъ его вліяніемъ произошло разширеніе, т. е. еще въ праславянской рѣчи въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ древняго želbъ сдѣлалось żełbъ съ твердымъ ł, который потомъ повліялъ на *e*, и вышло żołbъ. Фонема želbъ, становясь полногласной, дала želebъ, а фонема żołbъ—żołobъ, потомъ со стяженіемъ получилось žlêbъ и žłabъ. Объясненіе это однако не годится. Разширеніе *e* въ *o* никакъ не можетъ считаться явленіемъ праславянскимъ: несомнѣнно, что рус-

[1]) Насчетъ соотношенія польскаго młokos и рус. м о л о к о с о с ъ ср. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, подъ словомъ Melko.

ское полногласіе древнѣе разширенія; такъ что преполагать форму žołъ и изъ нея žołobъ не приходится. Нѣсколько яснѣе представляется это дѣло при моемъ взглядѣ на полногласіе. Можно предположить колебаніе по падежамъ; такъ отъ слова ж е л е з а́ имен. могъ быть *желzа, род. глазы; изъ формы *глазы мы прямо и будемъ выводить чешское hláza; žláza объяснимъ примѣненіемъ къ тѣмъ падежамъ, гдѣ было ж. Примѣняясь къ такимъ падежамъ, какъ *желzа, *глазы могло вм. ā получить ē (ѣ), т. е., сохранивъ долготу, но усвоивъ окраску отъ другихъ падежей, ā могло замѣниться черезъ ē. При полномъ примѣненіи огласовки родительнаго къ именительному, могло возникнуть *желzа, *глезы, а далѣе ж е л е з а́. Однако какое-ниб. м о л о к о́ можно вывести изъ основного *мелко, род. млака не иначе какъ при содѣйствіи такихъ формъ, какъ *болто, род. блата — безъ нихъ могло бы возникнуть только млѣко, *млако, *мелако, *мелѣко.

Остановимся теперь на другой особенности русскаго языка, которая также не повторяется въ инославянскихъ языкахъ. Это есть появленіе звука *о* вм. староцерковныхъ ы и звука *е* вм. старо церковнаго н, которое замѣчается передъ *j*. Вмѣсто староцерк. фонемъ мын!, мык мы имѣемъ по-русски м о й!, м о́ й у, а въ какомъ-нибудь родит. падежѣ людии по-рус. является е—л ю д е́ й. Это превращеніе даже не есть общерусское: оно господствуетъ только въ великорусскомъ нарѣчіи, но не въ бѣлорусскомъ и не въ малорусскомъ. Происходитъ такое измѣненіе въ слѣдующихъ случаяхъ. *О* вм. ы является 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат.: з л о й вм. zълын, д о́ б р о й вм. добрын. (Основной великорус. формой слѣдуетъ считать д о б р о й, теперешнее д о б р ы й ореографическій славянизмъ, который впрочемъ и фонетически находитъ себѣ оправданіе, такъ какъ *ы* довольно хорошо изображаютъ тотъ глухой выговоръ, который слышится вм. безударныхъ *о* и *а* въ закрытомъ слогѣ). 2) Мы находимъ такое измѣненіе у нѣсколькихъ глаголовъ, въ настоящемъ времени и въ повелит. наклоненіи; это глаголы: в ы т ь, к р ы т ь, м ы т ь, р ы т ь, н ы т ь. 3) Мы видимъ это измѣненіе въ нѣкоторыхъ родственныхъуказаннымъ глаголамъ существительныхъ; напр. в о й при глаг. в ы т ь, п о р т о м о́ й к а при глаголѣ м ы т ь, з е м л е р о́ й к а при глаг. р ы т ь.

Звукъ *е* вм. **н** является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат., гдѣ мы пишемъ *і*, подобно тому, какъ въ твердомъ различіи пишемъ *ы*, но основнымъ великорус. окончаніемъ слѣдуетъ считать *ей*; напр. си́ней, лу́чшей. 2) Въ родит. над. мн. ч.: людéй, костéй и т. д. 3) Въ настоящ. и повелит. глагола брить: брѣю, брѣй, гдѣ, правда, обыкновенно пишутъ *ѣ*, но совершенно произвольно. 4) Въ повелит. глаголовъ бить, вить, пить, шить. И наконецъ 5) въ нѣкоторыхъ существ.: воробéй, соловéй, муравéй, жéребей, и́ней, змѣй и змѣя́ (въ двухъ послѣднихъ мы пишемъ *ѣ*, но безъ надобности). Изъ указанныхъ случаевъ употребленія *е* вм. **н** нѣкоторые повторяются и въ малорусскомъ, а именно, мы находимъ сущ. соловéй и род. падежи на *е*: свинéй, дітéй, хотя есть также свиний и т. п., и у Бѣлоруссовъ здѣсь является *ей*; но въ большинствѣ случаевъ Малороссы и Бѣлоруссы, какъ уже сказано, согласны съ остальными Славянами.

Въ указанной особенности великорусскаго языка видятъ обыкновенно вторичное звуковое измѣненіе. Однако, еслибы совершился переходъ звука **ы** въ *о* и звука **н** въ *е* передъ j, то не могли бы существовать такія формы, какъ злы́йа, другóйа. Мнѣ кажется (по этому вопросу есть моя статейка въ V т. Р. Ф. В.), что *о* и *е* слѣдуетъ выводить изъ **ъ** и **ь**, которые первоначально чередовались съ **ы** и **н**. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень легко допустить; такъ прилагат. **ꙁълын** имѣло древнѣйшую форму **ꙁълън**; такъ и для **сн҃нн** основная форма есть **сн҃ьн**. Точно также и родит. на **нн** имѣютъ при себѣ дублеты, представляющіе **ьн—людьн**. Существительнымъ на *ей*, какъ съславʼéй, върабʼéй, естественно приписать первоначальное окончаніе **ьн** уже вслѣдствіе бѣглости звука *е* (родит. съславʼjá, върабʼjá). Также у глаголовъ, представляющихъ *е* вм. **н**, мы видимъ бѣглость коренного гласнаго—пью рядомъ съ пей; въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ настоящ. шью, бью, вью. Особое положеніе занимаетъ повелит. лей при наст. лью; его можно бы объяснить изъ **льн**; но, такъ какъ обыкновенное наст. въ старослав. есть **лѣѫ** и повелит. **лѣн** (съ **ѣ**), то здѣсь можно возводить *е* къ **ѣ**. Въ пользу древности **ь** въ указанныхъ случаяхъ говоритъ языкъ чешскій: въ старочеш. языкѣ существуютъ формы bju, pju вм. позднѣйшихъ bîjí,

ріјі. Подобнымъ же образомъ я для глаголовъ съ *о* вм. ы предполагаю наст. и повелит. съ ъ—**мъж, мън.** Можно спросить, конечно, почему тутъ ъ не онѣмѣлъ, находясь въ открытомъ слогѣ. Но сохраненіе ера легко объясняется тѣмъ, что на него падало удареніе, а ударяемый гласный онѣмѣть не могъ. Чередованье ы съ ъ, и съ ь въ корняхъ и суффиксахъ вполнѣ понятно: оно аналогично тому чередованію, которое мы дѣйствительно имѣемъ въ староцерк., напр. въ настоящемъ **ѹтъж** при инфинитивѣ **ѹнстн.** Кромѣ указанныхъ словъ, въ которыхъ переходъ, по-моему мнимый, совершался передъ j, есть одно слово, гдѣ русскій языкъ представляетъ звукъ *о* вм. ы передъ другимъ согласнымъ; это нарѣчіе нонѣ вм. нынѣ. И здѣсь очень легко предположить колебаніе между ы и ъ, т. е. первоначально между ū и ŭ. Мы дѣйствительно по-греч. видимъ νῦ рядомъ съ νῦν, по-санскр. nū и nŭ. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется было **нынѣ** и ***нънь-ѵе,** и впослѣдствіи стали примѣнять одну форму къ другой и говорить не только нонъче, но и нонѣ, нонѣшній. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ моего толкованія можно сослаться на исторію языка: Колосовъ отмѣчаетъ, что ей вм. ій встрѣчается только съ XII или начала XIII вѣка, а ой вм. ый въ XIII, или въ началѣ XIV в. Приблизительно тоже самое говоритъ Потебня: «въ началѣ XIII ст. является ей, которое въ началѣ XIV уже господствуетъ». Мнѣ однако кажется, что эти данныя не мѣшаютъ допустить, что великорусское нарѣчіе своими *о* и *е* восходитъ къ ъ и ь. Писцы могли подъ книжнымъ вліяніемъ предпочитать написанія ы и и—вѣдь еще до недавняго времени у насъ писали злый. Могли такому употребленію буквъ ы и и вм. о и е или же ъ и ь содѣйствовать мѣстные говоры: уроженецъ юга или запада, говорившій, слѣдовательно, языкомъ, который впослѣдствіи развился въ малорусское или бѣлорусское нарѣчіе, конечно, могъ писать *ы* и *и* по свойству своей рѣчи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе явленіе, котораго приходилось касаться уже по другимъ поводамъ — малорусское сжатіе или наклоненіе гласныхъ, при которомъ исконные *о* и *е* переходятъ въ *і*. Наклоненіе или сжатіе имѣетъ мѣсто въ закрытыхъ слогахъ: основное **колъ** даетъ вiл, родит. однако волá; таковы же нiс—нóсу, кiсть—кóсти; лiд (**ледъ**)—

л е́ д у. Это явленіе не во всѣхъ областяхъ Малороссіи вполнѣ одинаково. Прежде всего замѣтимъ, что звукъ *і*, возникающій изъ первоначальнаго *о*, произносится различно: въ говорахъ Галиціи это *і* у м я г ч и т е л ь н о е, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ ѣ; напротивъ того на Волыни и въ Подольѣ оно неумягчительно, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ н; на Украйнѣ оно вообще умягчительно, но лишь слегка умягчаетъ звуки *н* и *л*. Такимъ образомъ въ словѣ л і й, основномъ лон, слогъ лі не совпадаетъ со слогомъ лі въ словѣ л і с, гдѣ і вполнѣ мягкое, въ словѣ же л і й оно тоже мягко, но въ меньшей степени, съ чѣмъ соединенъ также двоякій выговоръ *л*; такимъ же образомъ въ словѣ н і с (н о с ъ) *и* и *н* мягкія, но мягкость не столь значительна, какъ въ словѣ н і́ м е ц ь. Какъ изъ всякаго звукового закона, такъ и изъ этого закона есть исключенія, которыя однако обыкновенно объясняются очень легко и просто. Есть, вопервыхъ, такіе случаи, гдѣ наклоненію подвергаются прояснившіеся ъ и ь, напр. слова́ б р о в а́ (староцерк. бръвь), д р о́ в а́ (дрѣва) образуютъ род. мн. б р і в, д р і в. Очевидно, здѣсь происходитъ подражаніе словамъ со звукомъ *о* исконнымъ; точно такъ же объясняется уменьшит. б р і́ в к а вм. органическаго б р о́ в к а. И полногласное *о* сжатію не подвержено; однако здѣсь также есть, но опять-таки рѣдкія, исключенія: та́къ, слово б о р о н а́ можетъ образовать род. мн. б о р о́ н и б о р і́ н; б е р е́ з а—б е р е́ з и б е р і́ з: очевидно и это і плодъ подражанія. Мы находимъ также иногда *і* вм. *о* въ открытыхъ слогахъ; напр. уменьшит. г в і з д о́ к не должно бы имѣть звука і, а должно бы звучать г в *о* з д о́ к; таково же слово к і л о́ к (кол) и родительные г і р о́ к, к і з о́ к; не ожидали бы мы встрѣтить и уменьшительнаго второй степени н і́ ж е ч к а къ слову н о г а́. Однако всѣ эти формы объясняются вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ формъ; именно, г в і з д о́ к и к і л о́ к взяли свое *і* у косвенниковъ—г в і з д к а́, к і л к а́, г в і з д к у́, к і л к у́ и т. д.; род. к і з о́ к основывается на законномъ сжатіи въ остальныхъ падежахъ—к і́ з к а, к і́ з к и и т. д.; уменьшит. второй степени н і́ ж е ч к а взяло свое *і* отъ уменьшит. первой степени н і́ ж к а. Есть также нѣкоторыя исключенія въ другую сторону—случаи сохраненія *о* и *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ихъ превращенія. Это должно отчасти объясняться книжнымъ вліяніемъ. Таково слово Б о г, которое, впрочемъ, встрѣчает-

ся и въ формѣ Бі г, напр. да́сть Біг, помога́й Біг, спаси́бі. Съ такимъ же книжнымъ *о* является слово год (настоящее малорусское названіе года есть рік—поль. rok), при производномъ погі́дчата (дѣти-погодки); таковы же слова́ Госпо́дь, дом (дом по-малорус. ха́та), гром, рядомъ съ которымъ есть и грім. Далѣе исключенія представляютъ нѣкоторыя глагольныя формы: веде́ш, веде́цця, гдѣ, очевидно, было вліяніе другихъ лицъ, напр. 3-го л. безъ суффикса—веде́.

По сравненію съ другими славян. языками слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что малорус. *і* вм. *о* и *е* восходитъ къ первоначальной долготѣ, т. е. что первоначально происходило въ закрытыхъ слогахъ продленіе, и потомъ уже это количественное измѣненіе повело къ качественному.

Подобное же сжатіе, какъ въ въ малорусской рѣчи, существуетъ въ языкахъ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ и сербскомъ. Притомъ въ сербскомъ языкѣ дѣйствительно является долгота, точно также и въ чешскомъ, только чешская долгота соединена и съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Не пускаясь въ подробности, отмѣчу серб. Бо̄г—Бо̑га, лѣ̄д—лѣ̑да (или, употребляя знаки сербскихъ словарей и грамматикъ, Бо̂г—Бо̑га, лѣ̂д—лѣ̑да); по-чешски мы имѣемъ Bů̊h—Boha. Въ чешскомъ мы видимъ ū, которое по этимологическимъ соображеніямъ обозначается черезъ ů̊, въ болѣе старомъ языкѣ здѣсь былъ дифтонгъ uo, еще раньше—ō.

Также и малорусское сжатіе м. б. проходило черезъ эти ступени. Дѣло въ томъ, что въ областной малорусской рѣчи существуютъ дифтонги уо, уе, уа, уі, также просто у и ў; такіе дифтонги и монофтонги встрѣчаются въ разныхъ областяхъ: въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ковенской, Черниговской, на Угорской Руси. Потебня, Житецкій и Огоновскій, видя въ этихъ звукахъ остатокъ старины и думая, что они представляютъ переходныя ступени отъ ō къ теперешнему і, строятъ длинный рядъ переходовъ. Я затрудняюсь съ ними согласиться и не считаю нужнымъ приводить ту послѣдовательность, въ которой они располагаютъ этотъ переходъ звуковъ. Въ говорахъ, представляющихъ дифтонги вм. *о*, тѣ же дифтонги замѣняютъ и первоначальное *е*, только что предшествующій согласный мягокъ; напр. тамъ, гдѣ говорятъ

в у о л вм. в і л, тамъ также говорятъ и л̀ у о д вм. л і д. Поэтому указанные ученые и сжатіе *e* проводятъ черезъ тѣ же ступени, какъ сжатіе *o*. Потебня, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ *e* стояло передъ согласнымъ мягкимъ, такъ что трудно предположить разширеніе его въ *o*, напр. к а́ м і н̀, к а́ м е н̀ а: здѣсь Потебня выводитъ *i* прямо изъ *e*. Мнѣ казалось бы, къ чему склоненъ и Ягичъ, что естественнѣй выводить *i* изъ *e* и *o* безъ посредства дифтонговъ, считая дифтонги побочнымъ явленіемъ областной рѣчи. Но, и не проводя звука *e* черезъ всѣ эти ступени, всетаки можно объяснять ими *i* на мѣстѣ *o*. Въ пользу дифтонговъ говоритъ обычность передъ сжатымъ *o* п р и з в у к а: подвергшееся сжатію начальное *o* всегда имѣетъ передъ собой *в*, напр. слово о к н о́ звучитъ в і к н о́, слово о в е́ ц ь (род. мн.) стоитъ при именит. в і в ц я́; о р е́ л образуетъ род. в і р л а́. Съ одной стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что звукъ *в* не могъ развиться фонетически передъ *i*, а съ другой—первая часть дифтонга *уо* легко могла перейти въ *в*. Можно думать, что изъ основного ōрла́, которое мы имѣемъ въ серб. языкѣ (имен. о̀ р а о, род. о́ р л а), развилась форма у о р л а́, перешедшая сначала, смотря по тому, предшествовалъ ли гласный звукъ или согласный, въ в о р л а́ и і р л а́, а затѣмъ, какъ плодъ сдѣлки между этими двумя фонемами, появился выговоръ в і р л а́. Въ виду показанія другихъ славянскихъ языковъ, мнѣ кажется, надо возводить начатки продленія въ закрытомъ слогѣ звуковъ *o* и *e* къ праславянской порѣ, т. е. надо думать, что подъ конецъ этого періода началось ослабленіе ъ и ь, рука объ руку съ которымъ шло усиленіе другихъ е́ровъ и ерей и продленіе чистыхъ гласныхъ въ предшествующихъ слогахъ—въ реченіяхъ с ъ н ъ, д ь н ь, д о м ъ, л е д ъ конечный слогъ ослабѣвалъ, а начальный усиливался. Объ этомъ нѣсколько подробнѣй говорится въ моей «Славянской акцентологіи», въ дополнительной главѣ о количествѣ. Предположивъ, что продленіе началось еще въ праславянской рѣчи, естественно думать, что оно должно было существовать и въ основномъ русскомъ языкѣ. Я склоненъ предполагать, что какое-нибудь слово н о с въ основномъ рус. представляло ō; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что вмѣсто срединнаго ъ въ такихъ случаяхъ было ŏ напр. с ŏ н; соотвѣтственно тому л ē д представляло ē, а д е н ь—ĕ. (Возможно, конечно, что

въ основномъ русскомъ уже не было долготы, а что она была замѣнена качественнымъ измѣненіемъ гласнаго). Держась такого мнѣнія, я долженъ допустить, что, тогда какъ въ малорусской рѣчи фонемы съ продленными или же нѣсколько измѣненными въ качественномъ отношеніи звуками *о* и *е* продолжали развиваться фонетически и дошли до звука *і*, въ великорусской онѣ были устранены путемъ подражанія: л е д и н о с утратили свои долгія или своеобразныя *о* и *е*, заимствовавъ краткія или обыкновенныя *о* и *е* у косвенниковъ. Такимъ образомъ малорусское сжатіе представляетъ слѣды древняго количества, м. б., правда, не русскаго, а только праславянскаго. Въ пользу того, что долгота существовала и въ самомъ русскомъ, можно сослаться на нѣкоторыя областныя формы. Кое-гдѣ (въ Гродненской и Ковенской губ.) слышится, будто-бы, вмѣсто сжатаго *о* просто ō; если это вѣрно, то въ этомъ можно видѣть глубокій архаизмъ.

Въ обыкновенной русской рѣчи настоящаго к о л и ч е с т в а не существуетъ; мы видѣли, впрочемъ, что безударные гласные представляютъ количественные оттѣнки: что они неодинаково кратки. Существуетъ далѣе, въ областной рѣчи, какая-то д о л г о т а, о которой, однако, свѣдѣнія весьма скудны. Колосовъ въ Вятской губерніи подмѣтилъ случаи долготы, не зависящей, по его мнѣнію, отъ ударенія. Онъ приводитъ напр. глаголъ синѣ́ти, сущ. о́зеро, нарѣчіе пожа́луйста̄, глаг. возѝтӣ. Указанная долгота едва ли можетъ быть признана древнею, потому что сербскій языкъ въ этихъ случаяхъ (по скольку имѣетъ такія слова) представляетъ краткость: језеро, вòзити, гòр-је-ти. Весьма немногочисленныя фразы, приводимыя Колосовымъ, указываютъ на логическій характеръ этого продленія: «не берутъ то вѣдь ӯжъ, молодые-то не берӯтъ», тутъ видимо продленіе представляетъ риторическій пріемъ. Уже несомнѣнно риторическимъ характеромъ отличается та долгота, которая слышится въ обыкновенной русской рѣчи. Такъ, при удивленномъ вопросѣ мы, кажется мнѣ, употребляемъ восходящее ударе-ніе, сопряженное съ долготой: спрашивая напр. «зачѣ́мъ это?» «когда́ это было?» мы протягиваемъ ударяемый гласный и, кажется, повышаемъ голосъ на второй части. Обыкновенно однако русскіе ударяемые гласные—средней длительности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ ударяемые гласные б о л ѣ е к р а т к і е,

получающіе притомъ удареніе, похожее на рѣзкое удареніе сербскаго языка и на краткостное—нѣмецкаго. Такой выговоръ гласнаго—краткій съ рѣзкимъ удареніемъ—сопряженъ съ усиленіемъ слѣдующаго согласнаго, которое на письмѣ выражается удвоеніемъ согласной буквы. Можно подобрать довольно много прилагательныхъ съ окончаніемъ нный: бра͡ннъй, бр̓ä͡ннъй, в̓ис̓е-н̓н͡ьй, со͡ннъй, д̓л̓ӥ͡ннъй, палы̏͡ннъй, т̓ш̓угӱ͡ннъй. Подобнымъ же образомъ слышится рѣзкое *о* въ словѣ пӧ͡дданъй; точно такъ же въ прилаг. низшій (гдѣ мы пишемъ *з*ш, а этимологически должно бы писать *ж*ш, фонетически—*ш*ш) мы имѣемъ *и* съ рѣзкимъ удареніемъ—н̓ӥ͡шшъй; точно такъ же въ прилаг. вы̏͡шшъй слышатся *ы* съ рѣзкимъ удареніемъ, а въ словѣ бӱ͡тта—*у* съ такимъ же удареніемъ. Само собой разумѣется, что все дѣло въ произношеніи: иногда мы на письмѣ не обозначаемъ усиленія согласнаго, но въ рѣчи соблюдаемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произносимъ рѣзкое удареніе. Таково слово поручик, этимологическое написаніе котораго было бы -чщикъ, а фонетическое -т̓т̓ш̓ш̓ик, таково нарѣчіе фпрӧ̏т̓т̓ш̓ш̓им. Такое же удареніе является во 2-мъ л. ед. ч. и въ 3 л. обоихъ чиселъ, равно какъ въ неокончательномъ возвратныхъ глаголовъ, такъ что получаются окончанія -ат͡тсса, -ӓ̏т͡тса, -ӥт͡тсса, -ӧт͡тсса, -ӱт͡тсса, -ы̏т͡тсса, -ӥс̓с̓а, -ӧ̏с̓с̓а; такимъ образомъ является выговоръ стара̏т͡тсса, гр̓ӓ̏т͡тсса, ръз̓л̓итат͡тсса, ст̓р̓им̓ӥт͡тсса (въ послѣдней фонемѣ совпадаютъ инфинитивъ и однинное третьеличье настоящаго), (он) н̓ис̓ӧ̏т͡тсса, (ани) н̓исӱ̏т͡тсса, мы̏т͡тсса, (ты) н̓ис̓ӧс̓с̓а, (ты) ст̓р̓им̓ӥс̓с̓а. Также и наоборотъ, когда согласныя буквы удваиваются, но въ произношеніи этого удвоенья не соблюдается, то предшествующій гласный не становится рѣзкимъ—такъ напр. слово классъ, гдѣ мы пишемъ два *с*, но произносимъ одинъ, не имѣетъ рѣзкаго ударенія.

По поводу количества я коснулся вопроса объ удареніи; скажу теперь нѣсколько словъ о его мѣстѣ, чѣмъ и закончу свой очеркъ фонетики гласныхъ. Русское удареніе, какъ извѣстно, не связано

никакими общими законами и можетъ падать на любой слогъ—русская акцентовка, по моей терминологіи, есть разномѣстная-вольная. Въ другихъ языкахъ бываетъ акцентовка одномѣстная; такова чешская, напирающая всегда на начальный слогъ; другія акцентовки, будучи разномѣстными, могутъ быть разномѣстными-связанными, т. е. представляющими ограниченную свободу; такова напр. греческая акцентовка, которая держится въ границахъ конечнаго слога и двухъ ему предшествующихъ, и притомъ связана еще извѣстными количественными ограниченьями. Вольную акцентовку среди славянскихъ языковъ представляютъ еще сербскій, словенскій и болгарскій. Впрочемъ, можно сказать, что и въ русскомъ языкѣ удареніе обыкновенно падаетъ на три послѣдніе слога, какъ въ греческомъ, уже потому, что односложныя, двусложныя и трехсложныя слова составляютъ въ языкѣ большинство, да и во многосложныхъ удареніе не разъ падаетъ на одинъ изъ этихъ трехъ слоговъ. Итакъ, русское удареніе чаще всего приходится на одинъ изъ трехъ конечныхъ слоговъ. Нерѣдко, однако, оно падаетъ на четвертый съ конца, иногда и на пятый; встрѣчается удареніе на шестомъ, на седьмомъ, пожалуй, даже на восьмомъ слогѣ отъ конца, но оно составляетъ уже рѣдкость. На удареніе въ предѣлахъ трехъ конечныхъ слоговъ приводить примѣровъ не стоитъ, такъ оно обычно. На 4-мъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слѣдующія слова: ви́сѣлица, су́кровица, о́колотень, глагольныя формы опи́сываю, отдѣ́лываю, разска́зываю, портня́жничаю, разбо́йничаю, прилагательныя на -и́тельный въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. снисходи́тельная, -наго; на пятомъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слова: взя́точничество, вы́брошенные, глаго́льныя формы (вы) разска́зываете, (что́ вы) подѣ́лываете. Удареніе на шестомъ слогѣ, еще болѣе рѣдкое, представляютъ напр. о́боротничество, заи́мствованіями, Все́володовичи; такую акцентовку имѣетъ цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся, напр. обнару́живающійся, скра́дывающійся, воспи́тывающійся. Еще рѣже встрѣчается удареніе на седьмомъ слогѣ; примѣромъ можно взять, служившее намъ уже раньше примѣромъ, отчество Всеволодовичи въ твор. пад.: Все́володовичами, и нѣкоторые падежи прича-

стій на -и в а ю щ і й с я, -ы в а ю щ і й с я, напр. с к р а́ д ы в а ю щ і е с я. На восьмомъ слогѣ удареніе имѣетъ одно только слово, и то, если не сокращать его окончанія -іе въ -ье, это—в ы́ б а л о т и р о в а н і е. Примѣровъ на удареніе на пятомъ, шестомъ и седьмомъ слогѣ съ конца можно подобрать довольно много, однако при этомъ замѣчается, что слова такого рода—книжныя, искусственныя, чаще всего—причастія. Считая отъ н а ч а л а слова, удареніе также чаще всего приходится на первый, на второй, или третій слогъ, рѣже на четвертый, весьма рѣдко на пятый, или на шестой. Удареніе, падающее на четвертый слогъ отъ начала, мы видимъ напр. въ слѣдующихъ словахъ: в о р о т н и к и́, и н с п е к т о р а́, п е р е п л е с т и́, удареніе на пятомъ слогѣ: с о р о к о в и к и́, п е р е п о л о ш и́ т ь, (о н а) п е р е в е д е н а́; на шестомъ: п е р е г о в о р е н о́, о т р е к о м е н д о в а́ т ь. На седьмомъ слогѣ имѣемъ удареніе въ одномъ искусственномъ словѣ—в ы с о к о п р е в о с х о д и́ т е л ь с т в о; однако здѣсь удареніе соединено со второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. То же второстепенное удареніе замѣчается въ сложныхъ словахъ, съ удареніемъ на шестомъ слогѣ: м а̀ л о р а с п р о с т р а н е́ н н ы й, о̀ б щ е у п о т р е б и́ т е л ь н ы й—слова эти также искусственныя.—Русскій языкъ въ дѣлѣ ударенія представляетъ немало мѣстнаго разнообразія, но въ большинствѣ случаевъ слова акцентуются одинаково во всей Великой и даже Бѣлой и Малой Россіи [1]).

---

[1]) Подробнѣе говорится объ удареніи въ моемъ не разъ уже цитованномъ Начертаніи славянской акцентологіи; кое-что указано и въ этихъ лекціяхъ на стр. 1, 36, 72—73, 75—78.

Согласные звуки.

Характерную особенность русскаго консонантизма составляетъ сильное развитіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (по терминологіи Грота—дебелыхъ и тонкихъ). Въ другихъ европейскихъ языкахъ господствуютъ согласные средніе. Такъ напр. твердое *т* въ прилагательномъ тóмный представляетъ рѣзкую противуположность мягкому *т* прилагательнаго тёмный, а нѣмецкое *t* какого-нибудь Tonne бочка стоитъ между ними по серединѣ. Даже остальные славянскіе языки—за исключеніемъ польскаго и, кажется, лужицкаго—не знаютъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ русскій. Съ другой стороны, у остальныхъ славянъ не такъ развита мягкость [1]). У Поляковъ (сравнительно весьма богатыхъ мягкими согласными) не бываютъ мягкими ch, t, d и r: первое вслѣдствіе сохраненія имъ исконной твердости, напр. muchy, а не мýх'и, какъ по-русски; вторыя два вслѣдствіе перехода мягкихъ t и d въ ć и dź, напр. pić, dzień, а r — вслѣдствіе превращенія его въ болѣе-менѣе твердый шипящій звукъ (первоначально *рж*, *рш*, теперь просто *ж*, *ш*), напр. morze (гдѣ rz=*ж*), krzyk (гдѣ rz=*ш*). Подобнымъ же образомъ Нижніе лужичане не знаютъ мягкихъ ch, h: говорятъ напр. muchy, hykawa (икота), не знаютъ также мягкихъ t, d, которыя перешли

---

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи допущены нѣкоторыя неточности, во избѣжаніе неумѣстныхъ здѣсь подробностей изъ инославянскихъ фонетикъ. Между прочимъ я предпочелъ вовсе не упоминать о Болгарахъ.

въ ś, ź, напр. piś, źeń. У Верхнихъ лужичанъ мы не находимъ t′, d′, ś, ź, l′: первыя два превратились въ ć, dź, напр. pić, dźeń, остальныя три отвердѣли—s и z вполнѣ, напр. sywy сивый, zyma зима, l—до средняго выговора, напр. ludźo (**людніе**). Чехи знаютъ мягкость только у трехъ согласныхъ: t, d, n, напр. tělo, děd, něco (нѣчто). Сербы имѣютъ четыре мягкихъ звука љ, њ, ћ и ђ, напр. крâљ, кȍњ, нȏћ, мѐђа. Словенцы умягчаютъ лишь два согласника: l и n, напр. kralj, konj.

Въ русскомъ же языкѣ всѣ согласные, за коими первоначально слѣдовали **є**, **ь**, **ѣ**, **и** или **ѧ**—бываютъ мягки: мы видѣли въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ, что русскіе *е* и *и* звуки «умягчительные», что **ѧ** перешелъ въ *'a*, и что онѣмѣвшій **ь** оставилъ по себѣ мягкость [1]). Изм. Ив. Срезневскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе наши слависты, понимали меньшее количество мягкихъ согласниковъ въ инославянскихъ языкахъ какъ утрату сохраняемой русскою рѣчью старины, такъ что говорили объ «ослабленіи» въ этихъ языкахъ мягкости и твердости. Однако гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагать у всѣхъ славянъ уклоненіе отъ старины, только въ разныя стороны: тогда какъ у однихъ мягкость и твердость уменьшалась, у другихъ она увеличивалась. Въ Старославянскомъ несомнѣнно могли умягчаться всего три согласныхъ **л**, **р** и **н**, мягкость которыхъ обозначалась на письмѣ посредствомъ іотированныхъ гласныхъ, а иногда посредствомъ ка́моры (ˆ): **полѥ**, **полѧ**, **полю**, **по̑лн**, **по̑лъ**; **морѥ**, **морѧ**, **морю**, **мо̑рн**, **мо̑рь**; **сни̑ь**, **сниѧ**, **сниѥ**—умягченіе произошло подъ вліяніемъ нѣкогда входившаго въ составъ окончаній j. Тѣ же л̓, р̓, н̓ слѣдуетъ предполагать и въ праславянской рѣчи, гдѣ, кромѣ того, должны были звучать мягко ж, ш, ч, ждж (=ж̓д̓ж̓), щ (=ш̓т̓ш̓), ц (=т̓с̓) и s (дз̓), напр. б о ж̓е!, д у ш̓е!, о т ь ч̓е!, д ъ ж̓д̓ж̓ь, р о ш̓т̓ш̓а, р ж ц̓ ѣ, н о s̓ѣ. Возможно, что такъ было и въ старославянскомъ (это предполагаютъ на основаніи весьма обычнаго употребленія въ такихъ случаяхъ бук-

[1]) Тамъ же отмѣчены и нѣкоторыя (вторичныя) отступленія отъ общаго закона.

вы **ю: мѫжю, бывъшю, отьцю** и т. п.), но навѣрное сказать этого нельзя [1]).

Итакъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ староцерковномъ и въ праславянскомъ языкѣ согласные передъ всякимъ **є, ь, ѣ, ѧ** и **и** были мягки. Даже въ общерусскомъ, въ виду малорусской твердости слоговъ т е, т и, д е, д и, и т. д., удобнѣе предположить передъ узкими гласными с р е д н і й выговоръ. Противъ праславянской мягкости нѣкоторыхъ слоговъ можно привести фонетическія соображенія. А именно, зубные *с, з, т* и *д* не могли бы въ такомъ случаѣ удержаться, а подверглись бы превращенію въ **ш, ж, шт** и **жд**: вмѣсто **село, ꙁемлꙗ, тѧжькъ, дьнь** явились бы **шело, жемлꙗ, штѧжькъ, ждьнь**. (По-русски было бы вм. т̓а́шкъй—т̓ш̓а́шкъй, вм. д̓єн̓—жєн̓; у другихъ славянъ еще иначе). Также губные въ такомъ положеніи у южныхъ и у восточныхъ славянъ потерпѣли бы нѣкоторое измѣненіе: вмѣсто **бити, перо, вьсь, мѧсо**, стали бы говорить **блити, плеро, вльсь, млѧсо**. Не предполагая такимъ образомъ для праславянскаго языка мягкости согласныхъ передъ всѣми узкими гласными, мы съ другой стороны не можемъ приписать имъ вездѣ одинаковое произношеніе; а должны думать, что у Праславянъ, смотря по широкости или узости слѣдующаго гласнаго, появлялись такіе же оттѣнки, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ звукъ t въ словѣ Theer деготь мягче чѣмъ въ словѣ Thor ворота, а въ словѣ Thier животное еще мягче чѣмъ въ Theer. Умягченіе (въ большей или меньшей степени) является естественнымъ слѣдствіемъ того, что переходъ отъ твердаго согласнаго, образуемаго съ расширенною устною полостью, къ узкому гласному весьма неудобенъ.

Сильно развивши мягкость и твердость, русская рѣчь почти не знаетъ согласныхъ с р е д н и х ъ. Таковые слышатся въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально твердый согласный (имѣвшій когда-то за собою ъ), или же склонный къ отвердѣнію губной подвергся такъ сказать половинному примѣненію къ слѣдующему мягкому, напр. к̓н̓и́га, первонач. **кънига**, л о́в̓л̓а; нѣкоторые согласные (ж, ш и ц) бываютъ средними и передъ гласными—срв. стр. 9.

---

[1]) См. мой разборъ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина.“ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., іюль, стр. 185.

Представлю теперь таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, къ которой присоединю замѣчанія на счетъ принятой въ этой таблицѣ классификаціи и терминологіи, а также на счетъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ.

Согласные

		Мгновенные			Протяжимые		
		Ротовые		Носовые	Проточные		Дрожащіе
		Безголосные	Голосовые		Безголосные	Голосовые	
Заднеязычные	Тв.	к: как	г: га́га	—	х: краха́	в: бла́ва	—
	Ср.	к̓: к̓ни́га	г̓: г̓ни́ти!	—	х̓: вздахн̓и́ти!	в̓: в̓да́	—
	Мяг.	к̓: к̓и́сл̓	г̓: г̓ил̓	—	х̓: с̓тих̓и́	j: а бла́јä	—
Передненебные	Тв.	—	—	—	ш: шар	ж: жар	р: рак
	Ср.	—	—	—	ш̓: ш̓ес̓т	ж̓: ж̓ес̓	р̓: р̓ви!
	Мяг.	—	—	—	ш̓: зд̓е́ш̓н̓ый	ж̓: пр̓е́ж̓н̓ый	р̓: р̓а́са
Зубные	Тв.	т: так	д: дар	н: нос	с: сон	з: зуп	л: ла́па
	Ср.	т̓: т̓ри	д̓: д̓ран̓	н̓: званк̓и́	с̓: ус̓н̓и!	з̓: з̓л̓у́ка	л̓: пал̓к̓и́(?)
	Мяг.	т̓: т̓ен̓	д̓: д̓ен̓	н̓: н̓а́н̓а	с̓: с̓о́мга	з̓: з̓а́бнут̓	л̓: л̓а́мка
Зубогубные	Тв.	—	—	—	ф: фо́фън	в: вол	—
	Ср.	—	—	—	ф̓: ва́ф̓л̓и	в̓: дро́в̓н̓и	—
	Мяг.	—	—	—	ф̓: ф̓е́д̓а	в̓: в̓ол	—
Губные	Тв.	п: пол	б: бок	м: мох	—	—	—
	Ср.	п̓: л̓о́п̓н̓и	б̓: гра́б̓л̓и	м̓: ка́м̓н̓и	—	—	—
	Мяг.	п̓: п̓ен̓	б̓: б̓ас	м̓: м̓ел̓	—	—	—

Мгновенные согласные иначе называются взрывными, или смычными: термины эти выставляютъ разныя стороны образованія этихъ звуковъ, при которомъ во рту происходитъ сомкнутіе органовъ, а затѣмъ мгновенный разрывъ ихъ выпускаемою струею воздуха. Словомъ «протяжимые» я замѣняю употребляемыя другими «протяжные» и «длительные», потому что звуки этого рода обыкновенно вовсе не протягиваются, а только спо-

собны къ протяженію. Гротъ, весьма удачно назвавшій мгновенные звуки «смычными», противуполагаетъ имъ протяжимые какъ «проторные», ибо при образованіи ихъ воздухъ такъ сказать протирается черезъ тѣснину между не совсѣмъ сомкнутыми органами. Термина «проторные» я не усваиваю себѣ потому, что онъ слишкомъ похожъ на другой терминъ «проточные» употребляемый мною при подраздѣленіи протяжимыхъ звуковъ. Названіе «проточные» указываетъ на то́, что воздухъ какъ бы плавно протекаетъ по устной тѣснинѣ, тогда какъ при образованіи «дрожащихъ» языкъ приходитъ въ дрожательное движеніе [1]). Мгновенные согласные въ нашей таблицѣ подраздѣлены на «рото́вые» и «носовые». «Рото́вые» согласные образуются въ одной лишь рото́вой полости, которая бываетъ отдѣлена отъ носовой посредствомъ поднятія небной занавѣски; при «носовыхъ» же воздухъ выпускается и въ ротъ и въ носъ: носовая полость даетъ свой особый резонансъ, а во рту происходитъ то же сомкнутіе органовъ, какъ для звука *д* (при чемъ получается *н*), или какъ для *б* (тогда получается *м*). Носовой резонансъ есть элементъ протяжимый и придаетъ носовымъ согласнымъ нѣкоторую протяжимость—ихъ поэтому обыкновенно и относятъ къ звукамъ длительнымъ; что̀ на мой взглядъ, въ виду участія въ нихъ мгновенныхъ элементовъ *д* и *б*,—невѣрно [2]).

Изъ согласныхъ названныхъ въ таблицѣ «задненёбными» одни вполнѣ заслуживаютъ это названіе, т. к. при нихъ задняя часть языка подымается къ заднему нёбу; другіе точнѣе могли бы быть названы средненёбными, т. к. дѣйствуютъ среднее нёбо и средняя часть языка. Конечно, между задненёбными и средненёбными нельзя провести точной границы. Нашимъ задненёбнымъ

---

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что названіе „плавныхъ,“ которымъ я выше (напр. стр. 68) по привычкѣ пользовался для звуковъ *р* и *л*, лучше подходитъ къ другимъ протяжимымъ, нежели къ нимъ. Еще менѣе оно подходитъ къ *н* и къ *м*, которые въ греческой и латинской грамматикѣ также называются плавными.

[2]) Думаю такъ на перекоръ Зиверсу (Eduard Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1881, S. 45, Anm. 2), который отвергаетъ сходное съ моимъ мнѣніе „индусовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ“.

согласнымъ обыкновенно даютъ неточное, хотя болѣе краткое и удобное названіе «гортанныхъ».

Изъ звуковъ «передненёбныхъ» (при коихъ кончикъ языка приближается къ переднему нёбу) *ж* и *ш* носятъ удобное и характерное названіе «шипящихъ».

«Зубные» не вполнѣ заслуживаютъ своей клички: они образуются поднятіемъ кончика языка къ верхней челюсти. Протяжимымъ проточнымъ зубникамъ *с* и *з* присвоено особое названіе «свистящихъ».

«Зубногубные» образуются при сближеніи верхнихъ зубовъ съ нижнею губой.

При «губныхъ» производится сомкнутіе и затѣмъ разрывъ губъ.

Дѣленіе согласныхъ на «безголосные» и «голосовые» [1]) основано на участіи въ ихъ образованіи *голосовыхъ струнъ*. При образованіи голосовыхъ согласниковъ голосовая щель на столько сужена натянутыми голосовыми струнами (горловыми связками), что проходящій воздухъ приводитъ эти струны въ дрожательное движеніе, при образованіи безголосныхъ—воздуху предоставленъ свободный проходъ и струны остаются въ покоѣ. Голосовые согласные иначе называются «звучными», «звонкими», «ясными», «громкими», а безголосные—«отзвучными», «беззвучными», «глухими», «тихими», «шопотными» [2]). Согласные носовые и дрожащіе, по участію голосовыхъ струнъ принадлежатъ къ голосовымъ, но не названы такъ въ таблицѣ, потому что не имѣютъ соотвѣтственныхъ безголосныхъ; къ этому положенію впрочемъ ниже будетъ сдѣлана нѣкоторая оговорка.

«Мягкость» согласныхъ, о коей рѣчь была уже ранѣе, съ физіологической стороны состоитъ въ томъ, что при образованіи согласнаго средняя часть языка приближается къ среднему нёбу и губы складываются въ узкое отверстіе, какъ для гласнаго і и родственнаго ему согласнаго j; иначе говоря, одновременно съ другимъ согласнымъ произносится j, который примѣшивается къ этому дру-

---

[1]) Это термины Я. К. Грота.

[2]) Встрѣчаются также названія „мягкіе“ и „твердые“, взятые изъ школьной терминологогіи Нѣмцевъ, весьма неудачныя, да и употребляемыя нами уже въ иномъ значеніи.

гому согласному и такъ сказать пропитываетъ его насквозь. Мѣсто образованія согласныхъ задненёбныхъ, передненёбныхъ и верхнечелюстныхъ («зубныхъ») при умягченіи ихъ приближается къ среднему нёбу—первыя изъ задненёбныхъ становятся прямо средненёбными. Умягченіе же губныхъ и зубногубныхъ представляетъ совсѣмъ особую артикуляцію: нижняя губа съ верхней губой или съ верхними зубами произносятъ *п*, *б*, *ф*, *в*, а языкъ въ то же время произноситъ *j*. Противоположная мягкости твердость состоитъ въ отсутствіи іотовой примѣси, въ образованіи согласнаго по-дальше отъ средняго нёба и въ широкомъ растворѣ губъ.

Въ частности о согласникахъ задненёбныхъ замѣтимъ слѣдующее. Въ праславянской, да еще и въ общерусской рѣчи звуки *к*, *г*, *х*, дѣйствительно всегда были задненёбными, и за ними всегда слѣдовали широкіе гласные. И въ настоящее время *к*, *г*, *х* средненёбныя встрѣчаются обыкновенно лишь передъ звукомъ *і*, на мѣстѣ котораго въ старину стояли ы, напр. к'и́слъй, г'и́бнут̓, х'и́тръй; саро́к'и, слу́г'и, му́х'и — первоначально кы́слъи, гы́бнути, хы́тръи; соро́кы, слу́гы, му́хы; рѣже, а именно (если не считать пришлыхъ словъ) только въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ, являются сочетанія *к'е*, *г'е*, *х'е*: к'ӓм, рук'ӓ, наг'ӓ, блах'ӓ—случаи, въ коихъ старинный языкъ производилъ смягченіе *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с*. Мягкое *к* передъ *а* мы произносимъ исключительно въ весьма извѣстномъ названіи китайскаго города Кя́хты [1]). Однако слогъ к'а, а также к'о, к'у не рѣдко слышатся въ областной великорусской рѣчи (преимущественно въ южной—Курской, Орловской, Воронежской), вслѣдствіе уподобленія предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. кап̓е́йк'а, ш̓а́пъ т̓͡ш̓к'а, вин. -йк'у, -т̓͡ш̓к'у; т̓͡ш̓ейк'у́, т̓͡ш̓ейк'о́м. Совершенно однородны съ этими во́логодскіе (значитъ, сѣверно-великорусскіе) примѣры у Никанора Бѣлоруссова [2]): поскорёшенькю, травонькя, цьвѣтичькяхъ и т. п. Одну судьбу со зву-

---

[1]) На письмѣ представляетъ подобное-же сочетаніе слово гяуръ, но т. к. мы ударяемъ на *у*, то здѣсь не произносимъ звука *а*.

[2]) Н(иканоръ) Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Варшава 1887, стр. 26=Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 218.

комъ *к* послѣ мягкихъ должны были имѣть *х* и *г*, но такія сочетанія 1) весьма рѣдки: на *х* мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ с в е р ь х ю (Собол. Лекціи, изд. 1 стр. 92, изд. 2—116) и даже предположить я, кромѣ другихъ надежей того же слова в е р х ъ, могу лишь одно еще о́ л х'а; на *г* я вовсе не знаю примѣровъ, а предположительно могу указать слова в о л ь г о́ т н о, д е н ь г а́, с е р ь г а́, п у с т е л ь г а́ (ятребокъ Falco tinnunculus) и 'О л ь г а. 2) Въ тѣхъ говорахъ, коимъ по преимуществу свойственно занимающее насъ явленіе, звукъ *г* подвергся такому измѣненію, что едвали можетъ переходить въ г'. См. ниже. Т. к. въ старославянскомъ не существовало сочетаній **кь, гь, хь**, то естественно въ русскомъ языкѣ не встрѣчается к', г', х' въ изглашеніи, или передъ согласными. Впрочемъ слово в є р х, вслѣдствіе того-же уподобленія, которое повело къ выговору с в е́ р х'у, м. б. произносится также в є р х'.—Возникновеніе мягкихъ (средненёбныхъ) *к, г, х* Потебня относитъ приблизительно къ XIV вѣку, Соболевскій же возводитъ начало его къ XII вѣку; установленіе здѣсь хотя бы приблизительной даты едвали возможно, ибо съ одной стороны могли сохранять **кы, гы, хы** какъ наслѣдственное правописаніе, а съ другой стороны написанія **кн, гн, хн** могутъ указывать не на мягкіе, а на средніе слоги, каковые до сихъ поръ слышатся у малороссовъ и должны быть предположены какъ переходная ступень отъ **кы, гы, хы** къ *к'и, г'и, х'и*.

Задненёбный проточный и безголосный звукъ *х* въ зачинѣ является въ менѣе сильномъ видѣ нежели внутри слова и въ исходѣ: зачинное *х* приближается къ нѣмецкому h [1])—сравнимъ первое *х* со вторымъ въ словахъ х о́ х ъ т, х а х о́ л, х'и х'и́ к а т.

Соотвѣтственный звуку *х* голосовой звукъ в [2]) господствуетъ въ нарѣчіяхъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ, а также въ Южновеликорусскомъ говорѣ (за исключеніемъ Московскаго разнорѣчія), напр. в о с т, в у с, в р а д (в р а т), н о в а́ (н а в а́) и т. д. Возможно, что

---

[1]) Нѣмецкое h—гортанное и образуется посредствомъ суженія голосовой щели.

[2]) Насчотъ нашего обозначенія этого звука срв. стр. 7, пр. 2. См. таку Грота въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія", изд. 2, по указателю, стр. 412—413.

разсматриваемый звукъ не всегда и не вездѣ одинаковъ и можетъ приближаться къ нѣмецкому h, знакомъ котораго принято передавать его въ латинской транскрипціи; но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не слышится настоящаго h, и соотвѣтственный нѣмецкій звукъ есть не h, а g въ словахъ Wage вѣсы, Bogen дуга и т. п., по сѣверно-нѣмецкому произношенію. Мгновенное *г* въ рѣчи Малороссовъ, Бѣлоруссовъ и Южныхъ великороссовъ является лишь какъ плодъ уподобленія звука *к* слѣдующему голосовому согласнику, напр. по-малорусски г̇ б̇и́ с у, по-бѣлорусски г ва р̇ӓ: Малороссы и Бѣлоруссы имѣютъ однако звукъ *г* въ нѣкоторыхъ словахъ заимствованныхъ съ польскаго, напр. г р у н т, га́ н о к (крыльцо, галлерея),=польскимъ, первоначально нѣмецкимъ grunt, ganek. Для этого *г* въ малорусской и бѣлорусской письменности, съ конца XIV столѣтія (Соб., Лекц., изд. 2, стр. 46, въ 1 изд. 43), употребляется сочетаніе *кг*. Въ противуположность другимъ вѣтвямъ русскаго языка, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ *г* м г н о в е н н о е. Литературное произношеніе представляетъ протяжимое *г* только 1) въ созвучіяхъ гд, гг и гб, изъ коихъ послѣднія два возникаютъ лишь въ соединеніяхъ съ предлогомъ къ: кавда́, тавда́, ᵘьнавда́, ф̇с̇ив̇да́, вд̇ӓ, вдо́му, в̇д̇е́р̇ьву; вгар̇ӓ [1]), в̇г̇и́р̇и; вбра́ту, в̇б̇е́р̇ьгу [2]); 2) въ словахъ но́въ т̇, ко́въ т̇, д̇о́въ т̇, л̇о́въ к и м̇а́въ к, которыя (надо полагать) пріобрѣли в въ угоду другимъ своимъ формамъ, представляющимъ *х*: но́х̇т̇а, ко́х̇т̇а, д̇о́х̇т̇а, л̇о́хкъй, м̇а́хкъй; 3) въ словахъ (Б о х) Бо́ва, Бо́ву и т. д., бава́тъй, бъватыр̇, убо́въй, Баспо́т̇ (однако гъспад̇и́н, гъспажа́) и наво́й. Прилагательныя б о г а т ы й и у б о г і й, получаютъ в (первое не всегда) подъ вліяніемъ, дѣйствительно родственнаго, Бох- Бо́ва; также можно объяснять и б о г а т ы р ь, хотя это слово могли заимствовать изъ Татарскаго съ готовымъ в (baγadúr); 4) в слышится еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ названіяхъ городовъ: Да́н̇т̇с̇ьх, род. Да́н̇т̇с̇ьва,

---

[1]) Сравнимъ обратный порядокъ задненёбныхъ у Бѣлоруссовъ и Южновеликороссовъ.

[2]) Слышится также *г* мгновенное: д. б. по желанію произнести ближе къ письму. *Гб* посерединѣ является въ славянизмѣ с о г б е́ н ъ.

П'ьтирбу́рх—П'ьтирбу́рвa. Это очевидно вліяніе сѣверонѣмецкаго выговора Dàntsi⁄, Pétъrsbur⁄. Бох- Бовa, Баспо́і и навóй, м. б. и убо́въй, могутъ считаться заимствованіемъ изъ языка церковнаго, въ коемъ чтеніе г за в объясняется южнорусскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ. Настоящему церковному—староцерковному—языку естественно приписывать ɾ мгновенное, каковое господствуетъ у южныхъ славянъ—Болгаръ, Словенцевъ и Сербовъ. Есть, правда, соображеніе въ пользу протяжимости староцерковнаго г, указанное Бётлингомъ въ его «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ», а именно то̀, что переходъ при смягченіи въ ж и ʒ (**коже!**, **коʒи**) роднитъ его съ х, смягчаемымъ въ ш и с (**доуше!**, **доуси**), а не съ к, дающимъ ч и ц (**пророче!**, **пророци**), соотвѣтственно чему было бы бодже, бодзи. Однако смягченіе созвучія ʒг въ ʒд (**дрaʒга** лѣсъ—**въ дрaʒдѣ**) и превращеніе сочетанія ʒж въ жд (**нжденж** вм. **нʒженж**) доказываетъ, что первоначально г смягчался именно въ согласные дифтонги дз и дж: **дрaʒдѣ** и **нжденж** упрощены изъ *дрaздзѣ, *ижденж, какъ **нштадніе** изъ *ишчадиіе. Для дифтонга дз даже существовала въ азбукѣ особая буква (смыслъ которой впрочемъ рано позабылся)—s. И въ праславянской рѣчи вѣроятно употреблялось ɾ мгновенное [1]): мы уже отмѣтили, что таково южнославянское ɾ (впрочемъ областная рѣчь Словенцевъ знаетъ h вмѣсто g), таково же польское и нижнелужицкое; у Чеховъ же и у Верхнихъ лужичанъ, произносящихъ h вм. g, такой выговоръ явно вторичный, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкая передача мѣстныхъ названій, напр. Praha—Prag, Hradec (Опавскаго округа въ Силезіи)—Grätz, Rajhrad (Бёрненскаго округа въ Моравіи)—Raigern; село Hodźij и деревня Holca (въ Верхней Лужицѣ)—Göda и Golenz. Такія имена доказываютъ, что во время усвоенія ихъ Нѣмцами Чехи и Верхніе лужичане еще не имѣли звука h. Считаю однако нужнымъ оговорить, что это вовсе не доказываетъ существованіе у нихъ ɾ мгновеннаго: могло тогда слышаться, какъ переходный звукъ между g и h, ɾ

[1]) Однако впослѣдствіи, въ морфологіи, мы увидимъ случай въ коемъ хотѣлось бы предположить ɾ протяжимое.

проточное, которое Нѣмцамъ естественно было передавать черезъ свое g. Полагая такимъ образомъ, что старославянскій, а также и праславянскій языкъ (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) представлялъ г мгновенное [1]) мы склонны будемъ приписать таковой и общерусскому языку, хотя я не рѣшаюсь, вслѣдъ за Соболевскимъ, утверждать [2]), что до XII вѣка и въ южнорусскомъ произношеніи не существовало ѣ: опущеніе въ скандинавскихъ именахъ звука h, напр. Алданъ изъ Halfdan, доказываетъ только, что не было звука h, а ѣ (далеко не тождественное съ нимъ) могло существовать.

Мягкое, т. е. средненёбное, ѣ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ. Поэтому ѣ, очутившись передъ узкими гласными, и превращается по-русски въ j: мы произносимъ бла́го и а бла́jӓ (или а бла́ji); бох и а бо́jӓ (а бо́ji), бо́ji, баjи́на; Пьт̇ирбу́рх и ѳ П'ьт̇ирбу́рjӓ. Подобнымъ же образомъ новогреческій языкъ, представляющій проточное г, передъ узкими гласными превращаетъ его въ j: j̇е́ѣ̇о, но j̇е́jиc̀. Съ другой стороны j сроденъ мягкому (средненёбному) х́, къ коему относится какъ голосовой звукъ къ безголосному, что̀ можно провѣрить на сѣверонѣмецкомъ произношеніи, въ которомъ j попадаетъ нерѣдко въ изглашеніе или передъ безголосные созвучники и, дѣлаясь тогда по общему закону безголоснымъ, даетъ х́, напр. вѣ́jъ дороги—ед. ч. вѣх́, j̇е́jън̇ класть—прош. вр. j̇е́х́т̇ъ. По-русски этого не происходитъ потому, что русскій междугласный j есть j слабый или полугласный, иначе говоря — неслого́вое i. Для обозначенія этого неслоговаго i я въ своей транскрипціи пользуюсь буквою й: сохраняя обычное начертаніе бой, пишу также бо́йа, бо́йу, бо́йъм, бо́йӓ (бо́йн) [3]), ба̄и́, байо́ф и т. д. Сравнимъ выра-

---

[1]) За древность г высказался Потебня въ статьѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ и въ „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчіи“; Колосовъ на этотъ счетъ колебался, Срезневскій приписывалъ обоимъ звукамъ одинакую древность.

[2]) Лекціи, стр. 45 (2 изд.), въ 1 изд.—42.

[3]) Передъ гласнымъ i этотъ звукъ особенно слабъ, на что̀ указываетъ маленькая надстрочная буква.

женія о Богѣ и о боѣ: разница между ними только въ томъ, что первое представляетъ послѣ *о* сильный, настоящій j, а второе—слабый, полугласный (неслого́вое i); таково же отношеніе между выраженьями о благѣ и об лаѣ. Въ зачинѣ и послѣ согласныхъ слышится болѣе сильный j, который однако тоже смахиваетъ на полугласный и нѣсколько разнится отъ j изъ ь, напр. jáма, jел̇, jóлка, jук, сълавjи́, -в̇jóф, -в̇jáм [1]). J слышится также въ началѣ нѣкоторыхъ пришлыхъ реченій, гдѣ пишется *ге*, напр. jьн̇ирáл, jьагрáф'ьйа: выговоръ съ г' д. б. искусственный, вызванный написаніемъ, т. к. эти слова (первое несомнѣнно, а второе по всей вѣроятности) взяты у сѣверныхъ нѣмцевъ, съ готовымъ j. Также и собственное имя Jиóрjьй, Jигóр̇ьй, или Jигóр могло придти отъ грековъ съ тѣмъ же звукомъ—смущаетъ меня только то обстоятельство, что Γεώργιος представляло, надо полагать, два j, и *г* въ формахъ Егорій, Егоръ приходится тогда объяснять вліяніемъ другого, похожаго имени Григорі̇й. Притомъ русскіе, заимствуя слово съ рѣдкимъ вообще, а въ зачинѣ совсѣмъ не существующимъ сочетаніемъ *ге*, и сами могли замѣнить его родственнымъ, вполнѣ обычнымъ jе.

Передненёбные проточные согласники *ш* и *ж*, коимъ по звуковому впечатлѣнію присвоено названіе шипящихъ, имѣютъ по-русски ту особенность, что мало способны къ умягченію: кромѣ прописаннаго въ таблицѣ з̇д̇е́ш̇н̇ьй, я на мягкое *ш* могу привести лишь немногіе примѣры: в̇е́ш̇н̇ьй, т̇ш̇и ᵘр̇е́ш̇н̇а, г̇р̇е́ш̇н̇ьк, -ьтса, нас̇м̇е́ш̇н̇ьк, -ьтса, нъкан̇е́ш̇н̇ьк,

---

[1]) Нѣсколько подробнѣе говорится о j въ моей статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи“, Р. Ф. В., т. V, стр. 358—362, къ которой я впрочемъ впослѣдствіи счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку, въ разборѣ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина“, Ж. М. Н. Пр. 1890, іюль, стр. 177, пр. 1. Срв. также замѣчанія Ѳ. Евг. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Arch. f. slav. Phil., B. III“—поправки къ статьѣ акад. Грота „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen“, въ томъ же томѣ, которая по-русски озаглавлена „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“ и болѣе раннія наблюденія Каткова: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“, Москва 1845, стр. 88—89.

гр́е́шн́ьвъйа (ка́ша), в́и́шн́а, гдѣ *ш* также стоитъ передъ н́, а передъ собой имѣетъ узкій гласный; примѣры на ж: в́е́ж́л́ьвъй, -въс́т́, п́р́е́ж́д́и, н́ив́е́ж́д́и, а д́е́ж́д́и, на-. Въ словахъ съ предшествующимъ широкимъ гласнымъ, какъ б а ш н я, п а ш н я, *ш* звучитъ уже нѣсколько тверже. Кромѣ того даже сочетаніе ешн́ слышится не у всѣхъ: произносятъ также з́д́е́шн́ьй, в́е́шн́ьй, і́шн[п]р́е́шн́а, также п́р́е́ж́н́ьй, п́р́е́ж́д́и. Твердость *ш* и *ж* явленіе вторичное, о чемъ рѣчь будетъ ниже [1]).—Передненёбный дрожащій *р* проявляетъ нѣкоторую склонность къ отвердѣнію: у Бѣлоруссовъ и у многихъ изъ западныхъ малороссовъ онъ вообще отвердѣлъ, а въ великорусской (даже литературной) рѣчи весьма обыченъ слогъ *ры* вм. *ри*, напр. с к р ы п [2]).

Относительно зубныхъ (верхнечелюстныхъ) звуковъ слѣдуетъ оговорить, что мои средніе *н и л* не совсѣмъ заслуживаютъ этого названія и мало разнятся отъ твердыхъ.

Изъ зубно-губныхъ вызываетъ на нѣкоторое замѣчаніе безголосный *ф*. Принято говорить, что это не русскій и вообще не славянскій звукъ. Дѣйствительно, праславянская рѣчь не знала этого звука, но новославянскіе языки вовсе его не чуждаются. Помимо нѣкоторыхъ вполнѣ обрусѣвшихъ, хотя и пришлыхъ реченій, въ родѣ Ф и л́ и́ п, Ф о́ д ъ р, л а ф а́, ф у т, ф у н т, звукъ этотъ весьма часто замѣняетъ соотвѣтственный голосовой *в* (сохраняемый на письмѣ), что̀ по общему закону происходитъ въ изглашеніи и передъ безголосными согласниками, напр. л о ф, п р а ф, ж ы ф, к р а с́ и́ ф, г н́ а ф, п р а ф́ !, л о́ ф к а, л а́ ф к а, с́ и́ ф к а, п р а́ ф́ т и! и т. п. Въ областной рѣчи *ф* нерѣдко происходитъ изъ сліянія двухъ звуковъ *х* и *в*, напр. въ галицкомъ ф а л́ и́ т и. (Объ этомъ ниже будетъ сказано нѣсколько подробнѣе). Звукъ *ф* въ словахъ заимствованныхъ у грековъ замѣняетъ не только φ, но и ϑ, напр. Ф о́ д ъ р Θεόδωρος, а н а́ ф ъ м а ἀνάθεμα, [и]ф и́ р αἰθήρ, что̀ основано на новогреческомъ (очевидно уже и византійскомъ, отчасти м. б. и еще болѣе древнемъ) произношеніи ϑ какъ англійское th

---

[1]) И объ „удвоенныхъ“ *ш́* и *ж́* будетъ сказано впослѣдствіи.

[2]) Карскій, Обзоръ 58—59; Соболевскій Лекціи 97, 2 изд. 122; мой Разборъ Этим. слов. Микл., Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 28, пр. 3.

въ thing вещь, т. е. какъ звукъ средній между *с* и *ф*. Смѣшеніе тождезначныхъ для русскаго ф и θ встрѣчается съ первыхъ памятниковъ русской письменности. Соболевскій (Лекціи, стр. 47, въ 1 изд.—44) приводитъ, въ числѣ другихъ примѣровъ, **сапьѳиръмь** и **анъфракъсъ** (греч. σάπφειρος и ἄνθραξ) изъ Святославова Изборника 1073 г., л. 104 и 121 об.

Въ нашу таблицу согласныхъ не вошли *ц*, *ч* и *щ*, потому что это не простые звуки, а созвучія, содержащія (какъ указано уже выше, стр. 3 и 9, и согласно чему дѣлалась транскрипція) въ тѣсномъ сліяніи элементы *т*, *с* и *ш*: *ц*=т+с, ч=т+ш, щ=ш+т+ш. Вслѣдствіе очевиднаго сходства съ *с* и съ *ш* звукъ *ц* относятъ къ свистящимъ, а *ч* и *щ*—къ шипящимъ. Что *щ* не простой звукъ, признается всѣми, но многіе отрицаютъ это для *ц* и *ч*. Даже Я. К. Гротъ, который въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донынѣ [1])», совершенно основательно самъ доказывалъ сложность *ц* и *ч* тѣмъ, что при попыткѣ протянуть эти звуки, они слышатся только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращаются въ С (ЦССС... т. е. ТСССС...) и въ Ш (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...), и повторилъ это доказательство въ «Русскомъ правописаніи», § 14, тѣмъ не менѣе утверждаетъ въ послѣднемъ трудѣ, что *ц* и *ч* «производятся каждый одной артикуляціей языка» и прибавляетъ, будтобы для того «чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ языкѣ *ч* не сложный, а одинъ цѣльный звукъ, стоитъ только сравнить произношеніе нашего к у ч е р ъ съ нѣмецкимъ Kutscher». Подобнымъ же образомъ Потебня говоритъ, что «было бы поразительно услышать н а р ѣ т с ѣ́ или на р і т с і́ вм. н а р ѣ ц ѣ́, н а р і ц і́» и что «с русской точки зрѣнія произношеніе напр. м е т ш у вм. м е ч у, м е ч ю... очень далеко отъ дѣйствительности»; притомъ де «сочетаніе *т-ш* тоже встрѣчается» [2])—какъ примѣръ на него приводится «польское *тш* изъ trz: trzeba». Разница между противополагаемыми Гротомъ и Потебней случаями дѣйствительно существуетъ, но по моему вовсе не состоитъ въ цѣльности здѣсь, и раздвоенности тамъ, а

---

[1]) Филологическія разысканія. Изд. 2, т. II, стр. 17.

[2]) К исторіи звуков русскаго языка, ч. II, стр. 38 и 45 (Р. Ф. В., т. II, стр. 2 и 207).

въ неодинаковости составныхъ элементовъ: написаніе рѣтсѣ́, рітсі́ мы прочитаемъ съ твердымъ *т* и съ мягкимъ *с*, тогда какъ созвучіе т͡с въ первомъ случаѣ содержитъ два среднихъ звука, во второмъ—два мягкихъ; написаніе метшу́ указываетъ на *т* и *ш* твердые, а произносятся здѣсь *т* мягкое, а *ш*—мягкое или среднее; подобнымъ же образомъ поль. trz содержитъ t твердое и этимъ (да еще, кажется, большею рѣзкостью *ш*) разнится отъ cz: срв. trzy три=т͡шы и и czy ли=т̇͡ш̇и ы. Сопоставимъ еще русскія слова подсинить и оцѣнить, отшельникъ и качели, подшить и почить, т. е. път̇͡с̇ин̇и́т̇, ат͡сын̇и́т̇, ат̇͡ш̇е́л̇н̇ьк, кат̇͡ш̇е́л̇и, пат͡шы́ и т̇, пат̇͡ш̇и́ ы т̇ [1]). Различіе нѣмецкаго Kutscher отъ русскаго кучеръ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что *ч* въ обоихъ элементахъ среднее, а кромѣ того усиленное («удвоенное»), что̀ сопряжено съ краткостью предшествующаго гласника: рус. кучеръ есть к-у́-т̇͡ш̇-ь-р, нѣм. Kutscher — к̇-ӱ-т̇і̇͡ш̇ш̇-ъ-р. Срв. стр. 101. Подобно этому нѣм. *ч*, разнится отъ *ч* сочетаніе *тш* въ какомъ-нибудь дѣепричастіи отцвѣтши: срв. ат̇͡с̇в̇ӧ̈ттш̇шы и выраженіе в о́т̇͡ш̇и ы.

Созвучіе *ц* обыкновенно является въ твердомъ видѣ, напр. т͡сар̇, т͡сы́пка, ат̇ӓт͡с, передъ звукомъ *е* оно среднее: т̇͡с̇ӓп, т̇͡с̇е́ркъф мягкое *ц* является лишь какъ плодъ уподобленія, напр. въ словахъ ат͡су́т̇͡с̇в̇ьйа, б̇е́т̇͡с̇т̇в̇ьйа, с̇л̇е́т̇͡с̇т̇в̇ьйа, гдѣ пишется *тс* и *дс*, а кромѣ того въ пришлыхъ словахъ на ція: а́к̇т̇͡с̇ьйа, ас̇игна́т̇͡с̇ьйа, л̇е́к̇т̇͡с̇ьйа, хотя произносятъ также, по требованію русской фонетики, цыя: а́кт͡сыйа, ас̇игна́т͡сыйа, л̇ӓкт͡сыйа. Впрочемъ мягкое *ц* весьма обычно у Малороссовъ, которые говорятъ напр. боробе́т̇͡с̇ воробей, в̇ивт̇͡с̇а́, равно какъ у Бѣлоруссовъ, у коихъ оно развилось изъ мягкаго *т*: дат̇͡с̇, т̇͡с̇о́т̇͡с̇а [2]).

---

[1]) Насчетъ оттѣнковъ звука *и* срв. выше стр. 14—15.

[2]) Переходъ этотъ, съ коимъ сопряжено также превращеніе мягкаго *д* въ д'з', носитъ названіе дзеканья. Дзеканье, кромѣ бѣлорусской рѣчи

Ч есть *т*+*ш* среднее, или же *т'*+*ш'*, напр. т̀ ш̀ е с̀ т̀ или т̀ш̀ е с̀ т̀, н о т̀ ш̀ или н о т̀ ш̀; во всякомъ случаѣ оба элемента мягки при послѣдующемъ мягкомъ согласникѣ, напр. н а т̀ ш̀ н̀ и́, н̀ е́ т̀ ш̀ к̀ и. Тѣмъ, что *ч* обыкновенно состоитъ изъ *т* мягкаго и *ш* средняго объясняется на первый взглядъ весьма странное явленіе, что *ч* суживаетъ предшествующіе гласные, но слѣдующее за нимъ *и*— разширяетъ: срв. м̀ е т̀ ш̀ и м̀ и т̀ ш̀ и́ и, н̀ е т̀ ш̀ и нъ н̀ и т̀ ш̀ и́ и. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить новымъ доказательствомъ сложности *ч*.

Трехзвучіе *щ* въ первыхъ двухъ элементахъ мягкое, а въ третьемъ—среднее, или же мягкое во всѣхъ трехъ: л̀ е ш̀ т̀ ш̀, р о́ ш̀ т̀ ш̀ а, и ш̀ т̀ ш̀ у́ или л̀ е ш̀ т̀ ш̀, р о́ ш̀ т̀ ш̀ а, и ш̀ т̀ ш̀ у́. Вмѣсто *штш* слышится также мягкое, протяжное *ш*: и ш̀ ш̀ у́, и ш̀ ш̀ о́; таково московское произношеніе, которое я однако затрудняюсь назвать вмѣстѣ съ тѣмъ «великорусско-литературнымъ» (Соб., Очерки изъ исторіи русскаго языка I, 110). Это ш̀ш̀ естественно выводить изъ ш̀ т̀ ш̀ просто черезъ опущеніе средняго элемента, а не путемъ какой-то «ассимиляціи» (Соб. Лекціи по ист. русск. яз., 94, во 2 изд.—119); также «сѣв.-великор. ш т ю к а=щ у к а, е ш т ё= ещо и т. п.», являющіяся «спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи», я объясняю опущеніемъ п о с л ѣ д н я г о элемента.

Шипящіе и *ц* въ старорусскомъ, какъ принимаютъ всѣ изслѣдователи, на основаніи господствующихъ въ старѣйшихъ памятникахъ написаній въ родѣ ѵи, ѵм, ѵю, всегда были м я г к и. По Колосову отвердѣніе ихъ, начавшись не позже XII вѣка, къ XV-му завершилось. Но, какъ отмѣтилъ уже Потебня, въ Замѣткахъ по историч. грамм. рус. яз., это излишнее обобщеніе, т. к. мягкость

встрѣчается еще кое-гдѣ: изъ сѣверныхъ великороссовъ у Ситкарей (на рѣкѣ Сити, Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи), а изъ малороссовъ у Заблудовцевъ (Заблудовье — Бѣлостоцкій и отчасти Бѣльскій уѣздъ Гродненской губ.) и у нѣкоторыхъ угорскихъ русиновъ, въ Шарошпотацкомъ комитатѣ (Семеновичъ въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго).

и донынѣ кое-гдѣ сохраняется, о чемъ можно справиться у Потебни (О звуковыхъ особенностяхъ, 10 в, г) и у самого Колосова, въ его позднѣйшемъ трудѣ, Обзорѣ. Съ другой стороны болѣе ранніе примѣры твердости шипящихъ (Очеркъ, стр. 80): **ловища**, **бц҃ѫ** и т. п. могутъ быть просто написаніями на церковный ладъ, и достовѣрны лишь тѣ случаи, въ коихъ являются сочетанія *жы*, *шы*, *цы*, а такіе примѣры встрѣчаются только съ XIV-го вѣка (Соб. Лекціи, 93; 2 изд. 118).

Чередованіе звуковъ.

Окончивъ обзоръ отдѣльныхъ звуковъ, обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются при производствѣ и при измѣненіи словъ—здѣсь придется говорить и о гласныхъ и о согласныхъ звукахъ, но преимущественно о послѣднихъ. Чередованіе звуковъ бываетъ двухъ родовъ, изъ коихъ я для одного сохраняю обыкновенное названіе звукового *перехода*, а другой называю звуковой *подстановкой*. О переходѣ можно говорить напр. въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. ч. в о *т* вм. в о *д*, т. к. превращеніе конечнаго *д* въ *т* составляетъ для насъ органическую потребность, на столько, что, не наломавъ языка на иностранный ладъ, мы и французское mode вм. м о *д* произнесемъ м о *т*; таково же чередованіе ä съ е (срв. выше, стр. 6—8). Примѣромъ подстановки можетъ служить хоть слово j о́ л к а рядомъ съ j е л̀: чередованіе здѣсь *е* и *о* происходитъ по преданію, т. к. звуковые законы современной рѣчи вполнѣ допускаютъ выговоръ j а́ л к а (конечно, не j е́ л к а), или же j о л̀—срв. в и с о́ л̀ ь н̀ к ъ й. Другой примѣръ подстановки: слово с у́ ж ъ н ъ й могло бы не мѣнять *д* на *ж*—с у́ д̀ ь н ъ й столь же возможно, какъ дѣйствительно существующее к р а́ д̀ ь н ъ й, и лишь въ силу привычки удерживается *ж* [1]).

---

[1]) Необходимость историческаго взгляда на звуковую мѣну отчетливо выставлена Колосовымъ въ его „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. (По поводу 3-го изданія Исторической Грамматики Буслаева и I-го тома Сравнительной Грамматики Шерцля)“, Фил. Зап., 1872, вып. IV. Подробнѣе толкуетъ объ этомъ Бодуэнъ-де-Куртенэ. „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной фонетики словянских языков“. Р. Ф. В.,

Различая звуковую подстановку отъ перехода, мы должны однако признать, что въ основѣ своей это одно и тоже явленіе; подстановка обусловливается прежними звуковыми законами и есть ничто иное, какъ закостенѣвшій переходъ: с у́ ж е н о й напр. когда-то развилось изъ древнѣйшаго сѫдjенъи путемъ перехода *dj* въ *ж*. Поэтому, естественно, нельзя провести точной границы между подстановкой и переходомъ. Такъ переходъ звука *к* передъ узкими гласными въ *ц* и въ *ч*, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, несомнѣнно совершился еще въ праславянскомъ, и старо-церковная мѣна звуковъ въ родѣ **рѫка, въ рѫцѣ, рѫчьнъ** представляетъ не переходъ, а подстановку, но это чередованіе такое живое, такъ послѣдовательно выдерживается, что мы погрѣшимъ несущественно, если назовемъ его переходомъ.

Какъ съ одной стороны бываютъ живыя чередованія, такъ съ другой стороны бываютъ устарѣвшія, законы которыхъ совершенно вышли изъ сознанія, а иногда даже не поддаются научному объясненію. Такія чередованія нерѣдко устраняются путемъ подравненія. Напр. глаголъ х о т ѣ т ь первоначально представлялъ *о* только въ настоящныхъ формахъ, а въ инфинитивныхъ являлся *ѣ*, но въ русскомъ языкѣ *о* проведено по всѣмъ формамъ. Уже въ старо-церковномъ рядомъ съ **хътѣти** встрѣчается **хотѣти**, а иногда также наоборотъ въ настоящемъ—**хъштєшн** вм. обыкновеннаго **хоштєшн**. Такимъ образомъ при подобной подправкѣ новая огласовка можетъ вовсе вытѣснить старую, или же употребляться съ нею рядомъ. Случается, что съ уцѣлѣвшею древней огласовкой соединяется нѣкоторый оттѣнокъ значенія: слово м о́ ш к а напр. есть ничто иное, какъ уменьшительное къ м у́ х а, т. к. равно поль. meszka (pchła ziemna), сродни со староцерк. **мъшица** и предполагаетъ основное мъшька, срв. чередованіе *у* съ *о* въ прилаг. с у х о й=**соүхън** и въ глаголѣ с о́ х н у т ь=**съхнѫти**; однако теперь какъ уменьшительное употребляется переиначенное м у́ ш к а [1]), а м о́ ш к а стало

т. V (1881 г.)—статья впрочемъ неудобная для чтенія, между прочимъ вслѣдствіе цѣлаго ряда новыхъ латинскихъ терминовъ; то же неудобство представляетъ статья Крушевскаго „К вопросу о гунѣ“, тамъ же.

[1]) Приводимое въ словарѣ II-го Отдѣленія и у Даля м о́ х а (изъ употребленія мнѣ неизвѣстное) представляетъ обратное примѣненіе.

обозначать другое насѣкомое. При значительномъ измѣненіи звуковъ и смысла связь между разновидностями одного и того же корня можетъ совершенно порваться: такъ б д-и́ т е л ь н ы й, б у д-и́ т ь и с о-б л ю д-а́ т ь съ русской точки зрѣнія содержатъ три различныхъ корня, хотя первоначально **БѢД, БОУД** и **БЛЮД**, т. е. древнѣйшія bhudh, bhoudh и bheudh, были разновидностями одного. Иной разъ сохранившееся чередованіе, поступивши такъ сказать на службу производства, распространяется за свои первоначальные предѣлы: такой случай представляютъ наши глаголы на -и в а т ь, -ы в а т ь, при образованіи которыхъ коренное *о* замѣняется черезъ *а*—по примѣру наслѣдственнаго соотношенія х о́ д и т и п о х а́ ж и в а е т, с п о́ р и т и о с п а́ р и в а е т [1]) развилась 1) замѣна черезъ *а* второго *о* въ полногласіи: п о в о р о́ т и т—п о в о р а́ ч и в а е т, к о л о́ т и т—в ы к о л а́ ч и в а е т, п о л о́ щ е т—в ы п о л а́ с к и в а е т и 2) замѣна имъ прояснившагося ъ: к о́ р м и т—о т к а́ р м л и в а е т; *а́* вм. такого *о* представляютъ также глаголы р а з б а́ л т ы в а т ь, п о м а́ л к и в а т ь, о т т а́ л к и в а т ь рядомъ съ б о л т а́ т ь, м о л ч а́ т ь, т о л к а́ т ь, содержащіе *о* на письмѣ и при окальскомъ произношеніи. Своеобразенъ глаголъ з а п о д а́ з р и в а т ь, при з а п о д о́ з р и т ь, гдѣ превратился въ *да* (правда, не сознаваемый ясно) п р е д л о г ъ *до*.

Въ области согласныхъ, можно сказать, самый замѣчательный случай подстановки есть такъ называемое с м я г ч е н і е, т. е. замѣна задненёбныхъ: *к* черезъ *ц, ч*; *г*—черезъ *з, ж*; *х*—черезъ *с, ш*; замѣна зубныхъ *т* и *д* черезъ *ч* и *ж*; замѣна губныхъ *п, б, м, в* черезъ *пл', бл', мл', вл'*. Терминъ «смягченіе» мы вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ, должны признать неудачнымъ, т. к. звуки получаемые при упомянутомъ превращеніи въ настоящее время могутъ и не быть мягкими; но, за незнаніемъ лучшаго, я пользуюсь имъ какъ терминомъ условнымъ; при чемъ отличаю отъ него у м я г ч е н і е (терминъ Гротовскій): «смягченіе» у меня то же, что̀ «переходное» смягченіе Срезневскаго, умягченіе—что̀ «непереходное, непосредственное» т. е. напр. замѣна *к* черезъ *к̓*, *т* черезъ *т̓*. Умягче-

---

[1]) Привожу примѣры въ настоящемъ времени, т. к. въ инфинитивѣ древнее соотношеніе нерѣдко скрашивается аканьемъ.

ніе заслуживаетъ названіе перехода: образуя напр. мѣстный падежъ къ недавно заимствованному слову т е л е ф о́ н, мы въ немъ невольно превращаемъ твердый *н* въ мягкій—а т̀ ь л̀ и ф о́ н̀ а (-и). Напротивъ того «смягченіе» представляетъ звуковую подстановку, и неправильно говорить, будто «русскій языкъ смягчаетъ» напр. *ки* въ *чи*; другой примѣръ на смягченіе уже приведенъ выше, какъ образчикъ подстановки. Смягченіе несомнѣнно явленіе древнее: превращеніе *к*, *г*, *х* передъ *j* и узкими гласными въ шипящіе, а передъ однимъ изъ такихъ гласныхъ, дифтонговымъ *ѣ* [1]) и замѣняющимъ дифтонговый *ѣ—и*, въ свистящіе, которое повторяется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и притомъ господствуетъ съ большею строгостью въ болѣе ранніе періоды, совершилось уже на праславянской почвѣ. Вѣроятно у Праславянъ же произошло и смягченіе мгновенныхъ зубныхъ передъ j, которое, хотя и въ различномъ видѣ, свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ—причемъ всѣ измѣненія древнихъ tj и dj (кромѣ болгарско-староцерковныхъ **шт** и **жд**, представляющихъ затрудненіе и при другихъ толкованіяхъ) съ удобствомъ выводятся изъ т̀с̀ и д̀з̀, напр. с в ѣ т̀ с̀ а́ и м е д̀ з̀ а́, которыя я считаю праславянскими. См. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Грамм. зам., I, 74=Р. Ф. В., т. VII, стр. 278. Смягченіе губныхъ, если не праславянское (я не прочь допустить, что сѣверозападное з̀ е м̀ а—поль. ziemia, чеш. země—такое же вторичное измѣненіе древнѣйшаго з е м л̀ а́, какъ болг. з е м я́), то общее юговосточное.

Относительно tj и dj замѣчу еще, что между превращеніемъ перваго въ согласный дифтонгъ *ч*, а второго въ *жс* замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, аналогію къ которому можно указать въ чешскомъ языкѣ: с в ѣ ч а́ по-чешски svíce, м е ж а́—meze. Чешское z, по свидѣтельству польскаго языка, а также словацкаго нарѣчія, представляющихъ выговоръ miedza, medza есть упрощеніе болѣе ранняго dz, соотвѣтственно коему и русское *жс* надо возводить къ дж. Однако упрощеніе дж произошло еще въ до-

[1]) Дифтонговый *ъ—ъ* произошедшій изъ дифтонга oi. Срв. мою статью О звуковомъ значеніи *ъ*. Грамм. зам., т. I, стр. 44, въ 1 изд. 42=Р. Ф. В., т. VI, стр. 12.

историческую пору, т. к. уже старѣйшіе памятники русскаго письма, съ Остромировымъ евангеліемъ во главѣ, представляютъ смягченіе *д* въ *ж*. Употребительное въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *дж* (напр. галицкія х о дж у, р а дж у, с а дж е н и й рядомъ съ м е ж е, ч у ж и й) естественно объяснять подобно великорусскому *жд* (по-скольку оно народное, напр. въ словѣ у р о ж д а́ й р. съ у р о ж а́ й) позднѣйшимъ возстановленіемъ *д* въ угоду не смягчавшимъ его формамъ, какъ х о д и́ т и; тѣмъ болѣе, что это *дж* извѣстно по памятникамъ лишь съ XVII в. (Соб., Лекціи 126). Однако исключительное господство *дж* изъ *дj* въ Карпатскомъ говорѣ, напр. м е д ж е, ч у д ж и й (Пот., О звук. особ., 39) неудобно объяснять, вслѣдъ за Соболевскимъ, подражаніемъ возникшему у другихъ словъ колебанію между *ж* и *дж*, и мы кажется должны допустить здѣсь, соглашаясь отчасти съ Потебней, сохраненіе древнѣйшаго русскаго *дж*. Слѣдуетъ отмѣтить еще неодинаковое отношеніе старѣйшихъ памятниковъ къ смягченію *т* и *д*: при весьма нерѣдкомъ ж, почти не встрѣчается ꙋ—Колосовъ приводитъ изъ памятниковъ XI в. только *чуждимъ* Сб. 1073 г., *чюжему* Сб. 1076 г. и печерахъ тмж., а на счетъ XII-го говоритъ, что встрѣчаются хочеть Вкладн. Варл., очюженыи Жит. Бор. и Гл., *чюжихъ* Ев. 1143 г. и еще нѣсколько, но добавляетъ, основываясь особенно на первомъ примѣрѣ, что такое смягченіе въ живомъ языкѣ было обычно. Нельзя не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, сравнительную же рѣдкость ꙋ можно оправдать тѣмъ, что гораздо легче было допустить, въ угоду русскому произношенію, пропускъ одной буквы (д), нежели замѣну знака щ или шт черезъ ꙋ.

Примѣромъ на звуковой переходъ намъ служило превращеніе конечнаго *д* въ *т*—это частное проявленіе общаго закона, что в ъ и с х о д ѣ (или, употребляя другой терминъ, въ изглашеніи) г о л о с о в ы е с о г л а с н и к и с т а н о в я т с я б е з г о л о с н ы м и [1]): не только конечное *д* переходитъ въ *т*, такъ что напр. единственное число слова р о́ д ы совпадаетъ съ единственнымъ числомъ слова р т ы въ одной

[1]) Согласные очутились въ исходѣ, а во многихъ случаяхъ передъ другими согласными, лишь вслѣдствіе онѣмѣнія нѣкогда слѣдовавшихъ за ними ъ и ь.

фонемѣ р о *т*; но также *г* превращается въ *к*, причемъ совпадаютъ слова р о г ъ cornu и р о к ъ fatum; такимъ же образомъ мы произносимъ б о *х* (въ родительномъ б о́ в а) [1]), в о *с*, л о *ф*, л о *п*. Одинакую судьбу съ твердыми согласными имѣютъ и мягкіе: к л а т̓, к̓ н̓ а с̓, к р о ф̓, г л у п̓. Мягкіе *в* и *б* въ изглашеніи, кромѣ перехода въ *ф* и *п*, наравнѣ съ *п* и *м*, склонны къ отвердѣнію и становятся средними или прямо твердыми: народная рѣчь, повидимому, лишь въ видѣ исключенія представляетъ изглашеніе на мягкій зубной (такъ въ Олонецкомъ, по Колосову, конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь). Въ южновеликорусскомъ изъ числа согласныхъ подлежащихъ въ исходѣ обезголо́шенію слѣдуетъ исключить *в*, каковой звукъ переходитъ въ полугласный (неслого́вое *у*), образуя съ предыдущими гласниками дифтонги: р о ў, п р а ў, к р а с̓ и ў. Одно изъ южновеликорусскихъ разнорѣчій, путивльское, и одно изъ сѣверныхъ, яренское (Яренскъ—Вологодской губ.), говорятъ, вовсе не превращаютъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные. Конечные голосовые свойствены также Малорусской рѣчи, гдѣ мы находимъ выговоръ р̓ и *д*, р̓ и в, н̓ и *ж*, в̓ и з, ш о *в*, л о *б*. Однако западные малороссы согласны съ великороссами, и Головацкій въ своей Грамматикѣ, 31, предписываетъ произносить л о *п*, х л і *п*, ч е р *ф ь*, д і *т*, о б л і́ *х* (облі́г—цѣлина), к н я *с ь*, с т о́ р о *ш*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что восточные малороссы и согласные съ ними великороссы въ этомъ случаѣ вовсе не сохранили старину, а в о з с т а н о в и л и голосовые согласные изъ другихъ формъ. Остатокъ общерусскаго обезголо́шенія я усматриваю въ словѣ д о щ, род. д о щ а́, которое звучитъ такъ и на Украйнѣ, и естественнѣй всего объясняется переходомъ старѣйшаго д о ж̓ д̑ ж̓ ь—д о ж̓ д̑ ж̓ а́ въ д о *щ*—д о ж д͡ ж а́, послѣ чего возникли, какъ новотворки къ именительному, косвенники д о щ а́,-у́ и т. д. Срв. поль. deszcz, род. dżdżu и deszczu.

Повсемѣстное исключеніе изъ разсматриваемаго закона представляетъ изглашеніе предлоговъ, напр. п а *д* а к н о́ м, а *б* у р а ж а́ й и, й и *з* у г л а́. Но это исключеніе мнимое, т. к. предлогъ не само-

---

[1]) При проточномъ выговорѣ *г* вм. него всегда получается *х*: въ южновеликорусскомъ говорѣ слышится р о *х*, д р у *х* и т. п.

стоятельное слово, а составляетъ одно цѣлое съ «управляемымъ» имъ именемъ, только по этому вѣдь и могли возникнуть безсложные предлоги *в, к* и *с*. Нужно сдѣлать оговорку и насчетъ изглашенія самостоятельныхъ словъ, когда за ними, безо всякой паузы, слѣдуетъ голосовой согласный, напр. р о̀ *д* Г а и́ т с ы н ы х. Сомнительно, сохранился ли въ такихъ соединеніяхъ древній выговоръ, или же голосовые вновь возникли изъ безголосныхъ путемъ уподобленія; въ пользу второго взгляда говоритъ появленіе безголосныхъ передъ гласными и передъ согласными нейтральными: р о̀ *т* У́ х т ъ м̀ с̀ к̀ ь х, р о̀ *т* Н а р ы́ ш̀ к̀ ь н ы х, хотя такіе случаи могли бы представлять п о д р а ж а н і е другимъ, гдѣ *т* развилось фонетически.

Что касается хронологіи обезголо́шенія конечныхъ согласниковъ, то Соболевскій приводитъ на него лишь единичные примѣры изъ памятниковъ XIII в. (калан*т*ъ Кормч. 1282 г., отину*т*ь Пс. 1296 г.), но мы можемъ за нимъ повторить, что «нѣтъ основанія думать, чтобы эта замѣна получила развитіе въ очень позднее время»: вѣдь и теперь мало-мальски грамотный не собьется въ употребленіи окончаній *бъ, дъ* и т. д.

Перейдемъ къ согласнымъ с о з в у ч і я м ъ (иначе говоря, къ согласнымъ сочетаніямъ или группамъ). Созвучія вообще бываютъ о д н о р о д н ы, т. е. голосовые согласники не сочетаются съ безголосными, мягкіе—съ твердыми.

Голосовые согласные передъ безголосными о б е з г о л а ш и в а ю т с я: изъ первоначальныхъ в о д ъ к а, г ж б ъ к а, л а в ъ к а, н о ж ь к а и т. п. выходитъ в о́ *т* к а, г у́ *п̣* к а, л а́ *ф* к а, н о́ *ш* к а. Иногда безголосные звуки, вслѣдствіе подражанія, заходятъ и въ такія формы, гдѣ могли бы сохраняться голосовые, такъ слово б у́ т к а образуетъ род. мн. б у́ т ъ к, уменьшительное б у́ т ъ ч к а и производное б у́ т ъ ш̀ н̀ ь к, и первоначальное *д* сохраняется только на письмѣ, да иногда въ книжно-ломанномъ произношеніи. Въ народной рѣчи подобная замѣна встрѣчается и у другихъ (вѣроятно у всѣхъ) словъ этого рода; отмѣчены напр. л о́ т о к вят., л о́ т ы ч к а нж., перм., кур. (щигров. у.), ш у́ п а ч к а кур., в о́ т а ч к а кур. (щигр.), л о́ ш е ч к а влгд., п о н е м н о́ ш е ч к у олон. Съ указанными словами можно сравнить поль. уменьшительное łerek отъ łeb-łba. Малорусское нарѣчіе, въ восточныхъ говорахъ, не знаетъ

обезголо́шенья, а произноситъ н̇и́*ж*ка, с̇л̇и́ᵘ*з̇*киᵘй, р*о*зказува́т̇иᵘ, помовт̇и́ᵘ, ве*з̇*т̇и́ᵘ, п̇и*д* столо́м, но Галичане (по показаніямъ Головацкаго, § 56, стр. 29, и Осадцы, § 560) говорятъ бу́*п*ка, ло́*ш*ка, л̇е́*х*ко, *ф*тори́ᵘй, и т. д. Малорусскіе голосовые передъ безголосными я склоненъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ: слово те*ск*о́ тёзка вм. ожидаемаго те*з*ко́, кажется, представляетъ объ этомъ, хотя единичное, но вѣское свидѣтельство. Великорусскіе (а именно южные) говоры уклоняются отъ общаго закона, когда дѣло касается звука *в*, который превращается въ полугласный (неслого́вое *у*), если ему предшествуетъ гласный звукъ, или въ настоящій гласный (*у* слоговое): ла́ў̆ка, д̇а̇ў̆ка—ус̇о́, удава́. Эти явленія не вовсе чужды и сѣверно-великорусскому; у Малороссовъ же начальное *у* вм. *в* передъ согласными весьма обычно, а *в* въ какомъ-нибудь брі́вка лишь слегка приближается къ полугласности. Срв. сказанное объ изглашеніи, стр. 126. Обезголо́шеніе передъ безголосными Соболевскій (стр. 98) склоненъ возводить ко второй половинѣ XIII вѣка, при чемъ указываетъ примѣры начиная съ 1307 года (у*ск*ими въ Поликарповомъ ев.), а изъ смоленскаго договора 1229 г.—написаніе ризкии, свидѣтельствующее-де о сохраненіи въ то время голосовыхъ передъ безголосными. Мнѣ однако кажется, что *жск* никакъ не могло перейти въ *зк*, которое я считаю только хитрымъ написаніемъ вмѣсто *ск* и толкую такимъ образомъ въ пользу болѣе ранняго совпаденія древняго *зк* съ *ск*.

Безголосный звукъ передъ голосовымъ звукомъ голосовѣетъ: **съдати, отъ брата, къде, просьба, сватьба** являются въ видѣ здат̇, адбра́та, б̇д̇а̇, про́з̇ба, сва́д̇ба. Вслѣдствіе подражанія голосовой можетъ зайти въ такія формы, гдѣ долженъ бы сохраняться безголосный: слово сва́дьба образуетъ род. мн. сва́*д*еб и прилаг. сва́*д*ебный, вм. сва́*т*еб и сва́*т*ебный (срв. сватъ, сва́таться). Исключеніе составляетъ звукъ *в*, который терпитъ передъ собой безголосные: с̇в̇а̇т, т̇в̇о́рдъй, к̇л̇у́ква, хвост. Въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ иные (Бодуэнъ-де-Куртенэ), происходитъ обратное уподобленіе, и являются сочетанія *сф*, *тф*, *кф*, *хф*,—дѣйствительно встрѣчаются, говорящія въ пользу такого взгляда написанія **Тферь, Тихфинъ**, а у Поляковъ (однако не у всѣхъ) явственно слышат-

ся tfardy, kfiat вм. twardy, kwiat. Не посрединѣ ли правда, т. е. не содержатъ ли подобныя созвучія, въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи, *с* смахивающій на *з* (не совсѣмъ безголосный) и *в* приближающееся къ *ф* (голосовое, но въ слабой степени)? Подобное же исключеніе представляютъ—отчасти древнія—сочетанія безголосныхъ съ *р, л, н, м*: к*р*'ик, *тр*уп, ра́*тн*ъй, jа́*сн*ъй, ки́*сл*ъй, у́*тл*ъй, за*тм*и́т, ва*см*о́й, въ нихъ также не то возникаютъ безголосные *р, л, н, м*, не то происходитъ взаимное примѣненіе. Голосовѣніе *с* передъ *м* въ такихъ словахъ какъ Кузьма, Измаил, организм, явленіе не русской, а греческой фонетики.—Превращеніе безголосныхъ въ голосовые происходитъ также въ концѣ словъ (не только предлоговъ, но и словъ самостоятельныхъ), если только не дѣлать послѣ нихъ паузу; мы говоримъ напр. бра̀*д* забыл кни́гу, по̀*б* дава̀л сто́ руб-ле́й, но́*з* бали̇̀т, мы*ж* б'нжыт, тсѐб зазвина́ла, гра̀*в* Га́бзбурскъй, прарò*г* Давы́т, мо́в гари̇̀т; также бра̀*д* Дани̇́л, по̀*б* брани̇̀л мужыка́, но́*з* зъбали̇̀ал, мы*ж* жа́лъбна пиштша́ла, тсѐб' будьт сна́та, гра̀в ва́жньтпъйьт, прарò*г* грами̇̀л паро́ки [1]). Однако Богородицкій и Александровъ, въ своихъ фонетическихъ транскрипціяхъ разсказа «Ось и чека» оба пишутъ (а кък уш) ра̀*с* зъгара̀лас ъс [2]); хотя по моему въ этомъ случаѣ не можетъ быть паузы (и Богородицкій здѣсь паузы не отмѣчаетъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть созвучія *с*з. Говорю о невозможности для русскаго языка: сами по себѣ сочетанія въ родѣ *с* з, *п* б возможны и дѣйствительно существуютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ необходимая для такого произношенія пауза, будучи минимальною, нисколько не мѣшаетъ цѣльности словъ, какъ ло́*с*за̄гн, а̀*п*би̇̄тн, о̀уфви̇̄јн; сравнимъ еще ми*т*бӱрјр, ва̇йсби̇̄р, шла̀*х*боум и особенно своеобразное *п*залм [3]), а также литовскія *ш* б, *шж*, *п* д въ

[1]) Сочетанія *гд* и *гг* (*кд* и *кг*) могутъ, кажется, переходить также въ вд и вг.

[2]) В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика (Варш. 1887), стр. 107 и 116=Р. Ф. В., т. XV, стр. 119 и 128.

[3]) Нѣмецкая орфографія этихъ словъ: lossagen, abbitten, aufwiegen, Mitbürger, Weiszbier, Schlagbaum, Psalm.

iszbégu выбѣгаю, iszżvejóju вылавливаю, lìpdamas лѣзущій [1]). Относительно хронологіи голосовѣнія передъ голосовыми естественно, хотя не обязательно, думать вмѣстѣ съ Соболевскимъ (Лекц. стр. 97), что оно произошло тотчасъ послѣ того, какъ безголосные—съ изчезновеніемъ ъ или ь—очутились передъ голосовыми; проявленіе этого уподобленія на письмѣ начинается съ XIII в.: ꙁде, нѣꙁдѣ Жит. Ниф. 1219 г. (тж., стр. 98).

Мягкіе согласные передъ твердыми—въ какомъ положеніи они могли очутиться, конечно, лишь по выпаденіи за ними ь—твердѣютъ. Напр. ка*н*т͡сы́, ба*р*т͡сы́, з̓в̓а̓*р*скъй, вздо́*р*нъй, по́*т*нъй изъ основныхъ **коньци, борьци, ꙁвѣрьскъи, въꙁдорьнъи, потьнъи**, гдѣ сначала, какъ слѣдъ онѣмѣвшаго ь, необходимо предполагать мягкость. Гротъ, когда говоритъ, что передъ наставками ный и скій не происходитъ умягченія у словъ на ъ и даже замѣчается у словъ на ь отвердѣніе, грѣшитъ противъ исторіи языка: въ какомъ-нибудь пу́тнъй, не смотря на пу*т̓*, нечего ждать мягкости вмѣсто твердости въ по́тнъй, т. к. русскій языкъ унаслѣдовалъ и только подвергъ дальнѣйшимъ изѣненіямъ сходныя фонемы **пѫтьнъи** и **потьнъи**. Разницы можно бы еще ждать между такими словами какъ м̓ирско́й и т͡са́рскъй, ᵘиспали́нскъй и ко́нскъй, го́рнъй и бу́рнъй, т. к. мы въ праславянскомъ должны предполагать съ одной стороны **мирьскъи, исполиньскъи, горьнъи** со средними согласными передь ь, а съ другой стороны (въ виду первичницъ **цѣсар̊ь, кон̊ь, боурꙗ**) **цѣсар̊ьскъи, кон̊ьскъи** и **боур̊ьнъи**—съ мягкими; однако въ русскомъ языкѣ, гдѣ нѣмѣвшій ь всегда оставлялъ по себѣ мягкость, эта двойственность была сглажена. Всѣ указанные примѣры представляютъ отвердѣніе передъ твердыми зубными; передъ задненёбными и губными мягкость сохраняется: н̓а́н̓ка, бар̓ба́, пис̓мо́ [2]).

---

[1]) Kurschat, Friedr. Grammatik des littauischen Sprache, Halle 1876, § 129 a.

[2]) Срв. мои Грамм. зам., т. I, стр. 89=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 191; срв. также польское разширеніе *e* и *ѣ* въ 'о и въ 'а только передъ твердыми зубными (да еще передъ r) sioło, las, но pogrzeb, wiek.

Особое положеніе занимаетъ звукъ л̀, который сохраняется и передъ твердыми зубниками: не только с̀т̀р̀и л̀ б̀а́, б̀и л̀ м̀о́, п̀о́ л̀ к а [1]), 'О л̀ г а, но также с̀е́ л̀ с к ъ̀ й, д̀е́ л̀ н ъ̀ й, з а с т̀о́ л̀ н ъ̀ й. Впрочемъ въ областной (сѣверновеликорусской и малорусской) рѣчи попадается также отвѣрдѣніе л̀: с и́ л н о й, б о л н о́ й, б о л ш о́ й, т о́ л к о и т. п.; в о́ л н и й, б і́ л ш и й, т і́ л к о и т. п. (Соб., Лекц. 106). Письменное проявленье отвердѣнія отмѣчено уже въ XIII и даже въ XII вѣкѣ: въ Галицк. ев. 1266 г. читается с н ѣ д ъ з н о, р а в ъ з н ы, т е м ъ з н ы, въ Добрил. ев. 1164 г. н и в ъ з н ы х ъ. Въ Галицк. ев. встрѣчаются также написанія б о л ъ з н а, д о в о л ъ з н о (Тж., стр. 105).

Т в е р д ы е с о г л а с н ы е, очутившись (по выпаденіи ъ) передъ мягкими, подвергаются уподобленію и у м я г ч а ю т с я, становясь мягкими, или средними; иногда впрочемъ умягченіе столь незначительно, что можно говорить о сохраненіи твердости. Не всѣ согласные одинаково способны умягчать другіе звуки, или сами умягчаться; кромѣ того въ этомъ дѣлѣ не мало мѣстнаго, а м. б. и личнаго разнообразія. Такъ губные и шипящіе даже передъ j, отъ коего прежде были отдѣлены также умягчительнымъ ъ, имѣютъ средній выговоръ: б̑ j у, п̑ j у, в̑ j у; р у ж̑ j о́, м ы ш̑ j а́ к. Впервые подмѣтившій здѣсь несогласіе произношенія съ письмомъ прот. Павскій впалъ въ преувеличеніе, усмотрѣвши здѣсь твердый выговоръ; кромѣ того онъ напрасно относилъ сюда же *ч* и *щ*. Или м. б. у него сказалось какое-нибудь областное произношеніе? По Коршу, въ нижецитуемой статьѣ, передъ j не умягчаются только *ш* и *ж*. У Малороссовъ и Бѣлоруссовъ губные передъ j дѣйствительно тверды, или почти тверды. Примѣры на полное умягченіе: в а с̀ н̀ а̂ (**къ сънѣ**), н а д̀ н̀ а̂ (**на дънѣ**), п р а д̀ л̀ и́ т̀ (*продълнти: рус.

---

[1]) Это слово представляетъ отступленіе отъ даваемаго Гротомъ правила, что „л умягчается передъ всѣми наставками, *кромѣ начинающихся съ к*“, самое же правило развилось вслѣдствіе того, что передъ начальными согласниками нашихъ суффиксовъ обыкновенно выпалъ ь, а передъ начальнымъ *к*—ъ: м'а̂ л к ъ̀ й, к о́ л к ъ̀ й, в̀ и́ л к а, с͡с ы́ л к а=мѣлъкъи, колъкъи, вилъка, съсылъка.

вдоль), з'л̇ит̇ (*ꙁлъти); на половинное: с к'ӓм (съ *кьмь) [1], г̇н̇и! (гъни!), в̇д̇а (къде); на минимальное умягченіе: гóрки, сáнки, пáлки [2]). Въ иныхъ словахъ д. б. не происходило выпаденія ъ, т. к. они образованы, или же подправлены въ сравнительно позднее время, когда уже не было особаго звука ъ—таковы предложныя слова с̇јес̇т̇ (стрцк. съпѣсти), вјӓст-в̇јӓзда, пад̇јóм и т. п. [3]). Такой случай представляютъ и только что приведенныя гóрки, сáнки, пáлки, т. к. ъ изъ основныхъ фонемъ горъкы, санъкы, палъкы, конечно, выпалъ ранѣе, чѣмъ слогъ кы, перешедши въ к'и, пріобрѣлъ умягчительность. Надо полагать, что, при чисто звуковомъ развитіи, постепенное умягченіе слога кы сопровождалось бы такимъ же умягченіемъ предшествующаго звука, и получился бы выговоръ гóр̇к'и, сáн̇к'и, пáл̇к'и; если же р, н, л довольно тверды, то въ этомъ естественно видѣть примѣненіе къ другимъ падежамъ, какъ гóрка, -у и т. д. Такъ же я объясняю привычное мнѣ, какъ и Гроту, произношеніе д̇ӓф̇к'и (или, если угодно, д̇éф̇к'и: е, кажется, не очень широкое); рекомендуемое Коршемъ—д̇éф'к'и ститаю самороднымъ [4]). Со словами нѣкогда представлявшими ъ не слѣдуетъ ставить на одну доску такія слова, гдѣ согласные издавна соприкасались и никогда не могло быть твердаго выговора, какъ п̇éс̇н̇и (стрцк. пѣсни), ваи̯н̇с̇т̇вьнъй (коньствьнъи): здѣсь уже у

---

[1]) Наша буква ъ въ такихъ случаяхъ не имѣетъ своего настоящаго значенія, а иногда и вполнѣ равносильна ъ: напр. слово аб̇јóм отличается отъ слова паб̇јóм только отсутствіемъ звука п.

[2]) Послѣднее слово, вслѣдствіе весьма распространенной картавости, превращающей твердый л въ чисто-губное (т. е. не зубно-губное) в, похожее на англійское w, а послѣ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ—въ неслогóвое у, такъ что получаются дифтонги оў, аў, ӓў, иў, ыў, можетъ и не представлять своеобразнаго л.

[3]) Срв. мою статью „Объ устраненіи ъ“, стр. 5=Р. Ф. В., т. XIV, стр. 351. Въ этой статьѣ я впрочемъ напрасно приписывалъ словамъ съѣсть и объявить с и б мягкія.

[4]) Я. К. Гротъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка (Филолог. разыск.). Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen (Arch. f. sl. Ph., B. III).

Праславянъ имѣлось нѣкоторое умягченіе (выговоръ средній), и въ Русскомъ языкѣ произошло только усиленіе мягкости. Тѣмъ менѣе можно говорить объ уподобленіи тамъ, гдѣ послѣ согласнаго выпалъ оставлявшій по себѣ мягкость ь, напр. въ словахъ на *чик*: ма́л̓т̓ш̓ьк, ко́н̓т̓ш̓ьк, ла́р̓т̓ш̓ьк=*мальчикъ, *коньчикъ, *ларьчикъ, также *д* въ словахъ бѣдствіе и поздній (б'е́т̓с̓т̓вьйа, по́з'н̓ьй), давшее въ первомъ словѣ *т*, а во второмъ выпавшее, вовсе не умягчилось путемъ уподобленія, т. к. первоначальныя формы были бѣдъствьје, поздъньй (стрцк. **поздьнъ**). Коршъ, и въ большей еще степени Гротъ недостаточно обращаютъ вниманіе на указанное обстоятельство. Гротъ иногда даже сбивается со звуковъ на буквы и ожидалъ бы умягченія въ словахъ то́ржъш̓т̓ш̓а, ста́р*ш*ъй передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*: здѣсь напротивъ того произошло отвердѣніе въ одномъ случаѣ мягкаго или средняго, а въ другомъ несомнѣнно мягкаго *р*—основныя фонемы тър̓ж'ищ'е или тър̓ж'ищ'е и стар̓ш̓ьй (стрцк. **стар̓ьшии** вин. п.).—Что̀ до времени умягченія передъ мягкостью, то Соболевскій (Лекц., стр. 105) приводитъ на него примѣры уже изъ памятниковъ XII—XIII вѣка: възя, възяти Добр. Ев. 1164 г., ропъщють Псалт. 1296 г., алъчьна, алъчюща Галиц. Ев. ок. 1266 г. [1]).

Шипящіе и свистящіе несочетаемы, и свистящій передъ шипящимъ самъ становится таковымъ же, вмѣстѣ съ чѣмъ, разумѣется, происходитъ также уподобленіе голосового слѣдующему безголосному или безголоснаго—голосовому: вмѣсто *сш*, *зш* появляется двойное, или, лучше сказать, нѣсколько протяжное *ш*, вмѣсто *зж*, *сж*—такое-же *ж*, напр. ш͡шу́мъм, бишш͡у́му;

---

[1]) Послѣднее слово меня нѣсколько затрудняетъ: хотя теперешній выговоръ а*л*чный, а*л*чущій и могъ бы считаться вторичнымъ порожденіемъ орфографіи, но вѣдь мы произносимъ ма*л*т̓ш̓а́т̓. Приводимыя тамъ же жа*л*ьче и ме*л*ьче д. б. заимствовали мягкость у болѣе раннихъ жа̑льше и мѣ̑льше (вѣдь первичная сравнительная степень первоначально производится отъ корня), или же произошли изъ нихъ посредствомъ замѣны *ш*, въ угоду звуку *к* положительной степени, черезъ *ч*.

ж͡ж ы н о́ й у, б̓ ь ж͡ж ы н ы́; ш̓ т̓ ш̓ е́ с̓ т̓ ј у, б̓ и ш̓ т̓ ш̓ е́ с̓ т̓ и. (Передъ ш̓ т̓ ш̓ *з* и *с* вовсе пропадаютъ: б̓ и ш̓ т̓ ш̓ о́ т̓ к'и; сочетанія *сщ* въ предложныхъ соединеніяхъ не существуетъ, т. к. говорятъ напр. с *а* ш̓ т̓ ш̓ о́ т к ъ й, мы однако встрѣтимся съ нимъ ниже). Впрочемъ насчетъ ж͡ж и ш͡ш изъ *зж* и *зш* слѣдуетъ сдѣлать оговорку, которая относится также къ з͡з и с͡с (напр. б̓ ь з͡з а б о́ т, б̓ и с̓ с̓ и́ л ы). Въ староцерковномъ, какъ извѣстно, предлоги, которые у насъ въ отдѣльномъ написаніи кончаются на *зъ*, обыкновенно **ъ** не имѣютъ и подвергаются сліянію съ согласнымъ зачиномъ соединяемаго съ ними реченія, напр. **бештисльнъ, бештисла, нжденѫ** (**шт** и **жд** вторичное упрощеніе ш͡тш и ж͡дж изъ з͡тш, з͡дж); **бесилы, безъла; бездразоума** (съ переходнымъ отъ *з* къ *р* звукомъ *д*); **бежнѥго** (съ такимъ же смягченіемъ какъ **мышлѭ** къ **мыслити**). Если же русскій языкъ въ такихъ случаяхъ унаслѣдовалъ *щ*, *ждж* и т. д. (соотвѣтственныя написанія, кромѣ **жи**, вполнѣ обычны въ старѣйшихъ рускихъ памятникахъ, напр. из-д-Ростова Сказ. о Бор. и Гл., по сп. XII в.), то соединеній *зш*, *зж*, *зч* въ немъ никогда не было, а произошла только п о п ы т к а возстановить въ чистомъ видѣ какъ изглашеніе предлога, такъ и зачинъ соединеннаго съ нимъ слова, при чемъ возстановляемое *з* прямо стало звучать *ж*, *ш* или *с*. Первые примѣры на возстановленіе (по Соб., Лекц. 130) р а *с с* у д и т и Тріодь Моис. кіевлян. XII—XIII в., 14, и *ж ъ ж* е н у т ь Ев. 1270 г., 24, б е *з з* л о б ь ѥ Кормч. ок. 1282 г., 458. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ подобныхъ написаніяхъ могло бы отражаться мудрствованіе грамотѣевъ, а не живое произношеніе.—Стремленіемъ къ раздѣльности корня и приставки я объясняю себѣ также старинную замѣну *зш̓*, вмѣсто *ш̓*, черезъ *ш̓ т̓ ш̓*, напр. **ищъдъше** Остр. ев. 65 г., **ищьдъше** 99 а, **ращибе** Минея XII в., Ягичъ, 20, стрк. 2 сн. (едвали можно сомнѣваться, что **щ** здѣсь трифтонгъ, а не сокращеніе вм. **шт**); Соболевскій, Лекц. 46, склоненъ понимать здѣсь **щ** какъ *ш'ш'*, что̀ по моему весьма неправдоподобно.

Случаи, гдѣ бы приходились ш и п я щ і е п е р е д ъ с в и с т я щ и м и, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: с̓ т̓ р̓ и м̓ и̋ с̓ с̓ а,

н̓ и с̓ о̏ с̑ с̑ а. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе **шн** или *шь+сѧ д. б. дало бы ш̓с̓а и далѣе с̓с̓а съ мягкимъ *с*, но здѣсь могло повліять отвердѣніе *с* послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такія сочетанія въ прилагательныхъ на ской, напр. волóшскій, прáжскій, мужскóй, петербýргскій (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ *г*, то это только невѣрное правописаніе, срв. петербýр*ж*ецъ [1])—здѣсь *шс* и *жс*, передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый *с*. *Ч*, сливаясь со слѣдующимъ *с*, даетъ *ц*, что̀ бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на ской, напр. мъладѣ̑тскъй, ӣигрѣ̑тскъй, мъскварѣ̑тскъй=*младьчьскъи, *игрьчьскъи, *москворѣчьскъи; таково же народное купѣ̑тскъй при литературномъ купéт̓ш̓ьскъй. Для оправданія двоякости окончанія ӓтскъй и єт̓ш̓ьскъй можно сослаться на то̀, что ь между *ч* и *с* не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. **коупьчьскъ**, что̀ дало купéческ и въ именахъ на ство—***коупьчьство**, откуда купéчество.

Удвоеніе или, лучше сказать, усиленіе согласныхъ, каковое мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ только что отмѣченныхъ случаевъ, есть явленіе рѣдкое въ русскомъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ (въ староцерковномъ, а д. б. и въ праславянскомъ его вовсе не существовало). Мы нерѣдко произносимъ усиленный *н* въ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ: са̏ннъй, п̓а̏ннъй, н̓ь п̓р̓им̓а̏ннъй; да̏ннъй, жыла̏ннъй, ръз̓д̓ил̓о̏ннъй и т. п. Срв. выше, стр. 101. Въ прилагательныхъ этого рода дѣйствительно имѣется соединеніе двухъ *н*, изъ коихъ одинъ принадлежитъ первичному имени, а второй про-

---

[1]) Дѣйствительно содержатъ сочетаніе *гс*=*кс* или *хс* прилагательныя таганрóгскій и криворóгскій, навѣрное, книжно-искусственныя, да м. б. въ живомъ употребленіи и не представляющія какофоническихъ созвучій *кск* или *хск*. Ужъ несомнѣнно книжное образованіе оскскій произносится о̏сскъй. Л'є́йп̓т̓с̓ьхскъй отъ иностраннаго Л'є́йп̓т̓с̓ьх и т. п. въ счетъ не идетъ.

изводственной наставкѣ: **сан-ьнъи, пѣн-ьнъи, непрѣ-мѣн-ьнъи**; причастія же не имѣютъ этимологическаго права на удвоеніе, которое появилось въ нихъ, думается мнѣ, вслѣдствіе того, что они стали чувствоваться производными отъ приглагольныхъ именъ на аніе, еніе, напр. желанный отъ желаніе. (Первоначальное соотношеніе, какъ извѣстно, обратное). Обособившіяся отъ глагола причастія лужо́нъй, кало́нъй, прида́нъйа и т. п. остались безъ усиленія. Усиленный л представляютъ прилагательныя гуль-ли́вый, щеголь-ли́вый. Усиленное *в* получается при положеніи предлога *в* передъ зачиннымъ *в*: напр. ввада̂, вви̇сти́, вво̇л не совпадаютъ съ дат. вада̂ и съ безпредложнымъ глаголомъ ви̇сти́-во́л. Подобнымъ же образомъ при употребленіи предлоговъ от, под возникаютъ тт и дд: аттуда, о̏ттьпьл, адда́т, адда̂лът, паттайьт (срв. пота́ять, содержащее предлогъ по), паттибрьт, падда́кьвът, паддéлнъй (срв. поддѣ́льная бума́жка и подѣ́льная пла́та). Нѣсколько инымъ путемъ появилось тт въ инфинитивѣ и тти́ вм. древнѣйшаго **н-ти**, а именно подъ вліяніемъ настоящаго и *д*у́. См. Сравнит. морфол., стр. 462, пр. 2. Усиленіе звука *п* слышится въ предложномъ выраженіи о̏ппъл; но это единичный случай, т. к. предлогъ *об* передъ *п*, какъ и вообще предъ согласными, обыкновенно является въ видѣ *о*. Въ предложныхъ соединеніяхъ замѣчаются также встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе (стр. 133) сс, зз, шш, и жж [1]). Здѣсь прибавлю еще, что есть также усиленное *ж* мягкое, которое восходитъ къ основному *здj* или *згj*: jéжжу, дажжи́, до̏жжьк, дро̏жжи; таково же *ш* замѣняющее, по московскому произношенію, *щ*: гу̏шша, пушшу́. Усиленіе имѣетъ мѣсто также при столкновеніи *т* и *д* съ тш и тс: пъттшшиыта́т, т. е. подготовиться чтеніемъ, не совпадаетъ съ пътшиыта́т уважать, аттссыпи́т (напр. вагонъ) не совпа-

---

[1]) Иное сс мы видѣли на стр. 101.

даетъ съ а т͡с ы п̓ и́ т̓ (напр. домъ). Такія же «удвоенные» *ч* и *ц*, только иного происхожденія, а именно изъ т+с, т+ш, д+ш намъ встрѣтились уже на стр. 101 и 118. Въ иныхъ словахъ, какъ с а л д а̏ т̓ т̓ ш̓ ш̓ ь н а, с к л а̏ т̓ т̓ ш̓ ш̓ ь н а, п̓ ь р̓ и п̓ л̓ о̏ т̓ т̓ ш̓ ш̓ ь к, п̓ ь р̓ и в о̏ т̓ т̓ ш̓ ш̓ ь к, к а б а̏ т̓ т̓ ш̓ ш̓ ь к, усиленное *ч* восходитъ къ сочетаніямъ *тщ*, *дщ*, *чщ*: производки тутъ щ и н а, щ и к, древнѣйшія **ьщина**, **ьщикъ**, представляющія распространеніе **ьскъ**; срв. б а́ р щ и н а при б а́ р с к і й, д е н ь щ и́ к ъ при д е н ь с к о́ й равныя основнымъ б о ј а р ь щ и н а, б о ј а р ь с к ъ, д ь н ь щ и к ъ, д ь н ь с к ъ. Этимологическое написаніе разсматриваемыхъ словъ было бы поэтому с о л д а т *щ* и н а, с к л а д *щ* и н а, п е р е п л е т *щ* и к ъ, п е р е в о д *щ* и к ъ, к а б а *чщ* и к ъ (также р а з н о *сщ* и к ъ, и з в о *зщ* и к ъ): рѣшительно незачѣмъ тутъ говорить о какомъ-то переходѣ *щ* въ *ч*, а Гротовское к а б а *к* щ и к ъ, будто-бы перешедшее затѣмъ въ каба*т*щикъ, а далѣе въ к а б а *т* ч и к ъ, есть совершенно невозможное построеніе.

Для усиленнаго выговора согласныхъ не безразлично удареніе: безударность предшествующаго гласнаго, хотя и не исключаетъ удвоенія, но не благопріятствуетъ ему. Такъ говорится д а̏ н͡н ъ й, но д а н а́, -о́,-ы́. Также усиленный *с* во 2 лицѣ возвратныхъ глаголовъ, явственный послѣ ударенія, при отсутствіи его упрощается: з̓ д̓а̏ л ъ й ь с̓ а, н а д̓ е́ й ь с̓ а, с т а р а́ й ь с̓ а, в̓ л̓ у́ б ь с̓ а. Впрочемъ тутъ можетъ быть и слышится (вообще, или же иногда) нѣкоторое усиленіе; но въ 3 лицѣ при такихъ условіяхъ положительно является обыкновенное *ц*: сравнимъ глагольныя формы к у́ р и т с я, п е р е н о́ с и т с я, к а́ т и т с я, д ѣ́ л и т с я, с т е́ л е т с я и с л а́ в и т с я съ существительными к у́ р и ц а, п е р е н о́ с и ц а, к а р а к а́ т и ц а, б е з д ѣ́ л и ц а, м я т е́ л и ц а, к р а с а́ в и ц а—каждая пара составляетъ чистую трехсложную рифму, а первыя двѣ вполнѣ совпадаютъ. Въ словахъ пришлыхъ мы послѣ ударенія болѣе-менѣе выдерживаемъ свойственное ихъ первообразамъ усиленіе и говоримъ к а̏ с͡с а, в̓ и̏ л͡л а, г р у̏ п͡п а, г а̏ м͡м а, но въ иномъ положеніи производимъ упрощеніе и говоримъ к а с̓ и́ р, г р у п̓ ь р а в а́ т̓, также а л̓ е́ й а, Р а с̓ и́ й а, а б а́ т: удвоеніе, которое слышится таки и въ такихъ случаяхъ, звучитъ вычурно.

Впрочемъ упрощеніе не разъ происходитъ и передъ удареніемъ (видно потому, что собственно-русское усиленіе является рѣдко и всегда по этимологическимъ причинамъ, и потому въ этимологически темномъ словѣ кажется совершенно лишнимъ): говорятъ напр. п р а ф̇ӓ с ъ р, к л а́ с ы, к а д̇ӓ т ы, в а́ л. Ближайшій источникъ этихъ словъ нѣмецкія Professor, Klasse, Kadett, Wall. И въ русскихъ словахъ выражаемое на письмѣ удвоеніе не всегда соблюдается въ выговорѣ: мы произносимъ напр. р у́ с к ъ й, ф р а н т͡с у́ с к ъ й. Обратное явленіе мы отмѣтили выше (стр. 101) въ существительномъ п о р у ч и к ъ и въ нарѣчіи в п р о ч е м ъ. (Таково и прилагат. п р о ч і й: въ него, кажется, вносятъ окончаніе сравнительной степени -ш і й) [1]).

Усиленныхъ *к* и *г*, которыя попадаются въ пришлыхъ словахъ (М е к к а, к в а г г а), въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи не существуетъ: возникшія было въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетанія *кк* и *гг* перешли въ *хк* и *бг*: м̇а́ х к ъ й изъ **мѧкъкъи**, *х* к а м у́ изъ **къ комоу**, л̇о́ х к ъ й изъ **льгъкъи**; б г а р̇ӓ изъ **къ горѣ**. Срв. стр. 112, пр. 2; но также 129. Въ памятникахъ это явленіе засвидѣтельствовано уже въ XIV столѣтіи: м я *х* к ы Поликарп. ев. 1307 г., Ев. 1354 г., *х* к о ѥ и п р и т ч и Ев. 1354 г., *х*ъ к и е в ь с к и м ъ Лавр. сп. лѣт., л. 15, стр. 13 (*ѕтпѳ*); также *г* к о м у Лавр. 159 об., 20, *г* к у д е с н и к у 119 об., 24, *г* к а м е н и 130 об., 23 и т. п. естественно, вслѣдъ за Соболевскимъ (Лекц., стр. 100), читать *х* к о м у и т. д.

Подобнымъ же образомъ, какъ передъ другимъ к или г, превращеніе к и г въ х и б происходитъ передъ *т* и *д* (также передъ *ч*, первый элементъ котораго есть *т*): х т о, х т а м у́, х̇ т̇ и б̇ а, л̇ е́ х̇ т̇͡ш и ы, м̇ а́ х̇ т̇͡ш и ы, х̇ т̇͡ш и ы м у́; примѣры на бд см. выше, стр. 112. Однако мы произносимъ л̇ а́ к̇ т̇ и!, л о́ к̇ т̇ и. Х т о есть

---

[1]) Усиленные мягкіе созвучники (иногда впрочемъ вторично отвердѣвшіе) представляютъ нарѣчія Малорусское и Бѣлорусское на мѣстѣ болѣе раннихъ сочетаній съ j, напр. малорус. с у д̇д̇а́, к о л о̏ с̇с̇а, с̇и̏л̇л̇у, бѣлорус. с у д̇д̇з̇а́, к а л о̏ с̇с̇а, со̏л̇л̇у (ближайшимъ образомъ изъ с у д̇ j а́, к о л о́ с̇ j а, с о́ л̇ j у—староцерк. **сѫдии, класиѥ, солиѭ**).

и малорусская форма; въ памятникахъ она встрѣчается съ XIV столѣтія.

Созвучія *чн* и *щн* упрощаются въ *ш* н: м а л о́ *ш* н ъ й, с к у́ *ш* н ъ й, к а л а́ *ш* н ъ й, б у́ л ъ *ш* н ъ й а, п а т̑ с̑ в е́ ш̇ н̇ ь к, к̇ л̇ у́ ш̇ н̇ ь т с а, и т. п., а в а *ш* н о́ й (о́ в ъ ш̇т̇ ш̇ и ы), т о́ *ш* н а (т о́ ш̇т̇ ш̇ ь й=**тъштьн**, т а с к а́=***тъска**). Въ словѣ п а м о́ ш̇ н̇ ь к *ш* д. б. произошло изъ *ч*, и написаніе черезъ *щ* слѣдуетъ признать славянизмомъ. Упрощеніе *чн* въ *ш* н общерусское: по малорусски напр. серде́шний, немошни́й, па́сішник, по-бѣлорусски п а м о́ ш н и к, с к у́ ш н а, р у ш н и́ к. Примѣры въ письменности указываютъ съ конца XIV или съ начала XV в. (Соб., Лекц. 100). Однако существуетъ также созвучіе *чн*, появленіе котораго въ иныхъ случаяхъ можно оправдать книжнымъ характеромъ слова: б р а ч н ы й, з л а ч н ы й, м л е ч н ы й, м р а ч н ы й, п р о з р а́ ч н ы й, а л ч н ы й, п е р в и́ ч н ы й, в т о р и́ ч н ы й, т р е т и́ ч н ы й (м. б. сюда позволительно отнести также прилагательныя в ѣ ч н ы й, п о б о́ ч н ы й, п о р о́ ч н ы й), въ другихъ случаяхъ можно сослаться на охранное или же возстановительное вліяніе родственныхъ формъ: н а ч н у́ (н а ч а́ т ь), к а ч н у́ (к а ч а́ ю), о т л и́ ч н ы й, п р и- (о т л и ч и́ т ь), о б ы́ ч н ы й (о б ы́ ч а й), встрѣчный (в с т р ѣ́ ч а), н е р а з л у́ ч н ы й (р а з л у ч а́ т ь), т о ч н ы й (т о ч ь в ъ т о ч ь), в ь ю ч н ы й (н а в ь ю́ ч и т ь), з в у ч н ы й (з̑ в у ч а́ т ь), з а п е́ ч н ы й (п е ч ь), б е з п е́ ч н ы й (н е п е ч е́ т с я), п р о ч н ы й (у п р о́ ч и т ь). Есть однако случаи, для которыхъ я не вижу объясненія: п о п е р е́ ч н ы й, с о ч н ы й, т у ч н ы й, с р о ч н ы й, у р о́ ч н ы й, к о н е́ ч н о (рядомъ съ к о н е́ ш н о), и с т о́ ч н и к ъ. Впрочемъ можно думать, что здѣсь имѣется, въ родѣ того какъ въ первомъ рядѣ словъ, вліяніе письма на произношеніе. Народное произношеніе послѣдовательнѣе литературнаго (не знаю однако вполнѣ ли послѣдовательно): слышится та̀к т о́ ш н а, с̇ и р̇ д̇ а̇ ш н ъ й, и с т о́ *ш* н и к (отмѣчено Колосовымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губ.) и даже з а п е́ ш н ы й и в ѣ ш н ы й туль. Р. Ф. В., X, 31).

Зачинное созвучіе *чт* упрощается въ *шт* въ мѣстоименіи *шт* о: написаніе **што** отмѣчено уже въ Добриловомъ ев. 1164 г. и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII в. (Соб., Лекц. 99, Р. Ф. В., XV, 9, п. 3). Но *ч* т и т ь, *ч* т е ц ъ; также между гласными: м е *ч* т а́, м а́ *ч* т а,

п*о́ч*та. Однако въ народной рѣчи п*ош*т*е́*нье, п*ош*т*е́*нный. Написанье **поштєннѥ** приведено выше, стр. 49.

*Х*в въ народной рѣчи иногда сливается въ одинъ звукъ *ф*, средній между *х* и *в*: отъ перваго идетъ безголосность, отъ второго—зубногубное образованіе. Такое превращеніе произошло у галицкихъ малороссовъ (ф і с т, ф а т и́ т и, ф а л и́ т и, ф о́ р о с т) и кое у какихъ великороссовъ: ф о с т, ф а т а́ т ь, ф о́ р о с т Туль. губ., туль. у. (Р. Ф. В., X, 29), «по*ф*альбами всѣ по*ф*аляются... кто чѣмъ... *ф*астаетъ» Он. был., 387. Что̀ до хронологіи, то самый ранній примѣръ на *ф* вм. *хв* изъ приводимыхъ Соболевскимъ (Лекц., 125) есть л и ф о ю въ Ев. 1399 г. Болѣе ранніе примѣры (XIII в.) имѣются на смѣшеніе въ пришлыхъ словахъ *ф* и *х—х*, рядомъ съ *хв*, стало обычной замѣной иностраннаго *ф* у Малороссовъ: Х о м а́, Х і́ в р я (Хавронья, Февронія), Х в е́ д і р, Х в и л и́ п.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые случаи в ы п а д е н і я согласныхъ. Изъ созвучій *стн*, *здн* выпадаютъ *т* и *д* (сохраняемые однако на письмѣ): с т р а́ с н ъ й, т̓ш̑а̑с н ъ й, г р у́ с н ъ й и т. д., п р а́ з н ъ й (**праздьнъи**), б̓а̑з н а, п о́ з н а [1]). Примѣры на с н вм. с *т* н, по Соболевскому (Лекц. 102 и 103) восходятъ къ XIV в. [2]). Выше (стр. 49) мы видѣли гораздо старѣйшій, но зато сомнительный примѣръ.—С *т* л превращается въ с л: с л а т̓=**стьлати** совпадаетъ со с л а т̓—**сълати**; е с т ь л и даетъ е с л и. Такимъ же образомъ, надо полагать, развились м а́ с л о, ј а́ с л и, ч и с л о́, изъ м а́ с *т* л о, ј а́ с *т* л и, ч и с *т* л о́,=м а́ з-т л о, ј а́ д-т л и, ч и т-т л о́—только это произошло не на русской почвѣ, а на праславянской.—Средній звукъ опускается также изъ группы с *т* к, все равно восходитъ ли она къ **стък** или къ **ꙁдък**: н̓ и в̓ а̑ с к а, п а в̓ а̑ с к а, [й] и з̓ в̓ о́ с к а, м а с̓ к'и́; б а р о́ с к а, п а ј а̑ с к а.—З д б изъ с т б, с т ъ б дало з б въ словѣ [й] и з б а́=и с т ъ б а, уменьш. и с т ъ б ъ к а (**истобкꙋ** въ Лавр. сп. лѣт., 150 б, стрк. 4 сн., 151 а, 6 и 8 св.): современное уменьш.

---

[1]) Употребляемое также, хотя и не попавшее въ письменный языкъ п о́ з д а не представляетъ выпаденія *н*, а должно быть приводимо въ связь со староцерковнымъ **поꙁдѣ**.

[2]) У Соболевскаго въ указанномъ мѣстѣ приводится еще нѣсколько единичныхъ случаевъ выпаденія согласныхъ.

изо́бка и поль. izdebka подправлены въ угоду первичницѣ изба́. Мимоходомъ отмѣтимъ, что ходячая этимологія «изба отъ топить» совершенно невозможна. То же звуковое явленіе какъ изба представляетъ гозьба́ пиръ олон. (Кол., Замѣтки, 201), приводимое и Далемъ, какъ новгородское, въ этимологическомъ написаніи гос*т*ьба́. Срв. серб. го̀зба, болг. го́зба.

Выпаденіе передъ *н* смычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *б*, *п*, *д* и *т* у эновыхъ глаголовъ—д̇ви́нут̇, т̇и́снут̇, з̇г̇и́нут̇, утану́т̇, к̇и́нут̇, в̇ирну́т̇ и т. п., я склоненъ считать не русскимъ, а праславянскимъ явленіемъ, объясняя выговоръ ля*г*ну́ть, поги́*б*нуть, староцерк. **двигнѫти** и т. д. вторичнымъ, хотя бы и раннимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ, сохранявшихъ *г*, *б* и т. д. (ляга́ть, погиба́ть, **двиглъ** и др.). Срв. однако Лекціи Соб., стр. 31, п. 2.

Несомнѣнно праславянскимъ должно считаться опущеніе *в* послѣ *б*, при сочетаніи предлога *об* со словомъ начинающимся съ *в*: о́блако, оболо́чка, о́бод, противорѣчіе которыхъ такимъ словамъ, какъ обва́л, обви́ть, обвѣ́сить, легко объясняется тѣмъ, что утрата *в* произошла у Праславянъ (срв. староцерк. **облакъ, обити, обѣсити**, серб. о̏бла̄к, чеш. oblak, поль. obłok и т. п.), а Русскіе (также другіе славяне) въ словахъ этимологически ясныхъ возстановили *в* и во вновь образуемыхъ не выбрасывали его.

Противуположная выпаденію вставка—явленіе рѣдкое. Наиболѣе обычно *т* какъ посредствующее звено между *с* и *р*, но и оно по литературному произношенію присвоено одному глаголу вс*т*рѣтить и родственнымъ встрѣчать, встрѣча, встрѣчный; въ народной рѣчи весьма обычны еще с*т*рамъ и с*т*ражаться, -женіе. О вставкѣ гласныхъ звуковъ (*о* и *е* и ихъ вторичныхъ видоизмѣненій) уже упомянуто ранѣе и придется еще говорить при обзорѣ склоненій.

Отпаденію подвергается звукъ *л* съ предшествующимъ созвучникомъ. Случай къ тому представляется 1) въ мужескомъ родѣ прошедшаго времени (элеваго причастія): н̇ос, в̇ос, п̇ок, с̇т̇ир̇о́к, паг̇и́п, у́м̇ьр—староцерк. **неслъ, везлъ, пеклъ, стрѣглъ, погыблъ, оумрьлъ**. Особое положеніе корней на *т*, *д*, у коихъ изчезаютъ эти звуки, а *л* сохраняется (пл̇ол, в̇ол) обусловлено тѣмъ,

что *т* и *д* передъ *л* выпали въ юговосточной славянщинѣ, или м. б. даже въ праславянщинѣ, и русскій языкъ унаслѣдовалъ тожественныя со староцерковными фонемы **плелъ, велъ** [1]). 2) Отпаденіе *л*, а именно *л* мягкаго, замѣчается въ существительныхъ мужескаго рода на **бл̑ь, вл̑ь, мл̑ь**: к а р а́ п̇ или к а р а́ п, р у п̇ (р у п), к̇ р̇ е м̇ (к̇ р̇ ä м). Въ этихъ случаяхъ однако л̇ иногда сохраняется (но, кажется, лишь у людей книжныхъ, подъ вліяніемъ письма), при чемъ становится безголоснымъ: к а р а́ п̇ л̇, р у п̇ л̇, ж у р а́ ф л̇, к̇ р̇ е м̇ л̇. Подобнымъ же образомъ возникаетъ въ исходѣ б е з г о л о с н ы й *р*: т̇ ä а́ т р, с м о т р, П' о т р, А л̇ ä к с а́ н т р. По другому книжному произношенію: т̇ и а́ т ъ р, с м о́ т ъ р, П' о́ т ъ р, А л̇ и к с а́ н д ъ р, съ *ър* или м. б. правильнѣе сказать со слоговымъ *р*; народъ же въ подобныхъ словахъ, по скольку ихъ употребляетъ (едвали напр. простолюдинъ скажетъ «о н ъ п о д л ъ» или «о н ъ м у д р ъ»), мѣняетъ окончанія, говоря съ одной стороны т̇ и й а́ т̇ ь р (к̇ и й а́ т̇ ь р), какъ в̇ е́ т̇ ь р, а съ другой—П' о́ т р а, Л' и к с а́ н д р а.

Отпадаетъ, или же становится слоговымъ также звукъ *н* съ предшествующимъ *з*: с а б л а́ с или с а б л а́ з ъ н, к а́ с̇ или к а́ з̇ ь н̇. Пришлое окончаніе *изм* звучитъ обыкновенно и з ъ м; простолюдины, кажется, превращаютъ его въ изма: р̇ ь в м а т̇ и́ з м а. Искусственное произношеніе допускаетъ въ такихъ случаяхъ *н* и *м* безголосные.

Въ областной рѣчи нерѣдко отпаденіе конечнаго *т* послѣ *с*: х̇ р̇ о с, п о́ ј ь с, г о с̇ вм. литературныхъ к̇ р ä с т, п о́ ј ь с т, г о с̇ т̇. Срв. болгарскій выговоръ к о с, п ъ р с, г р о с вм. первоначальныхъ **кость, прьстъ, гроздъ**. Историческія справки насчетъ отпаденія согласныхъ (Соб., Лекц. 104) весьма скудны, д. б. отпаденіе явленіе довольно новое; хотя отсутствіе *л* въ извѣстныхъ формахъ элеваго причастія теперь—общерусское.

Иногда встрѣчается, противоположное отпаденію на концѣ приставка въ началѣ, или, употребляя Гротовскій терминъ, п р и з в у к ъ. А именно въ иныхъ словахъ является передъ начальнымъ *о* приставочное *в*: в о́ т ч и м рядомъ съ о́ т ч и м, в о́ с е м ь (однако в о с ь м и или о с ь м и́, в о с ь м о́ й или о с ь м о́ й), народныя

---

[1]) Срв. мою статью О вставочных д и т. Грамм. зам., т. I (Р. Ф. В., т. V).

во́стрый, во́спа вм. о́стрый, о́спа [1]). По-малорусски призвучное *в* (для котораго я впрочемъ выше, стр. 99) предложилъ иное толкованіе, составляетъ правило передъ *о* сужденнымъ. Написанія вовьца, воовца Соболевскій (Лекц., 113) приводитъ уже изъ Галицкаго евангелія ок. 1266 г. Великорусскія же его примѣры (напр. изъ духовной Ивана Калиты), гдѣ «призвучное» *в* слѣдуетъ за предлогомъ *въ*, надо полагать, представляютъ лишь двукратное написаніе предлога. Призвукъ v передъ *o* господствуетъ въ языкѣ Лужицкомъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ: voraś (-aś), voŕech (или vóŕech), а также въ народныхъ говорахъ Чешскаго: vorat, voř ech.

Кое-что о призвучномъ в и о праславянскомъ призвукѣ сказано въ моихъ Дополн. къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, стр. 60—62 и 117 пр., = Р. Ф. В., т. XXII, 115—117 и XXIII, 98.

---

[1]) Приставочное *в* отчасти могло бы считаться предлогомъ—срв. одно мое соображеніе, въ Дополненіяхъ къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, подъ словомъ otŭ, стр. 121 (Р. Ф. В. XXIII, стр. 289).

Поправки и дополненія.

Стр. 5, стрк. 17. Совпаденіе ѫ съ оу и ѧ съ ꙗ проявляется и въ Архангельскомъ евангеліи 1092 года—почти полнымъ устраненіемъ ѫ (ѫ читается нпр. на л. 13, об., стрк. 10 сн.: **вьсѧкѫ розгоу** и на 38, стрк. 6 св.: **ꙁапрѣти ѥмѫ**) и довольно послѣдовательнымъ употребленіемъ, независимо отъ этимологіи, въ началѣ слоговъ ꙗ, а послѣ согласныхъ—ѧ, сходно съ новоцерковною орфографіей.

Стр. 10, стрк. 17. Все-таки можно предположить здѣсь отвердѣніе: какъ р̓е, л̓е, н̓е, несомнѣнно мягкія въ праславянскихъ фонемахъ **мор̑е, пол̑е, кон̑еви**, у Малороссовъ сдѣлались полутвердыми, такъ могли отвердѣть и всѣ слоги съ *е* (также и съ *и*), если были мягкими въ общерусскомъ. Но мнѣ (наперекоръ Шахматову, Литографиров. лекціи, стр. 154) это кажется невѣроятнымъ и думается, что сначала поотвердѣли рѣшительно преобладавшіе въ языкѣ средніе слоги бе, де и т. д. и потомъ уже они потянули за собой и немногочисленные мягкіе. Указываемые тамъ же написанія съ ѥ вм. простого є (**нєбєсѥ** Стихир. 1157 г., 103 в., **естѥ** Мин. XII в., № 221, 22а и т. п.) м. б. свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи значенія буквы ѥ.

Стр. 13, пр. 2. Лекціи Шахматова, § 58, стр. 161.

Стр. 15, стрк. 5 сн. Явные примѣры на совпаденіе *ы* и *и* встрѣчаются въ памятникахъ съ XIV в. Соб., Лекц., стр. 74. Впрочемъ изъ болѣе раннихъ случаевъ «очень рѣдкихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія» иные мнѣ кажутся довольно убѣдительными—таковы п р о с *ы* т и и с ъ в ѣ т ь н *ы* к ъ въ Добриловомъ евангеліи 1164 года.

Стр. 16, стрк. 13 сн. Срв. поправку къ стр. 10, стрк. 17.

Стр. 21, пр. 2. Вм. к ъ р а л̓ в̓ и е́ т̓ ш̓ нужно к ъ р а л̓ е́ в̓ и т̓ ш̓, или, лучше, к ъ р а л̓ е́ в̓ ь т̓ ш̓.

Стр. 23, стрк. 10. Отъ слова м̓ и ш о́ к употребляются и подражательное м̓ и ш о́ т̓ ш̓ ь к и самородное м̓ и ш̓ е́ т̓ ш̓ ь к.

Ст. 24, стрк. 12. Возможно, что было не **седъло**, а **седъло**.

Стр. 25, стрк. 18. Соболевскій (Лекц., стр. 86), указывая на малорусское т р̓ и с и сѣверно-малорусское запр̓уов, приписываетъ этимъ формамъ древнее *е*, которое чередовалось съ *я*=**ѧ**, какъ въ л я́ г у-л е ч ь-л ё г.

Стр. 26, стрк. 5 сн. Расширеніе *е* въ *о* на письмѣ встрѣчается съ XII ст.: въ Словѣ св. Ипполита объ антихристѣ написано нпр. **съкажомъ** стр. изд. 22 (л. 17), **блажонъ** стр. 99 (л. 61), **раздѣлнкъшомъ сѧ** стр. 40 (л. 28), Соб., Лекц. 59. Итакъ расширеніе не новѣе XII в., однако сомнительно—вообще ли, или только послѣ шипящихъ.

Стр. 30, стрк. 14 сн. Еще р а́ с п р я, р а́ з в и т и р а́ с п я т, но это очевидно слова̀ книжныя; впрочемъ и къ нимъ подходило бы предлагаемое тамъ же объясненіе слова р а́ з у м. Соболевскій (Лекц. 26) отмѣчаетъ, что «въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ р *о* з, а не р *а* з».

Стр. 33, стрк. 7. Н'и р а́ д а с̓т̓ и н, точнѣе д. б. н̓ и р а́ д ъ с̓т̓ ь н, представляетъ столь же непонятное исключеніе въ своемъ послѣднемъ слогѣ.

Стр. 37, стрк. 11. Въ «Начертаніи славянской акцентологіи», стр. 67, я напрасно оспаривалъ этотъ взглядъ, выставленный (м. б. съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ) сербскимъ ученымъ Д а ничичемъ.

Стр. 37, прим. На стр. 76, но больше въ другомъ мѣстѣ, стр. 74.

Стр. 37, стр. 6 сн. У иныхъ м. б. предударныя *е* и *и* совпадаютъ въ є узкомъ. Конечно, и мое предударное е-и, будучи не вполнѣ яснымъ, смахиваетъ на є.

Стр. 38, стрк. 7 св. Пожалуй предударное *о* хорошо выражено у Богородицкаго черезъ å, обозначающее *а* склонное къ *о*, но тогда также слѣдуетъ выражать и предударное *а*.

Стр. 41, стрк. 3. Написаніе **Нѥвъ**, также **Нѥрданъ**, встрѣчается уже въ староцерковныхъ памятникахъ. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, Москва 1891, стр. 138.

Стр. 42, стрк. 15. Вспомнимъ еще ј и ^й и́ ш н ъ й и ј и ^й и́ ш̇ н̓ ь т͡с а, Иногда вм. ј а́ й т͡с а слышится въ три слога ј а́ ^й ь т͡с а; эта фо-

нема является у Крылова въ басняхъ «Воспитаніе Льва», стихъ 75 и «Напраслина», стихъ послѣдній.

Стр. 48, стрк. 4 сн. Вм. «какъ отмѣчено выше,» нужно «см. ниже, стр. 57.

Стр. 50, стрк. 11. Подобныя ошибки всетаки встрѣчаются, но только при полной безграмотности, т. е. у людей, которые знаютъ лишь основное значеніе буквъ, да и то нетвердо — каковой безграмотности мы не въ правѣ приписывать старинным книжникамъ.

Стр. 51, стрк. 17. Слово **Смолнѣскъ**, надо полагать, не представляетъ ѣ въ смыслѣ мягкаго знака, а ѣ вм. е: первоначально д. б. было Смо̀лнеск—Смо̀лнеска. Срв. стр. 45—46.

Стр. 55, стрк. 11. Въ **вьрьхъ, търъгъ** и т. п. случаяхъ можно говорить о «глухомъ полногласіи» — Потебня назвалъ это «вторымъ полногласіемъ». См. въ лекціяхъ Соб., стр. 27—30.

Стр. 63, стрк. 10 сн. Омёла даетъ птичій клей, употребляемый для ловли птицъ, и походитъ на метелку.

Стр. 64, стрк. 12. Тоже слово въ формѣ jèlito, jelìto и со значеніемъ кишки есть у Чеховъ и у Поляковъ.

Стр. 67, стрк. 20. Нужно pódm̥, т. е. m слоговой.

Стр. 69, стрк. 12. U̯ знакъ неслоговаго *у* (легкаго, чисто-губного *в*).

Стр. 83, стрк. 6 сн. Обыкновенно однако въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ вставки не бываетъ: **срамъ, сравница, срѣда** и т. д. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, стр. 128.

Стр. 87, стрк. 16. Лавровскій писалъ раньше Миклошича—въ 1855 г.

Стр. 88, стрк. 10 сн. **Ѣ** дифтонговый, т. е. восходящій къ oi, ai, при чемъ соотношеніе было бы такое же, какъ между греческими ἔλιπον и λέλοιπα.

Стр. 88, стрк. 6 сн. Въ добавокъ trtíya чуть ли не единичный случай, да и корень его м. б. не tri, а tr̥=tr=ter.

Стр. 131, стрк. 11. Здѣсь однако можно бы видѣть воспроизведеніе южнославянскаго смѣшенія ь и ъ.

Стр. 133, стрк. 21. **Кьꙁа** и т. д., приводимыя здѣсь изъ церковныхъ памятниковъ, могли бы считаться паннонизмами, т. к. паннонскіе памятники передъ узкими слогами нерѣдко пишутъ ь вм. ъ.